

**ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ
ОН СОЗДАВАЛ ШЕДЕВРЫ
И ДАРИЛ ЛЮБОВЬ ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ**

СОЮЗ
ЖУРНАЛИСТОВ
МОСКВЫ

ДИПЛОМ

НАГРАЖДАЕТСЯ

Коллектив редакции журнала "СМЕНА"
(главный редактор М. Кизилев)

*За многолетнюю плодотворную работу
по формированию у читателей чувства
национальной гордости и патриотизма*

Председатель Союза
журналистов Москвы

П.Н. Гусев

Первый секретарь
Союза журналистов Москвы

Л.В. Щербина

2019 г.

Лауреату премии Союза журналистов Москвы

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Поэт-романтик Николай Гумилев 4
<i>Валерия Быкова</i>	Виктор Гюго. Жизнь титана 40

Минувшее

<i>Алла Зубкова</i>	Блуждающая княгиня 20
---------------------	------------------------------------

Рассказ

<i>Хелью Ребане</i>	Астральное тело 33
	Непреодолимое желание 38
<i>Варвара Ключева</i>	Тонкое искусство 112

Итоги конкурса «Знаки судьбы»

<i>Вадим Деревянский</i>	Ваня 52
--------------------------	----------------------

Забывтые усадьбы

<i>Дмитрий Зелов</i>	История страны на фоне усадьбы 58
----------------------	--

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Иван Иванович: «Я считаю, что мне повезло в жизни» 65
<i>Иван Переверзин</i>	Мой Глазунов 83

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Неизвестная «Утопленница» Серова 73
---------------------	--

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Горькая доля русских царевен 103
--------------------------------	---

Поэзия

<i>Александр Амосин</i>	Стихи 124
-------------------------	------------------------

Остросюжетная повесть

<i>Иосиф Гольман</i>	Пассажир сошел 130
----------------------	---------------------------------

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Гордынская Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Портрет французского писателя Виктора Гюго
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.01.2019

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Императрица Анна Иоанновна и Эрнст Иоганн Бирон. Десять лет продолжалось царствование племянницы Петра Великого, и все это время рядом с тронном стоял этот честолюбивый, беспринципный человек. Всем известно выражение — «бироновщина». Как же случилось, что имя мелкого курляндского дворянина стало символом правления этой властительницы российского престола?»

Алла **Зубкова** «Сильнее дружбы, больше чем любовь»

«Едва ли найдется еще писатель, который создал бы так мало, а сказал так много, как Исаак Бабель. Он пестовал свой дар и оттачивал неповторимый стиль в стороне от читательских глаз, сразу представ перед ними сложившимся мастером. Приземистый, с широким губастым лицом и смеющимися глазами за стеклами круглых очков, он смотрел на жизнь, как на «луг в мае... по которому ходят женщины и кони». Бабель знал цену власти и все же по необъяснимой причине тянулся к тем, кто был ею наделен, да еще в то время, когда это могло очень плохо кончиться. Как, собственно, с ним и произошло..»

Юрий **Осипов** «Магия Бабеля»

«Облако, парящее над землей» — так называли балерину Анну Павлову современники. Она действительно словно парила над сценой. И ее не интересовало ничего, кроме театра и ее любимого балета. Она танцевала — и только в этом была вся ее жизнь. Ну, или почти вся.

Светлана **Бестужева-Лада** «Облако, парящее над землей»

«В течение своей жизни эта женщина носила имена и титулы Маргариты Французской, королевы Наваррской, королевы Франции, графини Анжанской и герцогини де Валуа. Но уже четыре столетия для всего света она — единственная и несравненная королева Марго, «божественная Марго», супруга Генриха IV, сестра трех королей, последняя из династии Валуа.

Валерия **Быкова** «Повелительница сердец»

«Детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Мама против»

Юрий Осипов

Поэт-романтик ГН Николай Гумилев

Поэт, писатель, литературный переводчик и критик, африканист и путешественник-первооткрыватель, а также боевой офицер-кавалерист в Первую мировую, Николай Степанович Гумилев свято верил, что художественное слово способно не только облагораживать сердца людей, но и преобразовывать окружающую действительность. Он являл собой поэта-теоретика, одной из легенд Серебряного века, чьи стихи во второй половине 20-х годов были надолго изъяты из обращения.

Творчество Гумилева напрямую подчинялось его мировоззрению, в котором главенствующую роль занимала идея торжества духа

над плотью. Он доказал это личным примером, еще совсем молодым окончив свои дни у расстрельного рва, который осужденные сами себе вырыли...

Прозаик в нем всю жизнь боролся с поэтом, намеренно загоня себя в тяжелые, подчас неразрешимые ситуации. И все по одной простой причине — только в момент горестных утрат и крушения надежд к поэту приходило подлинное вдохновение. Он всегда и везде оставался, прежде всего, Романтиком с большой буквы. Недаром лучше всего у него получались стихотворения, проникнутые романтикой дальних странствий и морских приключений. *«Послушай: далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф»*. *«Или, бунт на борту обнаружив, \ Из-за пояса рвет пистолет, \ Так что сыпется золото с кружев, \ С розоватых брабантских манжет»*.

Гумилев был казнен за участие в контрреволюционном заговоре Таганцева, к которому оказался непричастен и которого, как теперь выяснилось, по сути, не существовало. Он многого не успел в своей короткой жизни, но сделал из нее, подобно Пушкину, подлинное «произведение искусства».

3 апреля 1886 года у корабельного врача Степана Яковлевича Гумилева и его жены Анны Ивановны родился сын, которого называли Николаем. Семья жила в Кронштадте, а после отставки главы семьи переехала в Петербург.

Будущий поэт рос крайне болезненным ребенком. Частые головные боли доводили его до иступления, а обостренная чувствительность к звукам, вкусам и запахам доставляла подлинные страдания. При этом во время приступов он практически лишался слуха и ориентации в пространстве.

Осенью 1894 года Коля поступил в Царскосельскую гимназию, но про-

учился там только пару месяцев. Из-за своего болезненного вида он постоянно подвергался насмешкам сверстников. Не желая травмировать и без того нестабильную психику сына, родители перевели его на домашнее обучение.

Зато литературный дар Гумилева проявился еще в раннем детстве. Шести лет от роду он написал свое первое четверостишие. В Тифлисе, куда в 1900 году родители привезли Колю для поправки здоровья, отдав мальчика на пару лет учиться в местную гимназию, он опубликовал стихотворение «Я в лес бежал из городов...» Романтик в нем уже заявил о себе во весь голос.

После возвращения семьи домой окрепший Николай пошел снова учиться в Царскосельскую гимназию, где неожиданно с одержимостью увлекся творчеством Ницше, забросив все предметы гимназической программы. В результате он начал сильно отставать и только стараниями тогдашнего директора гимназии, замечательного поэта и литературного критика И. Анненского сумел весной 1906 года получить

посылал свои стихи, статьи и рассказы. Брюсов познакомил его в Париже с другими русскими литературными мэтрами — Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус.

Стараясь во всем подражать своему кумиру Оскару Уайльду, молодой поэт носил цилиндр, завивал волосы (тогда он еще не полысел) и даже подкрашивал губы. В таком виде он встретил в 1904 году на пе-

---

Литературный дар Гумилева проявился еще в раннем детстве. Шести лет от роду он написал свое первое четверостишие. А в 13 лет опубликовал стихотворение «Я в лес бежал из городов...» Уже тогда романтик в нем заявил о себе во весь голос. В 1905-м году был издан первый сборник стихов Гумилева «Путь конквистадоров», открывший ему дорогу в большую литературу

аттестат зрелости. За год до этого на деньги родителей был издан первый сборник стихов Н. Гумилева «Путь конквистадоров», открывший ему дорогу в большую литературу.

Дальше была поездка в Париж. Там он слушал лекции по литературоведению в Сорбонне и посещал выставки картин. А еще — издал три номера литературного журнала «Сириус» и вполне напился богемным духом французской столицы. Свои плоды принесли также знакомства с русскими и французскими писателями, интенсивная переписка с В. Брюсовым, которому Гумилев

тербургском балу юную Анну Горенко, которой суждено было превратиться в Ахматову, и без памяти влюбился. Через год сделал ей предложение и получил отказ. Начинаящая талантливая поэтесса была капризна и амбициозна.

Отвергнутый Гумилев впал в глубокую депрессию и дважды пытался свести счеты с жизнью. Первую попытку обставил с театральной торжественностью. Поехал во французский курортный городок Турвиль и прямо на пляже пошел топиться. Отдыхающие приняли его за бродягу и вызвали полицию... Узрев в сво-

ей неудаче знак свыше, Николай написал Анне письмо с новым предложением руки и сердца. И вновь получил отказ. Тогда, убитый горем, он решил довершить начатое, принял яд и отправился дожидаться смерти в Булонский лес. Но его подобрал лесничие и доставили в больницу.

В конце 1908 года Гумилев вернулся на родину, издал принесший ему некоторые деньги сборник стихов «Романтические цветы» и продолжил добиваться расположения своей избранницы. Его настойчивость увенчалась успехом. В 1910-м поэтическая пара обвенчалась и от-

правилась в свадебное путешествие все в тот же Париж. До этого, правда, Николай Степанович успел совершить рискованную африканскую экспедицию. И — ввязаться в запутанную любовную историю, окончившуюся дуэлью с Максимилианом Волошиным, последней дуэлью поэтов в XX веке.

Дело обстояло так. В 1907 году в Париже Гумилев встретил начинающую поэтессу Лизу Дмитриеву. Два года спустя, уже петербургской весной, их мимолетное знакомство неожиданно вылилось, как писала сама Дмитриева, в «молодую звон-

Анна Горенко

кую страсть». «Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей». Альбом с этой гумилевской надписью Дмитриева сохранила, но выйти замуж за поэта отказалась, несмотря на его уговоры, будучи тогда, по собственному признанию, «невестой другого».

Тем не менее, той же весной она с Гумилевым поехала в Коктебель к Максиму Волошину. И там образовался любовный треугольник. «Самая большая любовь в моей жизни, самая недостижимая, это был Максимилиан Александрович», — призналась Дмитриева. «Недостижимый» эпикуреец ответил молодой поэтессе взаимностью, и Гумилеву пришлось уехать из Коктебеля в гордом одиночестве. В Петербур-

ге, однако, крымская «рапсодия» получила продолжение.

На страницах культового журнала Серебряного века «Аполлон» появились стихи загадочной иностранки Черубины де Габриак, наделавшие много шума. Они оказались литературной мистификацией Волошина, который хотел таким образом привлечь внимание к подлинному автору этих стихов — Елизавете Дмитриевой. Раздосадованный очередным отказом своевольной поэтессы, Гумилев, по слухам, начал в грубых выражениях рассказывать повсюду интимные подробности его романа с Дмитриевой. Волошин, узнав про это, публично дал ему пощечину, следствием которой стала дуэль.

Свидетель этой сцены Алексей Толстой, выступивший секундантом Волошина, позднее встал на сторону Гумилева: «Я знаю и утверждаю, — заявлял он, — что брошенное обвинение... было ложно... Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения...» Дуэль состоялась 22 ноября на той самой Черной речке, где 72 года назад произошла роковая дуэль Пушкина. Стрелялись его поэтические наследники из дуэльных пистолетов середины XIX века. Оба противника опоздали — машина Гумилева застряла в снегу, а Волошин потерял в снегу калошу и долго ее разыскивал.

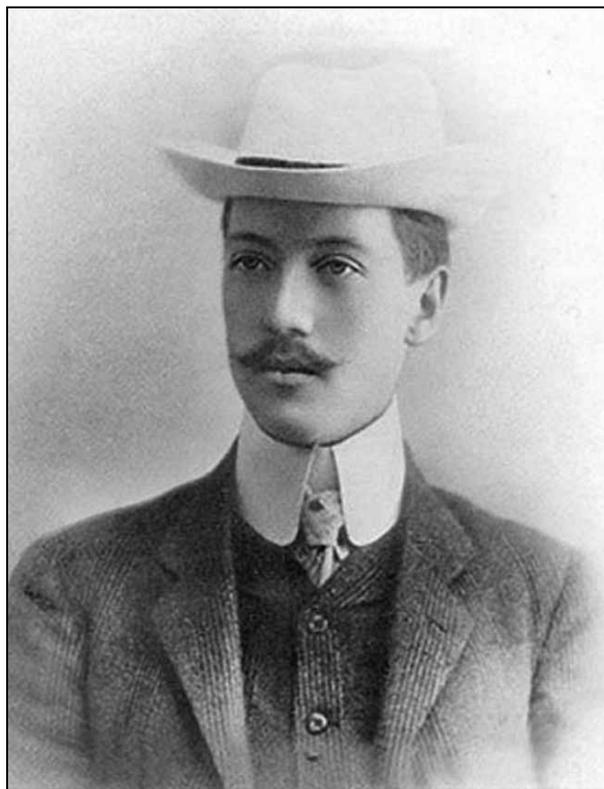
К тому времени дуэли в России, как и по всей Европе, большей частью оканчивались бескровно и носили преимущественно формаль-

ный характер. Однако Гумилев требовал стреляться на пяти шагах, до смертельного исхода. Слава богу, секунданты не допустили таких жестоких условий, и Толстой отмерил 25 шагов. Пистолеты пушкинской эпохи были мало приспособлены для стрельбы в сырую погоду. К тому же дуэлянты не умели обращаться с подобным антикварным оружием. Оба сделали по два выстрела. Гумилев целил в противника, но промахнулся, Волошин выстрелил в воздух. На этом, к счастью, дуэль была остановлена.

На следующий день во всех газетах писали о «смехотворной» дуэли. Обоих ее участников наказали штрафом в 10 рублей. У Дмитриевой после случившегося произошел творческий кризис, она ничего не писала пять лет, а в 1911 году вышла замуж и уехала в Туркестан. Примирение между Гумилевым и Волошиным так и не состоялось.

Брак молодых, красивых и безмерно талантливых поэтов — Гумилева и Ахматовой — выглядел очень романтично, но вскоре распался. Истинной любви между ними, увы, не было. Каждого из них ждала своя трагическая судьба.

В Париже Ахматова познакомилась на Монмартре с начинающим бедным художником Амадео Модильяни, позировала ему и влюбилась в Модя. Вспыхнул бурный роман, и Гумилев ради сохранения брака настоял на немедленном возвращении в Россию. Анна Андреевна

Николай Гумилев

увозила с собой свой сопровождавший ее всю жизнь знаменитый портрет работы Модильяни.

На время отношения супругов были восстановлены. В 1912 году у них родился сын Лев, будущий выдающийся опальный историк и этнограф. Однако уже год спустя брак их потерпел все-таки полный крах, хотя развестись и вступить в новый брак по закону они смогли только после революции. Гумилев искал утешений на стороне, «не пропуская взглядом ни одной красивой женщины». Ахматова дарила знаки внимания пылким молодым писателям...

Предшествовавшие годы оказались для Николая Степановича весьма насыщенными в творческом плане. Он часто бывал в элитарной «Башне» Вяч. Иванова и на заседа-

ниях Общества ревнителей художественного слова, где завел множество новых литературных знакомств. В 1909 году совместно с художником объединения «Мир искусства» С. Маковским он организовал иллюстрированный журнал «Аполлон», посвященный живописи, музыке, театру и литературе. В нем Гумилев вел критический раздел и печатал свои нашумевшие «Письма о русской поэзии». Его литературная известность росла. В год женитьбы на Ахматовой был издан сборник

стерство его членов. «Синдиками» в новом объединении считались Гумилев и Городецкий. Поэзию они провозгласили ремеслом, а всех подопечных разделили на мастеров и подмастерьев. На первом заседании на квартире Городецкого присутствовал приглашенный Александр Блок, тепло вспоминая об этом вечере.

Еще год спустя Гумилев заявил о создании акмеизма. Новое течение, к которому примкнули члены «Цеха поэтов», ставило задачей вер-

---

Гумилев обладал особым даром провидения и предвидел свою гибель. Пойдя на сотрудничество с большевиками, человек высокого духа и безупречной дворянской чести, он даже в условиях «красного террора» не скрывал своих религиозных и политических взглядов, открыто крестился на церкви и называл себя «убежденным монархистом»

«Жемчуга», куда автор включил культовую поэму «Капитаны». Сборник получил хвалебные отзывы В. Брюсова, И. Анненского, Вяч. Иванова и других корифеев символизма.

Окрыленный успехом, Гумилев в следующем году объявил об основании «Цеха поэтов», куда, кроме него самого, вошли Ахматова, Мандельштам, Нарбут, Городецкий, Кузьмина-Караваева и еще несколько человек. Первоначально «Цех» не имел четкой направленности и, по мысли Гумилева, призван был совершенствовать художественное ма-

нать стиху материальность, предметность тематики и смысловую точность слова, в противовес переживавшему глубокий кризис символизму. Акмеисты учредили издательство «Гиперборей» и одноименный журнал.

А Николай Степанович после рождения сына неожиданно поступил на филологический факультет Петербургского университета, где изучал старофранцузскую поэзию. И параллельно выпустил поэтический сборник «Чужое небо», вобравший впечатления его путешествий.

После поездки на Сомали увидела свет африканская поэма «Мик».

Девятью годами ранее жажда новых впечатлений подтолкнула Гумилева к изучению Русского Севера. В лощине устья реки Индель он обнаружил высеченные на скале иероглифы и был уверен, что нашел легендарную Каменную книгу, которая, по поверьям, содержала первоначальные знания о мире. Затем,

*Максимилиан
Волошин*

при содействии императора, Николай Степанович организовал экспедицию на Кузовский архипелаг, где вскрыл древнюю гробницу и извлек из нее уникальный артефакт — так называемый «Гиперборейский гребень». Легенда гласит, что этот гребень Николай II подарил своей любовнице, балерине Матильде Кше-

синской, и он до сих пор хранится в тайнике ее бывшего петербургского особняка.

Вскоре после возвращения с Севера судьба свела поэта с одержимым исследователем Черного континента академиком В. Радловым, и Гумилев сумел уговорить выдающегося этнографа зачислить его помощником в готовившуюся абиссинскую экспедицию. Болезнь за-

*Елизавета Дмитриева
(Черубина де Габриак)*

ставила прервать путешествие, но, едва оправившись, он вновь уехал в Африку к Радлову. И возвратился оттуда весной 1911 года уже в санитарной повозке с жестоким приступом тропической лихорадки...

Следующую длительную этнографическую экспедицию он совершил в 1913 году по согласованию с Ака-

демией наук. В России поэт остав- лял не только новорожденного сы- на, но и свою новую страсть, актри- су мейерхольдовского театра Ольгу Высоцкую, ставшую его музой. Они встретились на юбилее Константина Бальмонта осенью 1912-го, а уже че- рез год на свет появился сын Гуми- лева Орест, о чьем существовании поэт так и не узнал.

К тому моменту он был уже опыт- ным путешественником, исследова- телем малоизвестных районов и пле- мен Эфиопии. Не раз смотрел в лицо смертельным опасностям, научился стойко переносить любые тяготы и лишения. Мучительные физические недуги детства и ранней юности оста- лись в прошлом, побежденные волей этого удивительного человека.

...Из Харара путь Гумилева ле- жал через малоисследованные зем- ли племени галла. Когда сплавля- лись по реке Уаби, путешественни- ка чуть не утащил крокодил. Запасы провизии кончались, и ему прихо- дилось добывать пищу охотой. В се- лении Шейх-Гуссейн, названном в честь почитаемого святого, Нико- лай Степанович благополучно об- следовал жуткую пещеру, из кото- рой по поверью племени не мог вы- браться ни один грешник. «Надо было раздеться... и пролезть между камней в очень узкий проход. Если кто застревал — он умирал в страш- ных мучениях: никто не смел подать ему кусок хлеба или чашку воды...»

В августе 14-го Гумилев записал- ся добровольцем в армию. Для него

начало войны совпало с тяжелым периодом в жизни. Богема северной столицы ему наскучила, отношения с Ахматовой окончательно разлади- лись, «Цех поэтов» прекратил свое существование. Вместе с Николаем на фронт по призыву ушел и его брат Дмитрий, который был конту- жен в бою и умер в 1922 году.

Примечательно, что хотя почти все именитые поэты того времени слагали либо патриотические, либо военные стихи, в боевых действиях участвовали лишь двое — Н. Гуми- лев и Б. Лифшиц. А Гумилев к тому же стал еще и лихим кавалерис- том-разведчиком. Его зачисли- вольно-определяющимся в лейб- гвардии Уланский полк.

После двухмесячной подготовки полк был переброшен в Южную Польшу. 24 декабря за ночную раз- ведку перед сражением поэт был награжден Георгиевским крестом и произведен в унтер-офицеры. Не- прерывные боевые действия и кон- ные разъезды окончились болезнью. Месяц он лечился в Петрограде и вновь вернулся на фронт. И опять участвовал в опасных разведыва- тельных рейдах, а затем воевал на Волыни, где прошел через самые тяжкие испытания и получил второго Георгия, которым очень гордился.

В июле 1915 года его полк герои- чески держал оборону до подхода пехоты во время массированного наступления противника. Николай Степанович был награжден третьим Георгиевским крестом, произведен в прапорщики и триумфально вер-

Николай Гумилев, Лев Гумилев, Анна Ахматова

нулся на побывку в Россию. Он использовал выпавшую ему передышку для активной литературной деятельности. Подготовил к изданию сборник военных стихов «Колчан», начал мемуарные «Записки кавалериста». А в апреле 16-го был переведен в 5-й Гусарский Александрийский полк, стоявший возле Двинска. Бешеная ночная скачка в жару под огнем неприятеля стоила ему воспаления легких.

Врачи петербургского госпиталя посоветовали поэту продолжить лечение на юге. Он отправился в Ялту, но вскоре вновь вернулся на фронт и оставался в окопах вплоть до января 17-го года. Активные боевые действия там постепенно стихли,

и Гумилев добился перевода в русский экспедиционный корпус. До Парижа Николай Степанович добирался кружным путем, через Швецию, Норвегию и Англию. Бытует мнение, что по поручению Генштаба он выполнял секретные разведзадания...

В Лондоне поэт задержался чуть ли не на месяц. Занимался издательскими делами «Гиперборея», выяснив, что бумага и типографские расходы обойдутся журналу дешевле, чем в России. Кроме того, завел приятельские отношения с самим Г. Честертоном и поэтом Йейтсом. В Париж Гумилев прибыл уже в качестве адъютанта при комиссаре Временного правительства и близко сошелся с находившимися

тогда там выдающимися русскими художниками М. Ларионовым и Н. Гончаровой.

А еще успел влюбиться в полурусскую-полуфранцуженку Елену дю Буше, дочь известного хирурга и даже посвятил ей стихотворный сборник «К синей звезде». Однако серьезного продолжения роман не имел. Вихрь революционных событий не оставил для этого времени.

Ольга и Орест Высоцкие

Общее разложение на фронтах русской армии перекинулось и на экспедиционный корпус. Его 1-я и 2-я бригады, сражавшиеся с немцами под Шампанью и в Салониках, подняли мятеж. Гумилев, который, пресытившись адъютантской службой, перешел строевым офицером в 3-ю бригаду, державшую оборону в Арденнах, принимал участие в подавлении мятежа.

Многих взбунтовавшихся солдат депортировали в Петроград, где после Октябрьской революции утвердилась советская власть, подписав-

шая унижительный Брестский мир с Германией. Экспедиционный корпус был расформирован. Но около тысячи добровольцев продолжили воевать вместе с союзниками в русском «Легионе чести». Гумилеву предложили место в пока еще продолжавшем функционировать шифровальном отделе русского правительственного комитета в Париже. Чиновничья должность устроить боевого офицера не могла, и, проработав там два месяца, Николай Степанович 10 апреля 1918 года отбыл в Россию. Навстречу смерти.

С Ахматовой они разошлись в том же году, и, едва освободившись от семейных уз, Гумилев повстречал свою вторую жену — тоже Анну, потомственную дворянку Анну Николаевну Энгельгардт, с которой познакомился на поэтической лекции В. Брюсова. Современники отмечали удивительную глупость девушки. Ее лишённые всякого смысла реплики нередко ставили Николая Степановича в тупик. Его ученица, поэтесса Ирина Одоевцева, говорила, что избранница мастера не только по внешности, но и по развитию казалась 14-летней девочкой. Быть может, устав от рафинированной и сверхинтеллектуальной Ахматовой, Гумилев находил в Анне Николаевне своеобразный «оазис» наивной простоты и непосредственности. Иначе чем объяснить столь странный выбор?

Вторая супруга поэта пережила его, чтобы встретиться вместе с дочерью Гумилева, Еленой, страшный ко-

нец в блокадном Ленинграде. Ахматовой повезло больше... В своих стихах она писала о бывшем муже, подчеркивая их незримую и нерасторжимую связь. «Верно, понял: крепко спаяна \На двоих одна душа».

Без колебаний следуя велениям судьбы, Гумилев, подобно многим

твердо ответил: «Я — убежденный монархист».

Гумилев негативно относился к большевистской диктатуре, считая недопустимым строить новое государство на крови и насилии, какими бы благими намерениями утвердившаяся власть не руководствовалась. Поэт неоднократно высказывался по

Гладко выбритый, в элегантном пальто и шляпе, щеголяя офицерской выправкой, приходил Николай Степанович на занятия руководимой им поэтической студии «Звучащая раковина». После одного из занятий, где он, по обыкновению, засиделся с боготворившей его молодежью, Гумилев возвращался домой далеко за полночь, не подозревая, что в квартире его уже ждет засада. Его доставили в «Кресты», вменив в вину участие в заговоре боевой организации Таганцева. Несмотря на многочисленные ходатайства и даже на просьбу самого Горького о помиловании поэта, Гумилева, вместе с другими участниками «заговора» (всего 61 человек), расстреляли. Увы, место расстрела и захоронения до сих пор неизвестно

своим выдающимся предшественникам, конечно же, обладал даром провидения и предвидел свою гибель. Пойдя на деятельное сотрудничество с большевиками, поэт-романтик, человек высокого духа и безупречной дворянской чести, он даже в условиях «красного террора» не скрывал своих религиозных и политических взглядов. Открыто крестился на церкви, а во время одного поэтического вечера на вопрос из зала: «Каковы ваши убеждения?» —

поводу того, что Россия с ее богатым историческим и культурным прошлым отдана на растерзание варварам, которые неизбежно уничтожат все лучшее, созданное многими поколениями.

В разгар гражданской войны в стране царил анархия. Поэтому государственная цензура тогда фактически отсутствовала, и в 1919 году Гумилеву удалось напечатать стихотворение «Заблудившийся трамвай», — одно из самых

Слева:

*Анна
Энгельгардт*

Его поэтическое творчество в этот последний период жизни обрело новый размах. В 1921 году он опубликовал два сборника стихов. Первый — «Шатер» — проникнут отголосками его африканских путешествий и должен был стать частью задуманного им масштабного «учебника географии в стихах». В нем Гумилев планировал описать всю обитаемую сушу. Второй сборник — «Огненный столп» — включил в себя такие шедевры гумилевской лирики, как «Слово», «Шестое чувство», «Мои читатели», и считается вершиной его поэзии.

...Гладко выбритый, в элегантном «дореволюционном» пальто и шляпе с твердыми полями, шеголяя офицерской выправкой, приходил Николай Степанович на занятия поэтической студии «Звучащая раковина»,

которой начал руководить весной 21-го. Он делился с молодыми слушателями своим опытом и знаниями, читал им лекции по основам стихосложения.

После одного из занятий студии Гумилев был арестован. По обыкновению он засиделся с боготворившей его молодежью и домой возвращался далеко за полночь. На квартире поэта уже ждала засада.

Его доставили в «Кресты» и вменили в вину участие в заговоре «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева». Несколько дней вслед за арестом Николая Степановича М. Лозинский и Н. Оцуп пытались, как могли, спасти друга, но, увы, безуспешно. Не помогло даже ходатайство Горького. Дважды Алексей Максимович обращался к Ленину с просьбой о помиловании

поэта. Ильич, однако, остался верен принятому решению.

24 августа вышло постановление Петроградской ГубЧК о расстреле участников «таганцевского заговора» (всего 61 человек), с указанием, что приговор уже приведен в исполнение. Место их расстрела и захоронения до сих пор неизвестно. Анна Ахматова считала, что это произошло в районе пристани «Лисий нос», в глухой окраине города за пороховыми складами на Ржевском артиллерийском полигоне. Именно там, на берегу речки Лубья, не без усилий Анны Андреевны, установили могильный каменный крест.

Гумилев предвидел и это. *«И умру я не на постели, \ При нотариусе и враче, \ А в какой-нибудь дикой щели, \ Утонувшей в густом плюще...»*

Спустя 70 лет со дня трагической гибели поэта были рассекречены

архивные материалы, доказывающие, что «таганцевский заговор» полностью сфабриковал высокопоставленный сотрудник НКВД Я. Агранов. В связи с отсутствием состава преступления дело Николая Гумилева в 1991 году было закрыто, а через год поэта, наконец, официально реабилитировали. Вернулся он и на наши книжные полки и, верится, уже больше не исчезнет с них.

Накануне ареста Николай Степанович записал: *«Совсем недавно я видел сон... Когда я проснулся, я почувствовал ясно, что жить мне осталось совсем недолго, несколько месяцев, не больше. И что я очень страшно умру... Я очень надеюсь, что Бог услышит мои молитвы и пошлет мне достойную героическую смерть... Не сейчас, конечно. Лет так через пятьдесят. Не раньше. Ведь я еще столько должен сделать в жизни».*

Николай Гумилев

* * *

*Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.*

*Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.*

*И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,*

*Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.*

* * *

Дремала душа, как слепая,
Так пыльные спят зеркала,
Но солнечным облаком рая
Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много
Созвучий звенящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для губ полудетских твоих.

Не знал я, что в сердце так много
Слепящих созвездий таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для глаз говорящих твоих.

И рад я, что сердце богато,
Ведь тело твоё из огня,
Душа твоя дивно крылата,
Певучая ты для меня.

* * *

Когда, изнемогши от муки,
Я больше её не люблю,
Какие-то бледные руки
Ложатся на душу мою.

Во мраке остывшей ночи
Нездешней мольбою горят.

И чьи-то печальные очи
Зовут меня тихо назад,

И снова, рыдая от муки,
Проклявши своё бытие,
Целую я бледные руки
И тихие очи её.

* * *

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве, глухой
и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь
отреклась,
Завтра, знаю, вернешься
покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной
любовью,
Если стоны любви будут стонами
мук,
Поцелуи — окрашены кровью.

* * *

Нежно-небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу,
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Лишь одно бы принял я,
не споря —
Тихий, тихий золотой покой,

Что же думать, как бы сладко
нежил
Тот покой, и вечный гул томил,
Если б только никогда я не жил,
Никогда не пел и не любил. □

Алла Зубкова

Блуждающая княгиня

Она слыла одной из самых ослепительных красавиц Петербурга. Ее брак с П.И. Багратионом, участником походов А.В. Суворова, устроил сам император Павел I. К сожалению, союз Екатерины Павловны Скавронской

с прославленным генералом не был счастливым. Княгиня Багратион не любила своего мужа, а он обожал ее. Вместе они прожили всего пять лет, а потом княгиня, с согласия мужа, выехала «для лечения» за границу. Ее любовные приключения обсуждали во всех светских салонах Европы, но рыцарски благородный Багратион ни разу не осудил поведение жены, надеясь, что она вернется к нему. Этого, увы, не произошло.

Княгиня умела блестяще сочетать любовные интриги с политическими. Ее салон в Вене стал центром притяжения всех антинаполеоновских сил в Австрии, да и не только в ней. Многие считали ее тайным агентом русского правительства. В числе ее любовников был и один из главных противников Наполеона, австрийский канцлер Меттерних, от которого у нее была дочь. Во время Венского конгресса 1814 года Екатерина смогла добыть секретные сведения для присутствовавшего там русского императора Александра I, с которым у нее был короткий, но страстный роман. В Россию княгиня так никогда и не вернулась.

Екатерина Павловна Скавронская родилась в Санкт-Петербурге 7 декабря 1783 года. Отец ее, граф Павел Мартынович Скавронский, внук латышского крестьянина Карла Скавронского, своим возвышением обязан сестре Марте, известной в российской истории как императрица Екатерина I, жена Великого Петра. Отец графа, двоюродный брат императрицы Елизаветы Петровны, стал генерал-аншефом, камергером и сенатором. Сам отец Катеньки, обладавший огромным состоянием, был человеком вполне заурядным, но с причудами и странностями. Он любил музыку, и его гостиные напоминали оперные подмостки. Отдавая приказание слугам, он пел их под аккомпанемент оркестра. Слуги должны были отвечать речитативом.

Мать Катеньки, Екатерина Васильевна Энгельгардт, приходилась племянницей светлейшему князю Г.А. Потемкину-Таврическому, все-сильному фавориту Екатерины II. Кроме нее у князя были еще две племянницы, и всех троих он прибил ко двору. В 1781 году Екатерину Васильевну выдали за влюбленного в нее Павла Скавронского. Потемкин добился для него поста посланника в Неаполе, и он отправился в Италию. Однако Екатерина еще пять лет не могла выехать к мужу — дядюшка держал ее при себе. Впрочем, к мужу своему графиня была совершенно равнодушна.

После смерти супруга в 1793 году она вернулась в Петербург, где воспитывала двух своих дочерей, Екатерину и Марию. Точеную фигуру

и античные черты лица Катенька унаследовала от матери, которую Потемкин, тонкий ценитель женской красоты, называл «ангелом во плоти». Совсем еще юная девушка в совершенстве овладела искусством кокетства и на придворных приемах, балах и маскарадах сводила с ума молодых военных и дипломатов. Во время балов в императорском дворце в Гатчине молодая фрейлина обратила внимание на недавно появившегося при дворе генерал-майора, князя Петра Ивановича Багратиона. Любимый ученик А.В. Суворова, проявивший удивительную отвагу и незаурядный талант военачальника в Итальянском и Швейцарском походах легендарного полководца, стал весьма популярен при дворе. По личному распоряжению Павла I он был назначен шефом лейб-гвардии егерского батальона, которому была вверена охрана царской семьи.

Петр Иванович принадлежал к грузинскому царскому роду Багратионов, правящему Грузией более тысячи лет, вплоть до начала XIX века. Дед Багратиона, царевич Александр Иесеевич, получил русское подданство в середине XVIII века. Александр Иесеевич, как сын царя, именовался в русских документах царевичем, но отец будущего героя 1812 года царевичем уже не был, а упоминался только как князь Иван Багратион. Точная дата рождения Петра Ивановича неизвестна, но большинство исследователей счи-

тает, что он родился в 1765 году в Кизляре Астраханской губернии. Имя матери Багратиона историкам также выяснить не удалось, неоспоримо одно — она, как и ее муж, была царского рода.

Разумеется, нет ничего странного в том, что честолюбивой юной фрейлине императрицы захотелось иметь в числе своих поклонников героя сражения при Сен-Готарде и в боях у Чертова моста. Но известно также, что особо нежных чувств генерал-майор у нее не вызывал. Багратион был довольно импозантным мужчиной — выше среднего роста, неплохо сложенный, с шапкой черных вьющихся волос, густыми бакенбардами, темными пронизательными глазами и очень крупным орлиным носом, — но красавцем его никто бы не назвал. Интерес к его персоне со стороны очаровательной девушки явно смущал генерала, и он старался, как ей показалось, избегать встреч с ней на балах. Это еще больше раззадорило капризную своенравную девушку. Однажды она подошла к Петру Ивановичу и, мило улыбаясь, попеняла ему — не к лицу, мол, храброму генералу избегать слабую женщину. Катенька пустила в ход все свои чары, и вскоре темпераментный, легко увлекающийся Багратион был в нее страстно влюблен. Одержав очередную победу и потешив свое самолюбие, девушка посчитала дело законченным и занялась флиртом с более молодыми и красивыми кавалерами. Петр Ива-

нович ходил, как в воду опущенный. Это заметили все. Узнав о причине подавленного настроения шефа своих егерей, к которому он благоволил, император принял молниеносное решение — поженить молодых. К числу многочисленных странностей императора относилась и страсть женить придворных, не спрашивая подчас их желания. Камер-фурьерские журналы, в которых фиксировалось царское времяпрепровождение, часто сообщали о свадьбах, состоявшихся

ратора, вместе со всеми родственниками отправлялись в ссылку. Графиня Скавронская не решилась ослушаться. Свадьба состоялась 2 сентября 1800 года в придворной церкви Гатчинского дворца, и ее подробности сохранились в камер-фурьерском журнале. В этот день в половине пятого в Кавалерской комнате (она называлась еще Белый зал или Аванзал) Гатчинского дворца собрались придворные, родственники невесты и приглашенные знатные особы. Екатерина Павловна, одетая

Княгиня умела блестяще сочетать любовные интриги с политическими. Многие считали ее тайным агентом русского правительства. Во время Венского конгресса 1814 года Екатерина смогла добыть секретные сведения для присутствовавшего там императора Александра I, с которым у нее был короткий, но страстный роман

в придворной церкви в присутствии императорской четы. Екатерине Васильевне Скавронской, статс-даме царицы, было послано распоряжение немедленно прибыть во дворец вместе с дочерью, причем дочери быть в подвенечном платье. Павел I объявил пришедшей в ужас Скавронской и пораженному Багратиону о своем желании присутствовать на свадьбе Петра Ивановича и Екатерины Павловны. Известны были случаи, когда дамы, не выполнившие подобных «пожеланий» импе-

в парадное «русское платье», была приведена в покои императрицы, где ее «убрали бриллиантовыми к венцу наколками». Затем невеста, в сопровождении посаженного отца графа А.С. Строганова и посаженной матери княгини А.П. Гагариной и своих ближайших родственников, прошла из внутренних покоев императрицы через Чесменскую галерею в церковь, где уже находились Багратион и сопровождающие его лица. В церковь прибыла императорская чета, и дежурный просвитель Николай

*Князь
Петр
Иванович
Багратион*

Стефанов совершил обряд бракосочетания. После этого царская чета удалилась. Новобрачные вместе со своими гостями прошли через двор в Картинную комнату, где был подан «кофей с десертом». Затем, как свидетельствует камер-фурьерский журнал, новобрачные и их гости прошли к «вечернему столу», убранному с поистине царской роскошью.

Злые языки утверждали, что после торжества графиня Скавронская с дочерью отбыла в свой Петербургский особняк. Багратион туда приглашен не был. Якобы гра-

финя заявила князю, что он должен немедленно озаботиться приобретением подходящего дома для себя и ее дочери, и, таким образом, князь свою первую брачную ночь провел без супруги.

Вскоре Петр Иванович снял квартиру на Адмиралтейском проспекте. Дом этот, расположенный напротив Зимнего дворца, принадлежал графине Мусиной-Пушкиной-Брюс.

В Петербурге жизнь Екатерины Павловны была наполнена развлечениями и визитами. Она держалась обособленно от мужа. У нее был соб-

ственный штат прислуги, включая отставного поручика, приживалки и арапчонка. Князь довольствовался своими ординарцами и денщиками, которые были положены ему по штату как шефу гвардейскому батальона. Прежде чем зайти на половину жены, он должен был сообщить о своем желании поручику, отвечавшему за охрану своей госпожи. Будущий герой войны 1812 года А.П. Ермолов в своих «Записках» вспоминал: *«Багратион возвратился из Италии в сиянии славы и блеске почестей ... Государь избрал ему жену прелестнейшую, состояние огромное, но в сердце жены не вложил он любви к нему, не сообщил ей постоянства! Нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия!»*

В 1802 году Багратион предполагал совершить с женой путешествие по Италии, посетить Неаполь. Однако поехала туда одна Екатерина Павловна. У князя просто не было денег. Скромный, неприхотливый в быту человек, он становился щедрым до расточительства, когда дело касалось других. Положение шефа гвардейского батальона, приближенного к царскому двору и вынужденного вести придворный образ жизни, требовало больших средств, а их Петр Иванович не имел. Жалование он получал скромное — немного больше двух тысяч рублей. Долгу же на нем было в общей сложности восемьдесят тысяч рублей. В 1802 году казна по прошению князя купила у него деревню, пожалованную ему

за боевые заслуги. Так поступали запутавшиеся в долгах вельможи в надежде на то, что потом, по какому-нибудь случаю, государь подарит им другую деревню. За свое имение князь получил чуть больше семидесяти тысяч, и то с большой задержкой. Полученных денег ему, естественно, оказалось мало, и он стал занимать у петербургских купцов под большие проценты.

Финансовые трудности Багратиона сопровождалась и неурядицами семейными. Вечно занятый службой и походами, генерал явно не отвечал представлениям Екатерины Павловны о человеке, который может обеспечить ей счастливую жизнь. У княжны же в отличие от мужа в средствах недостатка не было. Ее приданое и наследство от отца, графа Скавронского, позволяли ей сорить деньгами до самой старости.

В 1805 году супруги, прожив вместе пять лет, под благовидным предлогом (княгине необходимо было лечиться в Европе) разъехались. Их петербургский дом опустел навсегда. Пока Петр Иванович осенью 1805 года в составе армии М.И. Кутузова бился насмерть с французами в Австрии в Шенграбенском сражении, его супруга в покоренной Наполеоном Австрии блистала в светских салонах Вены. Следует, однако, отметить, что княгиня, как и ее муж, была убежденной противницей Бонапарта и взглядов своих не скрывала. В Европе того времени для этого нужна была немалая смелость.

Екатерина Павловна путешествовала по континенту, переезжая из одного города в другой, с одного модного курорта на другой. Ее даже называли «блуждающей княгиней». И везде княгиня Багратион производила фурор. Очень привлекательная внешне, эксцентричная, к тому же с огромным состоянием, она сводила с ума поэтов, принцев и политиков.

В Дрездене ею всерьез увлекся прусский принц Людвиг из династии Гогенцоллернов. Ради нее он порвал связь с принцессой Сольмс, но через несколько месяцев был убит в сражении с французскими войсками в Тюрингии. Не избежал обаяния княгини даже великий Гете. В 1807 году он повстречал ее в Карлсбаде и восторгался ею: *«При своей красоте и привлекательности она не могла не собрать вокруг себя замечательное общество»*. Ему вторил русский дипломат А.Я. Булгаков, долго находившийся в Неаполе и Палермо: *«Милая женщина, ее дом приятен, все к ней ездят. На это одних денег не довольно, надобно умение, любезность, ловкость»*. Впрочем, порой отзывы о ней носили достаточно ироничный характер. Вице-канцлер князь А.Б. Куракин, часто выполнявший в Вене особые поручения императора, вспоминал: *«Совершенно справедливо, что она делает безумные издержки, которым все удивляются и смеются. Она держит открытый дом и дает праздники, не будучи к тому принуждена, и никто к ней за это не благодарен»*.

Туалеты и экипажи княгини неизменно отличались оригинальностью. Ее прозвали «Le bel ange nu» («Обнаженным ангелом») за пристрастие к прозрачным платьям и «Chatte blanche» («Белой кошечкой») за поражавшую всех чувственность. Чудный цвет лица, алебастровая кожа, каскад золотистых волос, таинственное выражение чуть близоруких голубых глаз ... она была похожа на статуэтку мейсенского фарфора.

В Дрездене Екатерина Павловна познакомилась с австрийским посланником Клеменсом фон Меттернихом. Будущий канцлер австрийской империи был поражен красотой русской аристократки, но не в меньшей мере импонировали ему ее острый ум и умение вести интригу. Княгиня в свою очередь тоже попала под обаяние импозантного австрийца, которому суждено было сыграть важную роль в формировании антинаполеоновской коалиции, Меттерних умел нравиться женщинам.

Вскоре они стали любовниками. В этом, собственно говоря, не было ничего странного. Станным и весьма необычным для княгини было то, что уже три месяца спустя она носила под сердцем ребенка от Меттерниха. Об этом шептались, спорили, обсуждая снова и снова. Высказывались различные предположения о том, что же произойдет дальше. В сентябре 1810 года Екатерина родила дочь, которую весьма вызывающе назвала Марией-Клементиной. То, что произошло дальше, удивило

многих — девочку отдали на воспитание жене Меттерниха, Элеоноре, женщине удивительно добросердечной и преданной своему мужу. Элеонора воспитала девочку, которая впоследствии была хорошо пристроена.

Роман между Екатериной и Меттернихом продолжался несколько лет, пока австрийский дипломат не увлекся другой «роковой» красавицей, герцогиней Вильгельминой Саганской. Но это произошло уже незадолго до Венского конгресса 1814 года, в кулуарах которого обеим этим женщинам суждено было сыграть весьма важную роль.

Между тем, поселившись в Вене, княгиня превратила свой дом в самый блестящий салон австрийской столицы. Его посещали такие знаменитости, как принц де Линь, госпожа де Сталь и многие другие, не говоря уже о самом Меттернихе. Будучи убежденной противницей Наполеона, Екатерина Павловна собрала в своем салоне людей, разделявших ее взгляды. Не без ее влияния высшее австрийское общество, также в тайне ненавидевшее Наполеона, стало потихоньку бойкотировать французское посольство. Как сообщали в Париж наполеоновские агенты, в салоне княгини «безапелляционно решалось, с кем можно видеться, а кого нужно избегать. Тут и было постановлено, что французское посольство не принадлежит к обществу хорошего тона, что слишком часто бывать в нем —

значит, манкировать принципами и правилами приличия, и все подчиняются этому приговору не столько из убеждения, сколько ради моды и из боязни людского мнения». Французские агенты утверждали также, что в салоне княгини Багратион фабриковались ложные известия и слухи, вызывающие страшный переполох в городе. Здесь же зарождались оппозиционные страсти, которые постепенно, захватывая все слои общества, вызывали вольнодумные разговоры. В заключение делался весьма лестный для княгини вывод: «В результате горсть русских галлофобов заняла в Австрии положение влиятельной партии. Она то и есть постоянная причина беспорядков и смут». Именно тогда в Вене стали распространяться слухи

Князь Клеменс фон Меттерних

о том, что княгиня является агентом русского правительства.

Неизвестно, часто ли вспоминала Екатерина Павловна о муже, который в это время тоже блистал, но на полях сражения с Наполеоном. За боевые заслуги его наградили высшими русскими и иностранными орденами, в том числе и орденом «Андрея Первозванного», а также произвели в чин генерала от инфантерии. Но был ли он счастлив? Вряд ли. Петр Иванович тяжело переживал семейный разлад. Крайне болезненно воспринимал он всевозможные слухи о похождениях супруги, но при этом всячески ее защищал, продолжая оста-

ваться рыцарем даже в этой пикантной ситуации. *«Какая кому нужна входить в домашние мои дела? Кто бы ни была, она моя жена, и кровь моя всегда вступится за нее. Мне крайне больно и оскорбительно, что скажут и подумают люди ...»*

В 1807 году Багратион пытался с помощью вновь назначенного русского посланника в Вене князя А.Б. Куракина вернуть супругу, но княгиня, ссылаясь на слабое здоровье и необходимость лечиться на европейских курортах, вернуться в Россию отказалась. После этого светские злые языки не могли отказать себе в удовольствии время от времени «сочувственно» интересоваться у князя самочувствием жены.

В 1808 году было решено наградить орденами Екатерины II степени жен генералов, отличившихся на войне. Ордена получили супруги генералов Баркляя де Толли, Платова и Дохторова. Княгиня Багратион оказалась обойденной, и самолюбие ее мужа было уязвлено. Он порывался даже уйти в отставку.

Некоторые исследователи полагают, что после отъезда Екатерины Павловны за границу супруги все-таки однажды встретились. Это произошло в Вене летом 1810 года, когда княгиня была уже на сносях дочерью Меттерниха. О чем они говорили, неизвестно. Тем не менее, не сохранилось ни одного свидетельства того, что Багратион упрекал жену за ее, мягко говоря, вольное поведение. *«Однако она жена моя, и*

я люблю ее, конечно», — писал он в одном своем письме. В это фразе был весь Багратион.

До конца своих дней князь надеялся, что Екатерина Павловна вернется к нему. Он вел жизнь старого холостяка. Разумеется, у него были женщины, но образ жены так никогда и не потускнел в его памяти. И все-таки генералу довелось пережить еще одно сильное чувство.

смерти генерала среди его личных вещей была найдена золотая табакерка с портретом жены и портрет великой княгини в золотом футляре. Как восприняла Екатерина Павловна Багратион известие о смерти мужа, неизвестно.

Победу русского оружия княгиня встретила в Австрии. В 1814 году во время знаменитого Венского конгресса, на котором императору Алек-

---

финансовые трудности генерала Багратиона сопровождалась и семейными неурядицами. Он явно не отвечал представлениям супруги о человеке, способном обеспечить ей счастливую жизнь. В отличие от мужа, у княгини в средствах недостатка не было. Ее приданое и наследство от отца позволяли ей сорить деньгами до самой старости

У историков есть все основания считать, что в него была влюблена младшая сестра императора Александра I, великая княжна Екатерина Павловна, полная тезка его супруги. Их роман, разумеется, платонический, начался в 1808 году. Княжна была натурой страстной и, опасаясь, как бы чего не вышло, Александр I отослал генерала в Молдавию, где в это время шли боевые действия. Возможно, этот случай стал одной из причин царской опалы, которая продолжалась до самой смерти князя. Петр Иванович Багратион был смертельно ранен на Бородинском поле 26 августа 1812 года. После

сандру I в весьма сложных обстоятельствах пришлось защищать интересы России, княгиня, по мнению современников, немало сделала для того, чтобы помочь своему государю, сообщая ему добытую ею секретную информацию. Причем она, как всегда, стремилась сочетать приятное с полезным, интригуя не только в сфере политики, но и на ниве любви. Успеху ее деятельности способствовала сама атмосфера, царившая на конгрессе. Со дня открытия конгресса Вена превратилась в своеобразную международную ярмарку, куда съезжались со всех концов Европы не только коро-

нованные особы и дипломаты, но и немало привлекательных женщин, движимых честолюбием и жаждой денег. Танцуя, болтая или предаваясь любви, они старались выведать что-нибудь у своего партнера. Наряду с обычными искательницами приключений, за кулисами конгресса действовали женщины необычайной привлекательности и незау-

писал о нем Пушкин. В Вене император решил затмить всех не только в политике, но и в любви. Он ухаживал за самыми ослепительными красавицами, блиставшими в венских салонах, был утонченно галантен. Сразу же по приезде в Вену Александр I посетил бал, устроенный княгиней Багратион в его честь, и танцевал с хозяйкой. Он не обделял своим

М уалеты и экипажи Екатерины Павловны неизменно отличались оригинальностью. Ее называли «Обнаженным ангелом» — за пристрастие к прозрачным платьям, и «Белой кошечкой» — за поражавшую всех чувственность. Чудный цвет лица, алебастровая кожа, каскад золотистых волос, таинственное выражение чуть близоруких голубых глаз... она была похожа на статуэтку мейсенского фарфора

рядного ума, которые были непосредственно связаны с сильными мира сего — уже упоминавшаяся возлюбленная князя Меттерниха, герцогиня Вильгельмина Саганская, ее сестра Доротея, герцогиня Курляндская — возлюбленная французского министра иностранных дел Талейрана, и, разумеется, княгиня Багратион. Кстати, дедом сестер был Эрнст-Иоганн Бирон, всесильный фаворит российской императрицы Анны Иоанновны.

Безусловно, самым популярным человеком на конгрессе был русский император Александр I — освободитель Европы, «глава царей», как

вниманием и других красавиц, но Екатерину Павловну, которую в Вене именовали «русской Андромедой», выделял особо. Венская полиция следила за каждым шагом Александра. «Царь, — доносил осведомитель, — объявил княгине, что приедет к ней, назначил час и предупредил, что хочет застать ее одну». Сообщалось также, что «император, случается, поздно ночью проскальзывает в особняк княгини Багратион и украдкой выходит оттуда, проведя три часа в обществе своей восхитительной соотечественницы».

Александр не без возмущения жаловался княгине на то, что герцо-

гиня Саганская преследует его, домогаясь любви: *«Сделано было невозможное, чтобы заставить меня быть к ней благосклонным, ее даже посадили со мной в карету»*. Екатерина Павловна пришла в полный восторг — ей было необычайно приятно услышать о позорной неудаче своей давнишней соперницы, которая отбила у нее Меттерниха. Однако вскоре она узнала, что герцогине Саганской все-таки удалось добиться благосклонности царя. Княгиня пришла в ярость. В происшедшем она, естественно, винила не царя, а герцогиню. Не меньший гнев испытывал Меттерних, но уже по отноше-

нию к русскому императору. Александр, с которым у него были очень напряженные отношения на переговорах, отбил у него сразу двух любовниц — прошлую и теперешнюю. Тем не менее, пока шел конгресс, Меттерних довольно часто посещал Пальмовый дворец на Шенкенштрассе, 54. Правое крыло там занимала герцогиня Саганская, а левое — княгиня Багратион. Канцлер считал необходимым консультироваться со столь осведомленными дамами.

Венская полиция не сомневалась, что княгиня Багратион является не только любовницей русского императора, но и его тайным агентом.

Судя по всему, уверен был в этом и представитель Франции, Талейран-Перигор. Говорили, что княгиня пыталась соблазнить его, но была отвергнута. Как утверждали, князь заявил: *«Не очень-то почтенен ее способ выуживать сведения»*. Княгиня не осталась в долгу. Во всех салонах она рассказывала всем и каждому, что один вид Талейрана внушает ей ужас, что у него *«глаза дохлой рыбы»*, а *«веки висят, как навес над витриной»*.

Екатерина Павловна продолжала устраивать приемы и балы. На одном из них она лихо отплясывала «русского» в национальном костюме. Впрочем, конгресс в Вене закончился для его участников не так уж весело. Наполеон покинул Эльбу и двинулся на Париж. Тень императора снова нависла над Европой. Правда, продолжалось это не долго. В 1815 году княгиня Багратион уже блистала в салонах Парижа, где вновь правили Бурбоны. Екатерина Павловна продолжала свою агентурную деятельность, снабжая русских дипломатов ценными сведениями. И, как прежде венская, тайная парижская полиция, установившая наблюдение за ее роскошным особняком на Елисейских полях, сообщала начальству: *«Эта дама очень известна в высшем обществе благодаря политическому влиянию и кокетству. В понедельник вечером, довольно поздно ушли от нее два поляка, и один из них, граф Станислав Потоцкий, вернулся обратно»*.

Подобные проделки случаются часто. Героями их становятся то один, то другой кавалер. Княгиня очень переменчива».

Много было слухов о ее связях с саксонским дипломатом Карлом-Фридрихом фон Шуленбергом, с принцем Вюртембергским, с лордом Чарльзом Стюартом и другими титулованными особами. Среди ее друзей были многие парижские знаменитости — Стендаль, Бенжамен Констан, маркиз де Кюстин, Бальзак, который в одном из писем сообщал, что княгиня была прототипом графини Феодоры из его «Шагреновой кожи».

Шло время, но, казалось, оно не властно над этой женщиной. Екатерина Павловна по-прежнему питала пристрастие к прозрачным нарядам, откровенно демонстрировавшим ее женские прелести. В 1830 году она вышла замуж за английского генерала и дипломата Джона Кэрэдока, который позднее получил титул лорда Гоудена. Брак этот, однако, не был удачным, и довольно скоро супруги расстались.

До самой смерти княгиня оставалась кокеткой, хотя в последние годы ее уже возили в инвалидном кресле. Умерла она 21 мая 1857 года в возрасте 75 лет в Венеции, куда переехала из Парижа во время Крымской войны. Похоронена Екатерина Павловна на кладбище Сан-Микеллино, где позднее нашли последнее упокоение Дягилев и Стравинский. Она пережила своего знаменитого мужа на сорок пять лет. □

АСТРАЛЬНОЕ ТЕЛО

Говорят, есть люди, которые видят биополе другого человека. Ауру. Или какое-то там астральное тело, в которое он якобы укутан, как в невидимую простыню.

Я, конечно же, в это не верила.

Ну, вот. Стою я у ларька рядом с домом. В глубокой задумчивости. И растерянности. Дело в том, что сама я за молоком не хожу, в магазин за продуктами ходит домработница. Только не спешите мне завидовать. Просто мой пожилой муж одну меня в магазин не пускает. Боится, что меня угонят, как угнали в прошлом году его новый «мерс», и он не сможет больше хвататься моим годом выпуска. «Стоит только отвернуться, — говорит, — как к тебе сразу кто-нибудь да пристанет!»

А у домработницы судьба решается — в кои-то веки нашелся кто-то, кто пригласил ее на свидание.

Пришлось самой идти за молоком, впервые за последние несколько лет. Как же тут не растеряться! Тут и «Милая Мила» и «Домик в деревне» и «Био-макс», и пастеризованное и стерилизованное, и обогащенное кальцием и обедненное жиром и калориями. Цены самые разные.

— Молоко? Какое? — произнесла продавщица.

— А что вы мне посоветуете?

Не успела я спросить, как вдруг увидела... Его. То есть — тело. Такое яйцевидное облако, в которое, оказывается, незримо, а для меня вдруг — ужасающе зримо! — укутана продавщица.

— Я вашего вкуса не знаю, — проговорила она недовольным тоном — мол, что ты ко мне пристала.

— Но вы же должны знать свой товар, — говорю.

И — о, ужас! Вижу, как у ее астрального тела появляется астральный хвост! И тело начинает бить этим хвостом.

— Я весь товар не пробовала, — сквозь зубы отвечает она.

— А я думала, вы свой товар обязаны знать, — настаиваю, чтобы оно не подумало, что я испугалась.

Тут у астрального тела отовсюду повыскакивали длинные щупальца, такие туманные змейки, как протуберанцы на солнце во время затмения, и встали в какую-то змеиную боевую готовность. А самые длинные принялись астрально шарить по пакетам с молоком, астрально пронизывая их насквозь.

— Я передумала, — говорю уже не ей, а ее астральному телу. — Не буду в вашем ларьке ничего покупать.

Это была ошибка. Тело совершило гигантский прыжок, выскочило из ларька и бросилось за мной вслед. (Я, естественно, уже бежала в сторону дома.)

— Что тебе надо? — спросила я, когда оно меня догнало. — Отстань!

А сама думаю: опять прав был муж, прав!

— Минуточку, — грозно говорит это туманное яйцо с протуберанцами. — Кто к кому пристал?!

— А вы что же, всех, кто у вас что-нибудь купить хочет, преследуете?

— Ты не купить хотела, — говорит оно, — а повыеживаться! А это — не уголовно наказуемое преступление!

— Не уголовно? Вот и хорошо!

— Это еще похуже будет! — говорит оно.

— За намерение не судят, — говорю, — к тому же, ты ошибаешься! Я хотела купить! Но мне не дали!

— Это у вас не судят. А у нас, в астрале, как раз за намерение-то и судят!

Тут мне так жутко стало. Я припустилась вверх по лестнице, к лифту.

Лифт как раз подъехал, из него хотел выйти высокий молодой человек, но, увидев меня, почему-то вернулся в лифт, куда тут же заскочила я, крича: поехали!

— Вам какой этаж? — спросил молодой человек.

И тут я с ужасом увидела его астральное тело. Оно в упор разглядывало меня и одной астральной лапой чесало за ухом. Задумчиво что-то взвешивая.

Но и то, первое, не отстало, а, тихонько проскользнув в уголок лифта, при-
мостилось там, намереваясь ехать вместе с нами.

— Отвяжись! — шепнула я ему.

Астральное тело молодого человека все равно услышало и обиженно по-
никло макушкой.

— Извините, это я не вам, — сказала я молодому человеку. — Шестой
этаж, пожалуйста.

Он нажал кнопку, и мы поехали.

— Вы его видите? — спросила я молодого человека, кстати, очень сим-
патичного.

Его красивое астральное тело вздрогнуло и отшатнулось, хотя сам моло-
дой человек продолжал стоять, как стоял.

Странно, подумала я. Ну, хорошо, я понимаю, он не видит, но его астраль-
ное тело должно видеть астральное тело продавщицы. Оба, полагаю, из
одного астрала!

— Вас кто-то напугал? — спросил он.

— Вот, хотела молока купить, а мне не поверили, — сказала я.

— Это — не вопрос веры, — покачал он головой.

«Умный», — подумала я.

— Мозги вам пудрит, — сказала первое астральное тело.

— Слышали? — спросила я и глазами показала в угол, где притулилось
астральное тело продавщицы.

— О чем? — спросил молодой человек.

Тут мы приехали и всей честной компанией вышли из лифта: я, он и два
астральных тела.

— Вот я и дома, — сказала я молодому человеку.

— Вы замужем? — неожиданно спросил он.

В этот момент дверь открылась, и муж ответил вместо меня:

— Да! Она — очень замужем! — После чего обратился ко мне: — Ты мо-
лока принесла?

— Мне не продали, — пролепетала я.

— Не может быть!

— Спроси у него, — указала я на астральное тело продавщицы.

— А этих ты зачем с собой приволокла? — сердито спросил он, указы-
вая на астральные тела и юношу.

— Так ты тоже их видишь? — удивилась я.

— А кто же их не видит? — в свою очередь удивился он.

— Что это вы во мне такое увидели? — обиделся молодой человек.

— Отвали! — сказал муж.

— Ваша дочь уже взрослая, папаша, может сама решать, — упорствовал молодой человек.

Тем временем астральное тело продавщицы юркнуло в нашу квартиру и направилось на кухню.

Муж, не долго думая, врезал молодому человеку кулаком по челюсти.

— Не нервничайте, я готов жениться на вашей дочери, — прохрипел молодой человек, падая в сторону вешалки, увешанной верхней одеждой.

— За молоком нельзя послать! — заорал мой супруг.

— У нее будет домработница, — гордо произнес молодой человек.

— У нее уже есть домработница! — взревел муж и пнул молодого человека ногой в живот.

И тут я увидела астральное тело моего супруга. О, ужас! Оно выглядело, по меньшей мере, лет на сто! Как же так?! Он такой моложавый, ухоженный, представительный! А его астральное тело... ну и видок! — еле-еле душа в теле.

— Папаша, — начал молодой человек (ох, какой красавец!), но муж не дал ему продолжить.

— Во-он!! — заорал он.

— Сейчас я уйду. Но обязательно вернусь! — решительно проговорил красавчик. — И ушел, хлопнув дверью.

— Скажи мне, — прошептала я. — Скажи... только честно.

— Что тебе сказать?

— Сколько тебе на самом деле лет?

— Ты о чем? Что значит — на самом деле?!

— Ты обманывал меня! Признайся... тебе не шестьдесят! Тебе — сто двадцать!

Он помрачнел лицом и рухнул в кресло.

— Откуда тебе это известно?

— Ты меня недооценил, — сурово сказала я. — Я все знаю! То-то же ты мне про Николая II рассказывал так, словно сам его видел! Признавайся!

— Да, видел, — тяжело вздохнул муж. — Ну и что? Разве это важно? Да, я сделал пластическую операцию... Зачем, зачем я позволил тебе пойти за молоком!

— Оказывается, я замужем за столетним старцем?!

— Кисуля! Ну, какая тебе разница! Выгляжу я прекрасно, не так ли? Денег у меня куры не клюют!

— Я ухожу! — твердо проговорила я и, открыв платяной шкаф, стала складывать свою одежду в чемодан.

Его астральное тело, дрожа, забралось в угол комнаты и скрючилось там, поджав хвост.

«На жалость бьет», — мрачно подумала я.

Вдруг раздался звонок в дверь. Я открыла. За дверью стояла моя мама.

— Ты куда? — удивленно спросила она, увидев чемодан.

— Ухожу, — ответила я. — Развожусь.

— Не смей этого делать, — прошептала она. — Он же скоро... ну, ты понимаешь... И все достанется тебе.

— А ты откуда знаешь? — ужаснулась я.

— Да ты только на его астральное тело посмотри.

— Что? И ты его видишь?!

— А то! Это только ты, дуруха, ничего вокруг себя не замечала!

— А почему... вдруг?

— Ну, открылся, наконец, у тебя этот дар. Пришла пора. Созрела.

И тут я увидела ее астральное тело.

— Боже мой, МАМА!

Очнулась я в окружении людей в белых халатах. И услышала голос мужа: «Только через мой труп! Я ее в больницу не сдам!»

— Я не хочу, — прошептала я и на всякий случай закрыла глаза.

— Чего не хочешь? — участливо спросил доктор.

— Я с ней посижу, — послышался голос матери.

Из-под приоткрытых ресниц я покосилась в сторону ее астрального тела.

— Мама... Неужели это правда?

— Правда, — без тени смущения ответила она.

— Так ты на самом деле мужчина?!

— Да, это так, доченька.

— Какая же я тебе «доченька»?

— Я — твой папа. Я изменил внешность, чтобы ты не расстраивалась, что растешь без матери. Ты совсем крошкой была, когда она умерла.

Боже мой! Как же мне было хорошо, когда я еще не видела астральных тел!

Но теперь это уже необратимо.

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ЖЕЛАНИЕ

Она стояла, грустная, перед моим шкафчиком с косметикой. Худенькая, печальная... Долго разглядывала духи, вертела флаконы в руках и, наконец, произнесла тихим голосом:

— А у меня только что последний флакон духов закончился, ни капли не осталось...

Бедненькая! У меня их столько, мне не жаль! Я протянула ей красивую бутылочку, еще наполовину полную.

— Неужели это мне?! Ты такая добрая! Спасибо!

Только после ухода соседки мне подумалось: и кто меня дернул отдавать духи! Это же мои любимые! Мне вспомнилось, что в прошлый раз она выпросила... нет, она же не просила... но получила — платок, купленный за рубежом. А еще раньше... крем для рук, дорогой... Что за наваждение, почему меня так и подмывает ей что-то отдать?!

Мои мысли прервал звонок в дверь. Соседка сверху, моя близкая подруга.

— Слушай, — сказала я, наливая кофе, когда мы уселись на кухне, — только что заходила М. Ты ее знаешь — из шестой квартиры. Странное дело... Как ни зайдет, так что-нибудь выпросит... То есть, она не просит, нет. Сама даю. Рада стараться. Потом жалею.

— Ага, — усмехнулась подруга. — У меня хрустальную вазу увела.

— Украла?!

— Что ты! Я сама отдала. Даже ей в квартиру отнесла. Ну, ты помнишь, чешская ваза, огромная, красивая.

— Зачем?!

— Вот и сама не знаю, зачем... Недавно — французские духи, только что распечатанные... Что самое обидное — подарок мужа. Он мне целый допрос учинил, где они. Но я не сказала. Я же сама...

— Духи?! Когда это было?

— Месяц назад, — усмехнулась подруга. — А до того — тефлоновую сковородку забрала, совсем новую.

— И у меня — сковородку.

— У меня совсем новый полушубок меховой.

— А у меня — норковую шубу, я ее всего два года носила...

— Ну, это уж слишком! — воскликнула подруга. — Я не знала, что ты тоже ей все отдаешь!

— А я не знала, что ты! Ей же хочется отдать! Как-то... непреодолимо.

В это же самое время вышеупомянутая М. беседовала с приятельницей.

— Как от тебя чудесно пахнет! — восхищалась та. — Какие у тебя духи?

— Не знаю, — повела М. худеньким плечиком. — Мне отдали. Французские.

— Странно. Что-то мне никто французских духов не отдает!

— А ты делай, как я. Подойди, жалобно так скажи: «а у меня этого нет...» — Она вдруг расхохоталась, а потом продолжила, вытирая слезы: — И десять раз мысленно повтори: «отдай мне!», «отдай!»

Через пару недель ко мне пришла подруга-соседка, вся в слезах.

— Представляешь! Эта стерва увела у меня мужа.

— Как — увела?

Мне почему-то нарисовалась такая картина: в квартиру подруги заходит М. и, взяв ее мужа за руку, ведет к себе, двумя этажами ниже.

— А так. Я сама... отдала его.

— Как?!

— А вот так. Встретила ее в подъезде. Она мне пожаловалась, что у нее упал карниз. Вместе со шторами. А сама она... ну, ты знаешь — худенькая такая, несчастная. Вот я и говорю: мужа пришлю, он у меня на все руки мастер! Наверное, тогда у них и закрутилось. А вчера он собрал вещи и ушел к ней. Извини, говорит, ты и без меня справишься. А она такая беспомощная! Такая несчастная... □

Валерия Быкова

Виктор ГЮГО

Талант этого писателя принес ему звание пэра Франции, многомиллионное состояние, всенародную любовь и признание. Еще при жизни его именем называли улицы, проспекты и площади в Париже. Сен-Санс создал в его честь гимн. Гениальный Роден гордился полученным правом изваять его бюст. Велик

Жизнь Титана

и противоречив был этот человек. Пламенный гуманист, защитник прав униженных и оскорбленных, он в личной жизни отличался поразительным эгоизмом. «Гюгоизмом» называли эту черту его характера некоторые современники. Однако и на долю этого баловня славы выпало немало разочарований. Познал он также боль тяжелых потерь и разлук.

До глубокой старости сохранил этот титан способность создавать литературные шедевры и дарить любовь представительницам прекрасного пола. Без этого жизнь теряла для него смысл. А она захватывает не меньше, чем его самый увлекательный роман.

Виктор-Мари Гюго появился на свет в Безансоне 26 февраля 1802 года. Его отец, майор наполеоновской армии, был отважным солдатом и, что называется, добрым малым — душой любой компании. Достаточно образованный человек, он неплохо разбирался в математике и фортификации. Не чужд был и поэзии, порой даже сам сочинял мадригалы. В 1811 году Леопольд Гюго получил чин генерала в армии короля Жозефа, брата Наполеона. Он был удостоен также титула графа и стал губернатором трех испанских провинций, куда переехала с детьми и госпожа Софи Гюго.

Испанские впечатления на всю жизнь врезались в память Виктору, и позднее он не раз использовал их в своем творчестве.

Но Софи долго не выдержала в Испании и вернулась с сыновьями обратно в Париж. Все три брата —

Абель, Эжен и Виктор — сочиняли стихи. Виктор исписывал стихами целые тетрадки, успешно овладевая классическими размерами. А когда братьев отдали в пансион Кордые и Декотта, Виктор стал сочинять пьесы, и сам играл в них роль Наполеона, окруженного маршалами, блиставшими орденами из золотой бумаги.

Свои первые поэмы он посвятил матери. Она гордилась успехами сына и считала, что когда-нибудь он станет великим поэтом. Посланная Виктором во французскую Академию трагедия «Тамплиеры» вызвала восхищение взыскательных критиков. Правда, Виктор не получил премию: в сопроводительном письме он честно сообщил, что ему всего пятнадцать, и академики решили, что их дурачат.

Осенью 1818 года Виктор окончил учебу в пансионе и получил от

*Виктор Гюго
в детстве*

отца «субсидию» для продолжения образования на юридическом факультете университета. Однако он не собирался посещать занятия, а, с благословения матери, все свое время посвящал сочинительству. Впрочем, не совсем, почти каждый вечер этот статный, великолепно сложенный юноша сопровождал свою мать на улицу Шерш-Миди, где в одном из домов проживало семейство Фуше, с которым госпожу Гюго связывали давние дружеские отношения. Виктор помнил дочь Фуше, Адель, еще очаровательной крошкой четы-

рех лет. А теперь они вновь встретились. Осиная талия, большие темные глаза и золотистый загар делали девушку похожей на испанскую инфанту. По крайней мере, так считал впечатлительный Виктор. Сидя в скромно обставленной гостиной родителей Адели, он молча любовался ее нежным профилем и чудными темными волосами. В Адель был влюблен и брат Виктора, Эжен, но она отдавала предпочтение именно ему. Дело явно шло к свадьбе, однако мадам Софи Гюго была против женитьбы своего сына на Адели.

Она считала, что Виктора ждет великое будущее, а ранний брак помешает ему добиться успеха. Виктору и в голову не приходило послушаться обожаемую мать, но он глубоко страдал.

Летом 1821 года мадам Гюго скончалась. Как ни велика была скорбь Виктора, он не мог не отдавать себе отчета в том, что теперь сможет,

излечимо больным. Пятнадцать лет, вплоть до самой своей кончины, он проведет в закрытой клинике.

Между тем семейная жизнь Виктора складывалась, как казалось, вполне счастливо. Один за другим у него родились двое сыновей и две девочки. Он снял целый особняк близ Люксембургского сада. Теперь Виктор мог себе это позволить —

В декабре 1851 года в Париже произошел государственный переворот, и к власти пришел Наполеон III. Гюго, ненавидевший тиранию в любой ее форме, возглавил Комитет сопротивления и даже пытался поднять восстание на окраинах Парижа, где воздвигали баррикады, но потерпел неудачу. Правительство издало приказ арестовать его и расстрелять на месте. Но ему удалось бежать в Брюссель. Так началась его эмиграция, длившаяся почти девятнадцать лет

наконец, соединить свою судьбу с судьбой Адели.

Бракосочетание состоялось 12 октября 1822 года. А уже утро следующего дня принесло горестное известие. Свадьба Виктора стала для его брата Эжена, страстно влюбленного в Адель, причиной ужасного кризиса. Эжен зажег у себя в комнате все свечи и в горячечном бреду принялся рубить саблей мебель. Случившийся через несколько дней новый припадок буйного помешательства заставил поместить его в лечебницу. Доктора признали его не-

гонорары за сборники стихов и первые драматические произведения были весьма значительны.

Он стал любимцем короля Луи-Филиппа, и его наградили орденом Почетного легиона.

Виктор обожал свою жену. Любила ли она его? Разумеется. Но та ли это была любовь, о которой он мечтал? Увы, не совсем. Виктор обладал пламенным темпераментом и могучей мужской силой, а трудные беременности и роды сказались на здоровье Адель, и между супругами возникло не просто недо-

понимание, но бывали даже бурные ссоры.

Кризисы их семейных отношений ускорило вмешательство самой судьбы. В январе 1827 года Гюго познакомился и сблизился с молодым, но уже известным литератором Шарлем-Огюстеном Сент-Бевом. Невысокого роста, полноватый, Сент-Бев отнюдь не отличался импозантной внешностью, но при этом был необычайно интересным собеседником,

остроумным и внимательным. Именно своей деликатностью, сочувственным отношением, которого так не хватало ее мужу, он и покорила Адель. Всецело занятый своим творчеством, Гюго часто становился нетерпимым, раздражительным, властным. Его диктаторские замашки все больше отдаляли от него Адель. Поначалу Виктору и в голову не приходило ревновать жену к Сент-Беву. Да они и сами считали свои отношения

Адель Гюго

вполне целомудренными. На самом же деле это была опасная игра, исход которой нетрудно предугадать. Они стали любовниками.

У Виктора слишком поздно открылись глаза. Для Гюго, как человека темпераментного и самолюбивого, это был колоссальный удар. Он испытывал жгучую ревность и обиду и пытался убедить Сент-Бева отказать от этой любви во имя их дружбы. Сент-Бев пообещал сде-

лать все от него зависящее, чтобы вырвать эту любовь из своего сердца. Легко догадаться, что ему это не удалось. Впрочем, видимость его дружеских отношений с Виктором сохранялась. Гюго в то время работал над своим романом «Собор Парижской Богоматери». Часто в сопровождении Сент-Бева он бродил по собору. Вместе они поднимались на башни, любясь закатами. Возможно, в такие минуты, глядя на сво-

его друга-врага, Гюго вспоминал, как Квазимодо столкнул Клода Фролло со стен Нотр-Дам. Кто знает?

Писатель с горечью сознавал, что потерял любовь жены. Весь Париж сплетничал о победе Сент-Бева. Гюго, уже увенчанный лавровым венком славы, под маской победителя скрывал жгучую боль. Так продолжалось до зимы 1832 года, когда в театре Порт-Сен-Мартен Виктор познакомился с очаровательной актрисой Жюльеттой Друэ, получившей небольшую роль в его пьесе. У Жюльетты была непростая судьба. Поразительная красота привела эту девушку в возрасте девятнадцати лет в мастерскую известного скульптора Прадье. Жюльетта позировала ему в более чем смелых позах, и между двумя сеансами он сделал ее матерью. Цинизм, царивший в мастерских художников, развратил Жюльетту, и она заводила себе любовников, которые отнюдь не улучшили ее мнения о мужчинах. К моменту знакомства с Гюго Жюльетта находилась на содержании у князя Анатоля Демидова, сказочно богатого сумасброда, потомка уральских заводчиков. Демидов обставил для нее великолепные апартаменты на улице Эшикье. Словом, Жюльетта вела жизнь куртизанки, хотя в глубине души всегда мечтала стать «любящей подругой честного человека».

Во время репетиций Жюльетта грациозно кокетничала с Гюго. Ее артистический талант был невелик, но очарованию ее невозможно бы-

ло противиться. Гюго был опьянен. У него появилась возлюбленная, прекрасная, как в сказке, и необычайно искушенная в любовных утехах. Жюльетта открыла ему подлинный мир наслаждений, и Виктор оказался способным учеником.

В то же время Гюго проявлял необычайную строгость к образу жизни своей возлюбленной. Ради него Жюльетта распрощалась со всеми своими покровителями и сразу же стала очень бедной женщиной. А ведь она привыкла к роскоши. Кроме того, у нее на иждивении находилась дочь. Да и долги у нее были немалые. Гюго поселил ее на улице Сент-Анастас неподалеку от своего дома, в маленькой квартире. Каждый месяц он выдавал ей восемьсот франков. Из этих денег она погашала свои долги кредиторам и платила в пансион за дочь. На жизнь ей оставалось очень мало. Питалась Жюльетта скромно — молоком, сыром и яйцами. Новых платьев себе не шила, переделывая старые. Более того, она могла выходить из дома куда-нибудь только с Виктором. При этом ей было строжайше запрещено появляться в доме Гюго, где Адель по-прежнему являлась полновластной хозяйкой. Кстати, Адель довольно скоро узнала о романе супруга. В общем-то, такой поворот событий устраивал ее, поскольку она получала право более свободно встречаться и переписываться с Сент-Бевом. Хотя их физическая связь постепенно сошла

на «нет», письмами они продолжали обмениваться еще долгие годы.

Жизнь затворницы Жюльетты была бедна событиями, тем не менее, она почитала за счастье угождать своему обожаемому божеству. В награду за «хорошее поведение» Виктор летом брал ее с собой в путешествия по Франции.

Шли годы. Слава Гюго-писателя, поэта и драматурга росла. В апреле 1845 года его удостоили звания пэра. Жюльетта была счастлива, но жизнь ее омрачали новые любовные увлечения великого друга. В особняке писателя на Королевской площади была потайная лестница, которая вела прямо в кабинет хозяина. В потайную дверь звонили актрисы, жаждавшие ролей, светские дамы, молодые экзальтированные девицы, начинающие писательницы, авантюристки и куртизанки. Впрочем, Гюго не всегда принимал дам у себя дома ...

В начале июля 1845 года полицейский комиссар, именем закона приказавший открыть ему двери в укромной квартирке в пассаже Сен-Рок, застал там Виктора Гюго и его любовницу Леони Д'Онэ, по мужу мадам Бриар. Адюльтер в то время строго карался. Обманутый супруг был неумолим. Леони арестовали и препроводили в тюрьму Сен-Лазар. Гюго, которого не могли задержать, поскольку он обладал неприкосновенностью пэра, тем не менее, должен был предстать перед верхней палатой по обвинению в адюльтере.

Леони Д'Онэ

Его спасло только личное вмешательство короля, который вызвал мужа мадам Бриар во дворец и заставил его взять обратно свою жалобу. Самой госпоже Бриар в качестве наказания пришлось провести около полугода в одном из женских монастырей. Впрочем, условия пребывания ее там отнюдь не были чрезмерно суровыми. Леони даже стала любимицей монахинь, читая им звучные строфы великолепных стихов своего возлюбленного. После развода с мужем красавица Леони продолжала оставаться официальной любовницей Гюго. Кстати, Адель относилась к ней не в пример лучше, чем к Жюльетте, и часто принимала в своем доме. Надо сказать, что Адель вообще довольно снисходительно относилась к любовным похождениям

мужа. Ее вполне удовлетворяло положение почетной подруги знаменитого писателя. Жюльетта переживала эти измены гораздо болезненнее, но бедняжка ничего не могла поделать. Когда она, наконец, набралась смелости и предложила Виктору сделать выбор между ней и Леони, поэт согласился, однако, потребовал себе четыре месяца для принятия окончательного решения. Но даже это проявление чудовищного эгоиз-

верженности Жюльетты, которая, рискуя собственной жизнью и свободой, спасла его от преследований ищеек правительства. Позднее Жюльетте удалось достать для Гюго паспорт на имя наборщика Ланвена. По этому документу, переодетый ремесленником, бывший пэр Франции смог выехать на поезде в Брюссель...

Так началась его эмиграция, продолжавшаяся почти девятнадцать

В начале апреля 1862 года вышел в свет первый том романа Гюго «Отверженные». Книга появилась одновременно в Лондоне, Берлине, Нью-Йорке, Брюсселе, Санкт-Петербурге и Париже. Люди с утра дежурили у книжных магазинов в ожидании их открытия. Роман имел потрясающий успех

ма не оттолкнуло от него Жюльетту.

Неизвестно, как дальше повернулись бы события, но в начале декабря 1851 года в Париже произошел государственный переворот. К власти пришел Наполеон III. Гюго, ненавидевший тиранию в любой ее форме, возглавил Комитет сопротивления левых депутатов и обратился с призывом к армии поддержать демократию. Он попытался поднять восстание на окраинах Парижа, где возникли баррикады, однако потерпел неудачу. Правительство издало приказ арестовать Гюго и расстрелять его на месте. Эти дни Виктор пережил лишь благодаря самоот-

лет. Из Брюсселя, где Гюго пробыл около четырех месяцев, он отправился на британский остров Джерси, расположенный не так далеко от французского побережья. Сильно сдавшая, преждевременно постаревшая и поседевшая Жюльетта последовала за ним. Позднее к нему присоединилась и вся семья. Неторопливо текло время. Гюго много работал, занимался общественной деятельностью. Авторитет его был велик. Благодаря его усилиям в Швейцарии и Португалии была отменена смертная казнь.

Гюго всегда был склонен к мистике. Под влиянием одной из своих

*Жюльетта
Друэ*

приятельниц он увлекся модным тогда спиритизмом. Скорее всего, главным побудительным мотивом стала для него трагедия, случившаяся еще в сороковые годы. Тогда во время морской прогулки на яхте погибла его любимая дочь, Леопольдина. Возможность общения с душой своей дорогой девочки была слишком сильным искушением для Гюго. В эмиграции его постигло еще одно семейное несчастье — серьезное психическое заболевание поразило его младшую дочь, Адель.

Через несколько лет Гюго со всеми домочадцами и Жюльеттой переехал на другой остров, принадле-

жавший Великобритании, — Гернси. В начале апреля 1862 года вышел в свет первый том его романа «Отверженные». Этому предшествовала необычайно шумная реклама в прессе. Книга появилась одновременно в Лондоне, Берлине, Нью-Йорке, Брюсселе, Санкт-Петербурге и Париже. Люди с утра дежурили у магазинов в ожидании их открытия. Книга имела потрясающий успех.

В августе 1868 года Адель Гюго скончалась. Жюльетта не только не пыталась женить вдовца на себе, но до конца жизни поддерживала культ Адели. Однако теперь именно она выполняла роль хозяйки дома.

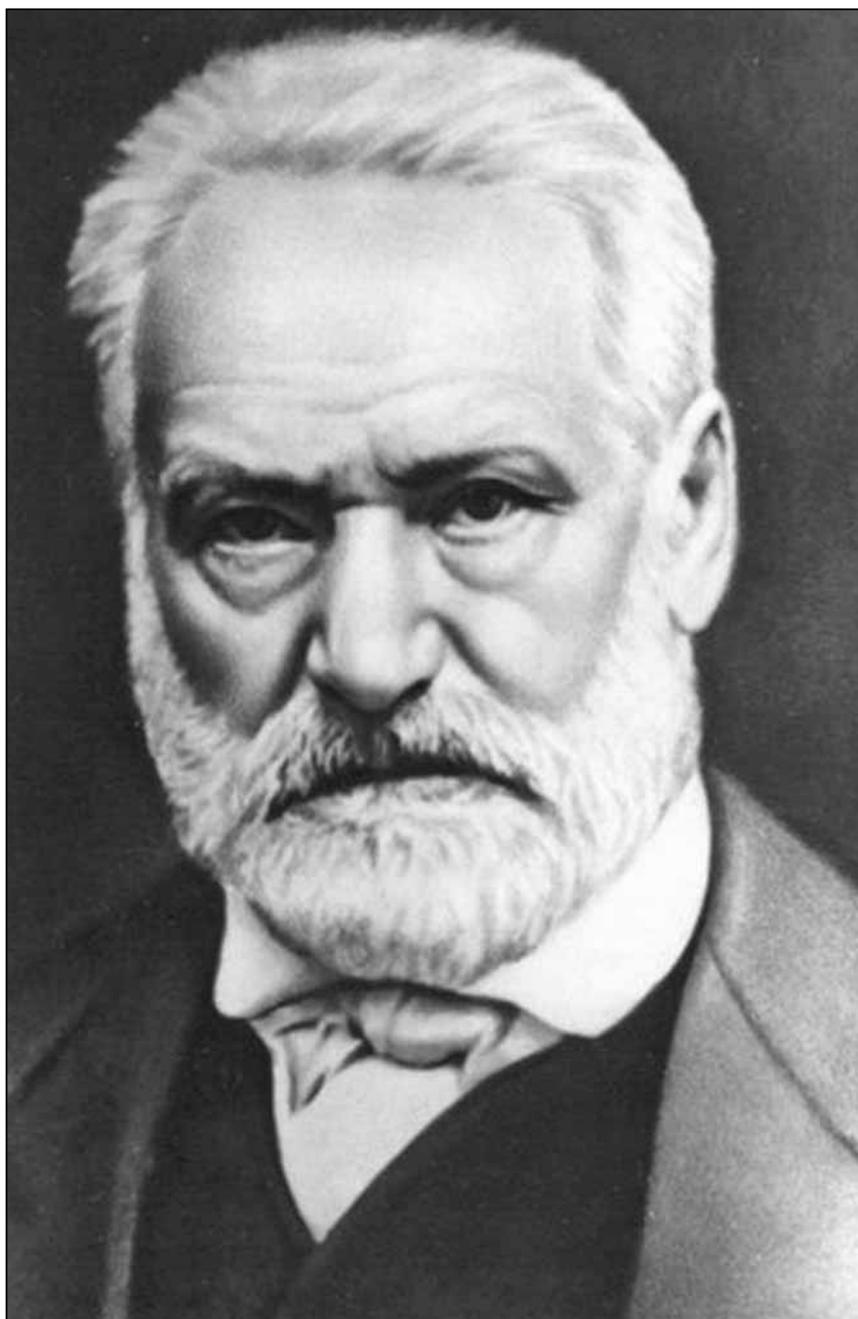
Писатель вернулся из эмиграции в Париж в сентябре 1870 года. Кажется, время не властно над этим титаном. «Под моей старостью таится расцвет», — говорил он. Работал Гюго по-прежнему исключительно много и плодотворно. Физически также чувствовал себя отменно. До семидесяти пяти лет он не носил очков. Когда примерно в этом же возрасте у него впервые заболели зубы, он обратился к домашним, недоумевая, что бы это могло значить. Аппетит у него был превосходный, и он понимал толк в хорошем вине. Жюльетта радовалась цветущему здоровью своего друга, но ей приходилось быть постоянно начеку. После долгих лет эмиграции Виктор не собирался противиться соблазнам столицы. Во время званых вечеров в его доме дамы буквально льнули к нему. А вот для Жюльетты такие приемы были сущей пыткой.

Невозможно перечислить все увлечения Гюго. Среди них была дочь знаменитого поэта Теофила Готье, блестящая красавица Жюдит Мендес, а после возобновления постановки в театре «Одеон» пьесы Гюго «Рюи Блаз» им безумно увлеклась великая Сара Бернар. Гюго даже тешил себя надеждой, что Сара родит от него ребенка. Не брезговал маститый старец и женщинами «из низов» — цветочницами, модистками, горничными. Бедная Жюльетта! Она постоянно обследовала карманы, потайные ящики и запис-

ные книжки Виктора и находила новые поводы для беспокойства — имена неизвестных ей любовниц, их адреса, записки.

Гюго и сам прекрасно сознавал все беды, ожидающие влюбленного старика. Недаром он задумал написать комедию «Развратный Филемон», составленную в виде набросков, в которой безжалостно высмеивал самого себя. Между тем он продолжал работать, создавая и на склоне лет несравненные образцы поэзии. Почести сыпались на него, как из рога изобилия. Он стал сенатором. Дни его рождения праздновались, как национальные праздники. Даже школьные занятия отменялись в эти дни. Произведения его издавались большими тиражами. Десятки композиторов просили у него разрешения положить его произведения на музыку. Он не отказывал никому.

11 мая 1883 года в возрасте семидесяти семи лет скончалась Жюльетта Друэ. Эта самоотверженная женщина умирала от рака, но пока у нее еще оставались силы, едва услышав кашель Виктора из комнаты, расположенной рядом с ее спальней, она спешила к нему с чашкой целебного отвара. Смерть верной подруги сломила писателя, уже перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж. Да, его чувственное влечение к ней давно угасло, но любовь и привязанность никогда не ослабевали. Великий жизнелюбец потерял смысл своего существования. Через

несколько месяцев после смерти Жюльетты в его дневнике появилась запись: «Скоро я снова буду с тобой, любимая».

Виктор Гюго скончался 22 мая 1885 года. Он оставил своим внукам пять миллионов франков, но приказал похоронить себя в гробу для бедняков. Разумеется, не из скупости. Было решено похоронить его в

Пантеоне. В последний путь Гюго провожало более миллиона человек. Порядок обеспечивали десять тысяч солдат. В ночь перед похоронами гроб с телом писателя под охраной почетного караула был выставлен под Триумфальной аркой. Такой почести до Гюго не был удостоен ни один француз. Но разве он не заслужил это? □

Вадим Деревянский

Ваня

Острыми как лезвие зубками Ваня пытался ухватить бригадира за сапог. Бригадир проходчиков Андрей Андреевич Сивцов — грузный, среднего роста, не так давно отметивший полувековой юбилей — ловко убрал носок сапога, и серый грызун был вынужден менять траекторию своей атаки. Работавшее в первую смену звено из трех проходчиков, в котором выделялся «нарушитель трудовой дисциплины» Толик Морозов, от души хохотало.

— Играется, играется, — смеялся и Сивцов.

Наконец Ване удалось вцепиться зубками в его сапог.

— Ух, ты, какой шустрый! — осторожно стряхнул крысу Андрей Андреевич. — А вот теперь попробуй, укуси, — и поставил ногу на сложенную у стенки выработки деревянную затяжку.

Ваня отбежал в направлении выхода из выработки и повернулся. В свете «коногонок» настороженно смотрели умные глазки и поблескивали усы.

— Что, Иван, слабó?!

А Ваня отбегал все дальше и дальше, и уже не поворачивался, а оглядывался, словно, звал за собой. Отбежит, оглянется и смотрит. Оглянется и смотрит. Смотрит... Как будто хочет что-то сказать, а не может...

Бригадира все зовут уважительно Андреич или Батя. Он не просто бригадир, он — Хозяин. Его забой всегда в образцовом порядке: порода убрана, крепь установлена и в соответствии с паспортом «затянута», кабели подвешены, датчики контроля метана на своих местах, вентиляционная труба без порывов и на требуемом от забоя расстоянии, выдвижное крепление и многое-многое другое, предусмотренное правилами безопасности и технологией работ, — «все, как в аптеке».

Однако жизнь есть жизнь, и она не обходится без неприятных сюрпризов. Два месяца назад в бригаде Сивцова произошел вопиющий случай — был уволен за прогулы молодой, недавно отслуживший срочную службу в армии, проходчик Толик Морозов. После строгой армейской дисциплины

затянул парня «пьянящий воздух свободы». Прогулял день, потом второй. В непрекращающихся «гуляках» (так мама говорила) прошла вторая неделя, третья, закончился месяц вольной жизни. А потом... идти в отдел кадров за трудовой книжкой, в которой стояла запись «уволен за прогулы», было уже стыдно.

Пошла на шахту вместо Толика мама и встретила Сивцова с ребятами из бригады. Только что закончилась рабочая смена, они выглядели усталыми, но довольными, со светящимися после успешно выполненного сменного задания (наряда) лицами. Бригадир продолжал что-то энергично объяснять своим менее опытным коллегам, когда она подошла и попросила взять сына обратно... Толик без работы, целыми днями где-то пропадает, возвращается домой пьяный, деньги каждый день из дома тащит. А какие у нее — школьной уборщицы — деньги?! Из-за этого в их доме постоянные скандалы, слезы... Отца у Толика нет, и нет никого, кто поговорил бы с ним по-мужски, вразумил бы.

Такую просьбу Сивцов проигнорировать не мог. Андрей Андреевич серьезно побеседовал с Толиком и, после того как тот пообещал взяться за ум, поручился за него перед коллективом и снова принял в свою бригаду, с испытательным сроком. Толику многому еще придется научиться, чтобы стать настоящим проходчиком. Профессия эта не из простых, к тому же он плохо начал. Но бригадир не считал его совсем уж безнадежным, а то, что молодому парню надо еще учиться и учиться, так это не страшно — научиться...

Когда появился Ваня, в бригаде Сивцова точно никто не помнил. Просто в один из дней к проходчикам, уминавшим перед началом работы принесенные из дома или купленные в шахтной столовой «тормозки», смело приблизился хвостатый зверек. Обычно крысы прятались за затыжкой выработки и ждали, пока проходчики не положат в привычные места газетные свертки с остатками пищи, а этот грызун пришел сам и, не опасаясь людей, подошел к ним совсем близко. Наверное, как это бывает в подобных случаях, кто-то непроизвольно, сам не зная почему, позвал: «Ваня, Ваня». И тот понял, что зовут именно его.

Ваня быстро привык к сменному режиму работы шахтеров, в определенное время выходил из своего убежища и ел все, что дадут — оставленные ему кусочки сала или колбаски, огурцы, вареную или печеную картошку и прочие вкусности. У проходчиков неоднократно возникало желание потрогать Ваню руками, погладить, покормить с рук, но... Делать это строго запрещено, поскольку крысы являются переносчиками смертельно опасных для человека заболеваний!

По этой причине приезжали травить в шахте крыс специалисты санэпидемстанции — расставляли в местах их обитания блюдца с аппетитно

пахнущей пшенной кашей, приправленной подсолнечным маслом, а заодно и смертельным ядом. Кто-то из горняков тогда еще пошутил: «Такую кашу и я бы съел», чем вызвал смех товарищей и недоуменные взгляды представителей санитарно-эпидемиологического учреждения.

Немало крыс в тот раз было отравлено.

Со смешанными чувствами наблюдали проходчики за тем, как ставили блюдечко с кашей у Ваниной норки. Но все закончилось, как в американских фильмах, — хэппи-эндом! Сначала из норки показался Ванин нос, понюхал, учуял яд и... блюдце отлетело на приличное расстояние. Как ни пытались санврачи вновь поставить его возле Ваниного убежища, он каждый раз это блюдце оттуда отбрасывал...

Все крысы, повинувшись природному инстинкту самосохранения, уже покинули выработку. Ваня уходил последним и пытался увести с собой проходчиков бригады Сивцова во главе с самим Батей. Он помнил доброе к себе отношение и отвечал людям тем же.

Наконец один из проходчиков распознал в поведении Вани сигнал тревоги:

— Андреич, Ванька сегодня какой-то странный.

— Да, ребята, — ответил бригадир, — похоже, что-то нехорошее грядет... Других крыс тоже не видно. Надо уходить.

Уходить надо, но это приведет к невыполнению полученного наряда, что неизбежно повлечет наказание, в первую очередь, материальное, а для проходчиков, учитывая размер их зарплаты, — это потери значительные. Поэтому просто так уйти нельзя, сначала надо позвонить в нарядную участка, чтобы поставить в известность начальника.

Телефон в забое Сивцова из-за повреждения где-то на линии уже несколько дней не работал. Телефонисты обещали неисправность устранить, но связь еще не восстановили. Пришлось идти на распределительный пункт к соседям, где кроме электроаппаратуры, питающей другой забой, находился и ближайший телефонный аппарат.

Сивцов снял трубку, попросил ответившую телефонистку соединить с нарядной своего участка. Почти сразу в трубке раздался голос начальника:

— Слушаю.

Сивцов собирался сказать, что из его забоя ушли крысы, скорее всего, из-за приближения какой-то опасности, в том числе ушел Ваня, который вел себя очень странно. И бригадир хотел спросить у начальника участка совета: как быть, что делать?

Хотел спросить, но не успел... По выработке прошла ударная волна, сбила людей с ног, бросила, протянула по земле. Все пространство запол-

нил страшный по своему составу «коктейль» из разных газов и большого количества пыли. Сразу обдало жаром, заложило уши, перехватило дыхание.

Проходчики сорвали крышки самоспасателей — индивидуальных средств защиты, специально предназначенных для таких случаев, когда дышать нечем. (Самоспасатель полностью изолирует органы дыхания человека от внешней среды, в нем за счет химической реакции выделяется кислород.)

Самоспасатели были у всех, кроме Сивцова. Он свой снял с плеча, когда звонил, и поставил на деревянный полók распределпункта. Сейчас это защитное устройство куда-то унесло, и заниматься его поисками в условиях нулевой видимости было бесполезно. Дышать, разговаривать, звать на помощь нельзя — угарный газ, «ЦО»!

Остатков воздуха в легких хватило ненадолго.

«Ну, вот и конец» — пронеслось в голове Сивцова, и он провалился в небытие.

Два проходчика на четвереньках, ориентируясь по рельсам, покидали выработку. Единственным, кто остался, кто не бросил бригадира в беде, был молодой «нарушитель трудовой дисциплины». Толик Морозов на ощупь искал Батю. В кромешном аду, спотыкаясь о невидимые препятствия, он искал... «Батя должен быть где-то здесь... Батя, ты живой? Ты где, Батя?» Он продолжал искать до тех пор, пока рука его не коснулась неподвижно лежащего тела.

Сивцов лежал без сознания и уже видел неземной красоты сад и ходил между белоствольными деревьями, когда Толик сунул ему в рот влажный резиновый загубник своего самоспасателя.

«Дышать... Может, еще поживу...» — промелькнуло в затуманенном сознании Сивцова, и вместе с воздухом в него начала возвращаться жизнь.

Они так и выходили — вдвоем, по рельсам, на четвереньках, включаясь по очереди в один самоспасатель. Добрались до выработки, по которой шла свежая струя воздуха, направились к стволу для выезда на поверхность. И только когда увидели свет и столпившихся на посадочной площадке людей, поняли, что самое страшное осталось для них позади.

Обнялись.

— Батя... — Голос Толика, который своего родного отца не помнил, прозвучал трогательно.

— Спасибо тебе, сынок... Я думал, уже все...

— Ничего, Батя, еще поживем! — От ощущения того, что костлявая дама с косой прошла совсем рядом, по лицу молодого проходчика потекли слезы.

— Поживем... А где остальные?

Остальные два члена звена благополучно вышли и в тот же день написали заявления на расчет...

Нахождение в непригодной для дыхания атмосфере давало о себе знать — тошнило, кружилась голова. Но все это казалось уже неважным, какой-то незначительной мелочью. Главное — живы!

Мимо сновали горноспасатели, занимавшиеся ликвидацией последствий аварии и выводом застигнутых ею людей. Дождавшись своей очереди, Сивцов с Морозовым вошли в клеть и выехали на поверхность.

На лавочках и бордюрах сидела и молча курила следующая смена, ожидая команды на спуск в шахту в помощь горноспасателям и на выполнение иных неотложных работ.

Андрей Андреевич с Толиком в медпункт не пошли — другим нужнее. Вместо медпункта они направились в пивную и сильно напились...

А в шахтном поселке уже через несколько минут после взрыва все знали о случившемся. Трагическая новость мгновенно разлетелась, вырывая шахтерских жен и матерей из привычного круговорота дел и забот, зовя на шахту.

Жена Сивцова с другими женщинами на шахту не пошла — чувствовала: муж живой! Когда он пришел домой вдрызг пьяный, Марья Петровна нежно обняла его и уложила спать.

Тем временем горноспасатели нашли и выдали на поверхность невскрытый самоспасатель с табельным номером Сивцова, и он, по недоразумению, попал в список погибших.

Как и полагается в таких случаях, домой к Сивцовым приехала с шахты скорбная делегация с печальным известием.

— Марья Петровна, — начал председатель профкома, — как вы, наверное, знаете, сегодня на шахте произошел взрыв. Ваш муж и наш друг Андрей Андреевич Сивцов — трагически погиб. Примите самые искренние соболезнования. Администрация, профсоюзный комитет и весь трудовой коллектив вас в беде не оставят.

Марья Петровна сначала даже не поняла происходящего. А, придя в себя, еле смогла вымолвить:

— Он живой...пьяный... спит. Пойдите, посмотрите... — и заплакала.

В подтверждение ее слов из спальни донесся громкий храп.

— Хоть одна хорошая новость за сегодня, — тихо сказал председатель профкома. — Марья Петровна, простите... Добрая примета — долго жить будет. И не будите его... Такое пережил! Пусть поспит...

Спустя несколько дней, когда горноспасатели завершили ликвидацию аварии, в получивших повреждения выработках начались восстановительные работы. В забой Сивцова пришла ударная волна с продуктами

взрыва, который произошел на другом участке. Были повалены рамы крепления, и на их месте теперь лежала обрушившаяся из кровли порода. Об аварии также напоминала вода (горноспасатели заливали возможные очаги возгорания, чтобы за взрывом не последовал пожар), разбитые датчики, разорванный вентиляционный трубопровод. Для самих проходчиков все закончилось благополучно; последствия были бы для них печальными, если бы они не ушли из своей выработки незадолго до взрыва, если бы не Ваня...

Прошло какое-то время, и в забое Сивцова снова появились крысы, вместе с которыми вернулся и Ваня.

Благодарные проходчики кормили Ваню «по первому разряду» до самой его смерти. А умер он через несколько месяцев после аварии, и не своей смертью.

Может из-за возраста, а, скорее всего, в результате произошедшего взрыва, безошибочный ранее нюх Вани дал непоправимый сбой. В ту смену в забое Сивцова никого из проходчиков не было — они в другой выработке осуществляли наращивание (увеличение длины) ленточного конвейера. Поэтому, когда в очередной раз пришли травить крыс специалисты санэпидемстанции, защитить Ваню было некому. А пшенная каша на блюде так вкусно пахла...

После случившегося на металлической вентиляционной двери, установленной на пути в забой Сивцова, кто-то мелом нарисовал симпатичного грызуна и подписал: «Ваня».

Андрей Андреевич до самого ухода на заслуженный отдых продолжал руководить бригадой проходчиков. Сменил его бывший «нарушитель трудовой дисциплины», уже не Толик, а Анатолий Сергеевич Морозов, портрет которого к тому времени по праву занимал свое достойное место на шахтной доске почета «НАШИ МАЯКИ». □

Дмитрий Зелов

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

на фоне усадьбы

Если про главный «недострой» Российской империи, дворцово-парковый ансамбль в Царицыно, слышали практически все, то о весьма схожей с ним в архитектурно-стилистическом отношении, но гораздо более скромной по размерам усадьбе Ми-

халково многие из жителей столицы даже не подозревают. Впрочем, масштабы все-таки изначально были несоизмеримы: если в Царицыно сначала Василий Баженов, а затем сменивший его Матвей Казаков с царским размахом строили загородную

императорскую резиденцию матушки Екатерины, то Михалково являлось местопребыванием ее генерал-аншефа Петра Ивановича Панина (1721–1789), с которым у императрицы были весьма непростые отношения.

Кульбиты истории порой удивительны и занимательны. Дворец в Царицыно простоял более двух веков недостроенным и обрел законченные формы, превратившись в крупный музейный комплекс, только уже в наши дни, а вот сформированный в те же 70–80 годы XVIII века все тем же Баженовым архитектурный ансамбль в Михалково сохранился лишь фрагментарно. Увы, за прошедшие века очаровательная усадьба, отражавшаяся в зеркале Головинских прудов, подрастеряла много звеньев в былом величии своей диадемы, включая канувший в лету деревянный господский дом. И все же дошедшие до нас псевдоготические башни, беседки-ротонды, а так же часть стены с флигелями в окружении старинного тенистого парка и каскада прудов смотрятся невероятно романтично и притягательно. К тому же с Михалково связано много славных страниц отечественной истории, о чем мы и спешим поведать любопытному читателю.

Восемнадцатое столетие: пора расцвета

Именно здесь, в Михалково, прожила пять лет (1764–1769 гг.) близкая

подруга и сподвижница Екатерины II, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, основавшая в 1783 году Императорскую Академию наук. Муж Дашковой, князь Михаил Иванович, умер совсем молодым, в 28 лет. На исходе лета 1764 года, через пару лет после успешного дворцового переворота супруги Петра III, он отправился по ее заданию в Речь Посполитую для поддержки пророссийского кандидата Станислава Понятовского и по дороге подхватил ангину, от которой и отдал Богу душу. В ноябре того же года последний польский король занял престол, на котором он просидел следующие три десятка лет, а юная вдова (Дашковой шел всего лишь двадцать второй год) получила по смерти супруга Михалково. Примечательно, что когда Екатерина Романовна отправилась в 1769 году в заграничный вояж, она взяла себе псевдоним по названию имения — Михалкова. Впрочем, в том же году Дашкова, дабы покрыть все возрастающие расходы и расквитаться по счетам с кредиторами, продала Михалково наставнику наследника престола, а, по совместительству, своему дяде и опекуну, графу Никите Ивановичу Панину (1718–1783). Так находившаяся с конца XVII столетия в роду Дашковых усадьба перешла почти до конца века в род Паниных.

Впрочем, дела государственной важности не отпускали из столицы империи главу внешнеполитического ведомства, и потому через три

года Никита Панин подарил Михалково своему младшему брату Петру. Отставной генерал-аншеф давно нуждался в приличествующем его сану имени, но... в отличие от взлетевшего на самый верх служебной лестницы старшего брата, он находился у матушки Екатерины в опале. А дело было вот в чем.

За два года до того как Петр Панин стал счастливым обладателем Михалково, русская армия под его началом после предшествующей двухмесячной осады овладела-таки в середине сентября 1770 года мощной османской крепостью Бендеры. Но победа далась крайне дорогой ценой. При взятии крепости россы оставили у ее стен свыше одной пятой от всей армии, что составило более 6 тысяч воинов. Узнав о таких потерях, Екатерина II в гневе воскликнула: «Чем

столько потерять и так мало получить, лучше было и вовсе не брать Бендер!» И хотя сражение при Бендерах действительно стало самым кровопролитным для России за ту, очередную в XVIII веке для обеих держав, русско-турецкую войну (1768–1774 гг.), справедливости ради надо отметить, что российские войска под началом генерала П.И. Панина овладели тогда одной из мощнейших османских крепостей. Турки в той битве понесли соразмерные русским потери и даже объявили по погибшим трехдневный траур, к тому же свыше двух тысяч басурманов попало к гяурам в плен. После взятия ключевой в регионе крепости все Днестровско-Прутское междуречье оказалось под контролем России, что, в свою очередь, сыграло огромную роль в склонении чаши весов военной кампании в пользу двухглавого орла.

Будучи правительницей умной и дальновидной, Екатерина Великая наградила своего генерала за взятие Бендер орденом Святого Георгия I степени. Тут бы и вести себя Петру Ивановичу, проживая в столице, тихо и смирно, дабы лишний раз не напоминать о себе и не вызвать тем самым ненароком монарший гнев. Ан, нет, оказавшись не у дел в Москве и посчитав себя несправедливо обиженным, Панин начал «критиковать все и всех» и этими «болтаниями» возбудил к себе ненависть самолюбивой императрицы. Немудрено, что самодержица стала вскоре на-

Слева:

*Петр
Иванович
Панин*

зывать бывшего героя Бендер «первым вралем и себе персональным оскорбителем» и даже учредила над ним «присмотр надежных людей». Опасные разговоры могли бы привести владельца Михалково к печальным последствиям, но тут неожиданно... началось восстание Пугачева, и Екатерина вспомнила о Панине. Вызванный из полюбившегося ему Михалково, он показал себя с самой лучшей стороны, подавив опасный для государственного благополучия мятеж. Кстати, очень любопыт-

но, что с предводителем крестьянской войны Панин уже сталкивался: в ходе взятия злополучных для будущего владельца Михалково Бендер хорунжий Емельян Пугачев проявил себя отважным и бесстрашным воином.

За разгром восстания Пугачева реабилитированный в глазах Екатерины Панин получил помимо похвальной грамоты и алмазной шпаги с бриллиантами огромную сумму «на поправление экономики» — 60 тысяч рублей. Деньги пришлось как

нельзя кстати: Михалково требовало солидных вложений. Но тут случилось непредвиденное. В том же году как казнили Пугачева, Екатерина Родионовна, горячо любимая Паниным супруга, которую он брал с собой даже в военные походы, умерла при очередных родах. Овдовев, Петр Иванович сосредоточился на заботах об усадьбе и оставшихся в живых детях. Отказавшись от планов постройки большого каменного господского дома (чего желала его дражайшая половина), оставной вояка выстроил не дошедший до нашего времени деревянный особняк. А заодно развел в своем имении оранжереи, приносившие регулярно не только экзотические плоды к столу, но и весьма неплохой доход.

Близким другом Петра Панина был архитектор Василий Баженов, который и распланировал Михалково. Воплощал в жизнь баженковский проект управляющий Панина Петр Яковлевич Плюсков. Столь редкий и удивительный для истории усадебной архитектуры случай объяснялся просто: управляющий с задатками зодчего был по совместительству семейным архитектором братьев Паниных, а в недалеком прошлом учеником самого Дмитрия Ухтомского, главного архитектора Москвы в правление царицы Елизаветы, «петровой дщери».

На последующие полтора десятилетия, вплоть до смерти хозяина в 1789 году, и приходится апогей расцвета Михалково. Усадьба стала популярным местом приятного времяпровождения среди местной зна-

ти. Заезжие знаменитости считали своим долгом посетить «наше Веселое», как называл хозяин в письмах друзьям свою усадьбу. Так, в 1787 году в Михалково побывал собиравший в России деньги на борьбу латиноамериканских колоний с испанским владычеством Франциско де Миранда, будущий первый президент Венесуэлы. Виды Михалково ему настолько понравились, что он нашел их даже «лучшими чем у Шереметевых», владельцев роскошных подмосковных усадеб Кусково и Останкино.

Впрочем, бытующий еще с прошлого столетия миф о том, что выстроенная для Панина Баженовым усадьба напоминала отставному генерал-аншефу некогда покоренную им крепость в Бендерах, не имеет под собой никакого основания. Достаточно просто сравнить виды Михалкова и Бендер. К тому же воспоминания о взятии Бендер были слишком болезненны для Петра Ивановича, чтобы постоянно видеть еще и их зримое воплощение в своей подмосковной вотчине.

Век девятнадцатый: в фабричном чаду

Сын Петра Ивановича Панина, Никита Петрович, недолго владел Михалково. В 1797 году он был назначен Павлом I послом в Берлин, и перед длительным пребыванием на чужбине продал усадьбу одному из смоленских помещиков. Тот, в свою очередь, практически сразу же перепродал

часть михалковских угодий купцу В.С. Турченинову, который организовал здесь ситценабивную фабрику. Так, на территории бывшего «приюта муз» в самом конце XVIII столетия начала разыгрываться драма, которую через сто с лишним лет обессмертил Антон Павлович Чехов в своем «Вишневом саде»: территория Михалково дробилась и раз за разом вырубалась под натиском цивилизации. Первыми пали михалковский плодовый сад и оранжереи, а в начале позапрошлого столетия ушел в небытие и деревянный господский дом.

В те же годы на территории бывшей усадьбы сформировался рабочий поселок при фабрике Дмитрия Ефимовича Грачева, одного из ситцевых королей России. Ко времени воцарения Николая I весьма доходный бизнес у Грачевых перекупил немец Вильгельм Август Йокиш, ставший в России Василием Ивановичем. Примечательно, что в отличие от своих предшественников по текстильному бизнесу, которые несколько не задумывались о сохранении баженовских построек, а стремились извлечь максимум прибыли, владелец «Товарищества суконной мануфактуры Йокиш» старался относиться к историческому наследию максимально бережно — фабричное производство при нем никогда не располагалось в старинных михалковских постройках. Более того, Йокиш, для которого Россия стала второй родиной, за свой счет произвел реставрацию сохранившихся

в Михалково баженовских зданий, обезображенных его предшественниками в погоне за сиюминутной выгодой. Рачительный хозяин, он немало сделал и для улучшения жизни и быта рабочих своей фабрики, что было огромной редкостью по тем временам. В Михалково им был выстроен целый социально-бытовой городок, в котором помимо жилых корпусов вокруг Малого Головинского пруда были возведены магазин, больница, школа, библиотека и даже театр! Наследники Йокиша продолжали владеть бизнесом вплоть до революции 1917 года. Чуть ранее, на рубеже XIX–XX веков, в стиле эклектики (который на удивление гармонично вписался рядом с баженовскими постройками), были возведены дом директора суконной мануфактуры, а также новые производственные корпуса и рабочие казармы. Часть из этих зданий сохранилась до наших дней. Невероятно, но факт: в построенном более ста лет назад фабричном общежитии для рабочих до сих пор живут люди!

Век минувший: от запустения и упадка к началу возрождения

Прошедшее столетие не благоволило к Михалково. Как и следовало ожидать, через год с небольшим после революции семейный бизнес Йокишей был национализирован. Однако после недолгого простоя фабрика заработала вновь — мо-

сквичам, да и жителям страны, едва отошедшим от лихолетья военного коммунизма и гражданской войны, позарез нужны были ситцевые и суконные ткани. А к 1933 году Тонкосуконная фабрика имени Петра Алексеева (хотя ставший в советское время революционным героем ссыльный каторжанин и не имел к ней никакого отношения) перешла исключительно на выпуск сукна, просуществовав вплоть до начала нынешнего десятилетия.

Затем, в годы войны, был почти полностью вырублен дубовый парк, а территория отдана местным жителям под огороды для пропитания. После постройки в 1960-м году Московской кольцевой автодороги Михалково оказалось в черте Москвы. С каждым годом город неумолимо и все ближе подступал к остаткам былой роскоши: сохранившимся усадебным постройкам и прудам.

Однако пару лет назад появились шансы на возрождение Михалково: пруды и окружающая территория были очищены от копившегося десятилетиями мусора и грязи и благоустроены, а парковые беседки отреставрированы. Сюда, пока еще тонким ручейком, но все же начинают притекать туристы, да и просто любители русской истории и культуры. Так что у нас есть шанс, что мы доживем до того славного времени, когда в Михалково, подобно Царицыно, откроется свой, пусть и камерный, музей истории и культуры этих мест. Дай-то Бог! □

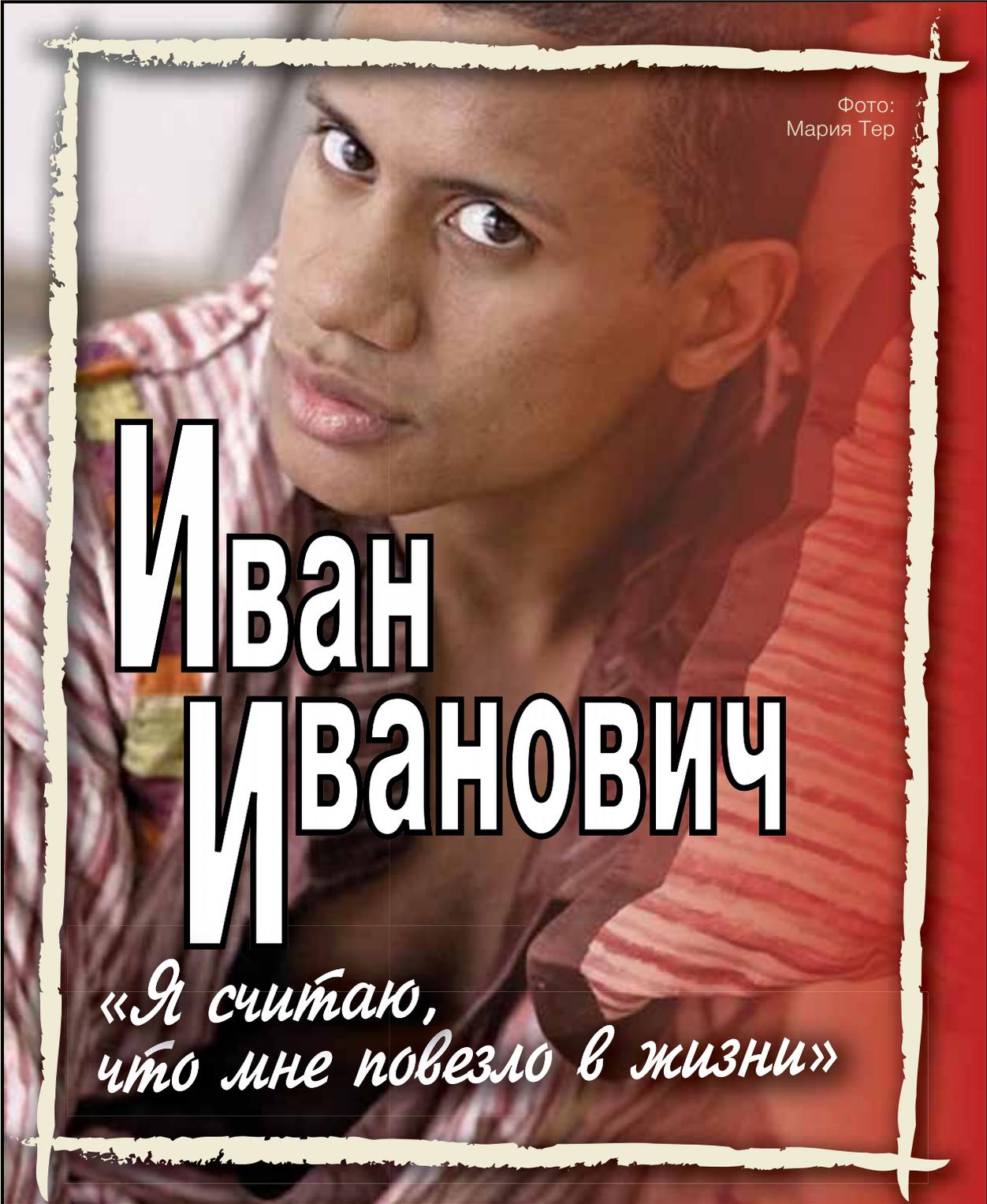
A close-up portrait of a young man with dark hair and eyes, looking slightly to the left. He is wearing a red and white striped shirt. The photo is framed with a white, torn-edge border. In the top right corner, there is a small text credit: "Фото: Мария Тер".

Фото:
Мария Тер

Иван Иванович

*«Я считаю,
что мне повезло в жизни»*

Иван Иванович — молодой и очень яркий артист Театра Романа Виктюка, обладающий особым обаянием и магнетизмом. Его можно увидеть в спектаклях «Федра», «Коварство и любовь», «Саломея», «Король Арлекин», «Венецианка», «Сергей и Айседора» и других. А еще Иван снимается в кино. Скоро на экраны выйдут картины «Вратарь Галактики» и «Бег Пальмиры» с его участием.

— Иван, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?

— Я снялся в картине «Вратарь Галактики» у режиссера Джаника Файзиева, сыграл Пеле, но не самого знаменитого бразильского футболиста, а как бы его прототип.

— «Над городом возвышается огромный инопланетный корабль — это стадион, на котором проходят состязания, отдаленно напоминающие современный

футбол, но только на невероятно больших скоростях. Это игра — космобол. Когда идет игра — мир останавливается и все наблюдают за игрой», — это цитата из анонса предстоящей премьеры фильма. Что вы можете сказать о картине?

— По жанру ее можно назвать фантастически-приключенческой, и думаю, что зрителю будет интересно ее посмотреть. В этом фильме играют Евгений Миронов, Михаил Ефремов, Дмитрий Назаров, Еле-

«Федра»

Фото:
Иван
Никульчи

Слева:

«Саломея»

Фото:
Сергей
Апанасенко

на Яковлева. Мне очень повезло выходить с ними на одну съемочную площадку, видеть, как они работают и таким образом учиться у них.

— В Театре Романа Виктюка, где вы служите, прошли две премьеры, и дебютировали в качестве режиссеров ваши ведущие артисты: «Венецианку» поставил Игорь Неведров, а «Маугли. Доброй охоты!» — Дмитрий Бозин... Вы играете в этих спектаклях...

— Это новый виток для нашего театра, как известно, Театр Романа Виктюка — авторский. Впервые Роман Григорьевич дал возможность поставить спектакли Игорю Неведрову и Дмитрию Бозину. Работа была экспериментальная и очень интересная. Комедия масок «Венецианка» —

история о том, как некий режиссер создает спектакль — комедию дель арте, артисты его репетируют, а по ходу пьесы — в самом театре происходит смена власти. Артисты требуют уволить Мастера и... приводят его на плаху. Главная тема спектакля — Учитель и Ученик. История о том, как Ученик неосознанно предаст своего лучшего Учителя, предаст того, кто дал ему все, кто вложил в него душу и сделал его актером, как новый мир коверкает отношения людей. Игорь Неведров учился у Юрия Петровича Любимова, и помнит то время, когда актеры театра нападали на своего режиссера, и какая это была трагедия для мастера. Зачем все это? Как это вообще возможно, ведь мастер вел тебя по жизни! Игорь очень переживал.

В спектакле есть сцена, когда Ученик и Учитель встречаются и вспоминают прошлую жизнь, когда были возвышенные, глубоко духовные отношения, и столько всего пройдено вместе! Но земные, бытовые, измененные моменты помешали развитию отношений...

Спектакль «Маугли. Доброй охоты!», поставленный Дмитрием Бозиным, очень взрослый, красивый, с впечатляющими декорациями! В этот спектакль я быстро ввелся, и для меня было самым важным в нем — работа с Дмитрием Бозиным, с ним мы досконально прорабатывали всю суть Маугли, мистическую тайну его души. В постановке занято много молодых артистов, и для нас всех это интересный и, вместе с тем, сложный опыт.

— Вы играете роль Маугли?

— Да, и нужно было найти свое решение этого образа, сделать что-

то по-своему. На репетициях я смотрел и понимал, что спектакль «Маугли» — это часть самого Дмитрия, он мог бы выйти на сцену и сыграть сам все роли!

Спектакль рассчитан на подростков, но, в том числе, и на взрослую аудиторию.

— «Бег Пальмиры» — вторая картина, где вы недавно снялись. О чем она?

— Фильм сделан в жанре мистической притчи, это интересный материал для актеров. Действие картины происходит в неопределенные времена в Чистилище, в междумирье. Она переносит нас в эпоху рыцарей, в далекое Средневековье. И я играю роль... дьявола.

Режиссер Олег Кондратьев — самобытный человек, можно сказать, самородок, работалось с ним увлекательно. Кондратьев не имеет про-

фессионального режиссерского образования, но он полон идей и умеет их реализовать.

— Иван, вы, вероятно, мечтали стать артистом с детства?

— Не помышлял даже об этом! С детства серьезно занимался музыкой и очень хотел петь, я закончил восемь классов в Академии хорового искусства под руководством Виктора Сергеевича Попова. Мне очень нравилось там учиться. Виктор Сергеевич был нашим хормейстером, художественным руководителем академии. К сожалению, он

ушел из жизни в 2008 году, светлая ему память...

— Весной и летом 2018 года в зале московской Нотно-музыкальной библиотеки вы участвовали в концерте классической музыки. Вам хотелось бы продолжать выступать, исполнять партии классического репертуара?

— Вообще-то у меня есть мечта — выступить на сцене как оперный певец...

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

Слева:

«Венецианка»

Фото:
Полина Королева

«Крылья из пепла»

Фото:
Мария Щербакова

— Я вырос в большой семье, в семейном детском доме, в Подмоскowie, где воспитывались одиннадцать детей разного возраста. Мои родители — Быховы — величайшей души люди, прекрасные педагоги. Они первыми создали семейный детский дом в нашей стране и за свой труд удостоены высших наград — ордена «За дела милосердные» — его вручил патриарх Всея Руси Алексей Второй, и ордена от председателя Российского детского фонда, писателя Альберта Анатольевича Лиханова.

Папа, Алексей Иванович, — журналист, педагог, биолог, мама, Наталья Александровна, — художник-дизайнер. Знаете, эти удивительные, редкие люди взяли на себя большую ответственность и воспитали нас, приемных детей, как родных.

Я считаю, что мне повезло в жизни. Многие биологические родители не могут так воспитать и столько дать своим детям, сколько они нам дали! Все дети учились играть на музыкальных инструментах. Восемь детей получили высшее образование, у всех уже свои семьи. Быховы — пример советских людей, которые не ради пиара, не ради какой-то выгоды основали семейный детский дом. Об этих людях никто не знает, но они совершили настоящий подвиг.

— Вы окончили ГИТИС — курс Романа Григорьевича Виктюка в 2012 году, учились в Школе драмы Германа Петровича Сидакова, в Академии хорового искусства, вы все время учитесь! Интересно было заниматься в Школе драмы Сидакова?

Слева:

**«Маугли.
Доброй охоты!»**

Фото:
Иван Никульчи

Фото:
Елена Кондратьева

— Сидаков — ученик и последователь Петра Наумовича Фоменко, также он ученик Сергея Васильевича Женовача. Герман Петрович преподавал в ГИТИСе, работал на Высших курсах сценаристов и режиссеров (мастерские: А. Суриковой, П. Тодоровского, В. Хотиненко, В. Наумова, С. Соловьева), а также преподавал актерское мастерство на «Фабрике звезд». Многие медийные люди учились и учатся у него в школе, которую он открыл в 2008 году. Здесь много самых разных курсов: актерско-режиссерский, курс для профессионалов, курс объемной трансформации, курс прохождения кастинга, разработки роли... Обучение

давал актерское мастерство на «Фабрике звезд». Многие медийные люди учились и учатся у него в школе, которую он открыл в 2008 году. Здесь много самых разных курсов: актерско-режиссерский, курс для профессионалов, курс объемной трансформации, курс прохождения кастинга, разработки роли... Обучение

в школе — это погружение на пять месяцев целиком и полностью в профессию, возможность многое понять и проанализировать. Для меня это был полезный опыт.

— Кто ваш учитель в профессии?

— Роман Григорьевич Виктюк, он мой отец в профессии. Благодаря Виктюку я сформировался как актер, работа с мастером — всегда развитие, и это очень важно.

— В театре Романа Виктюка вы служите с 2009 года. Какой первый спектакль вы играли?

— «Ромео и Джульетта», премьера состоялась в июне 2009 года, я в то время еще учился в ГИТИСе.

— «Четверо молодых матросов, студентов Британской королевской морской школы, пережидая штиль на борту корабля, открывают томик «Ромео и Джульетты». Чтение поглощает их настолько, что, примеряя роль за ролью, они начинают разыгрывать классический сюжет, постепенно усиливая накал эмоций и меняя тональность игры. И с каждой новой сценой их проживание великой трагедии становится все более прочувствованным и вдумчивым». Это анонс спектакля. Интересно ли была вам роль Ромео?

— Конечно, но, пожалуй, мне больше нравится Меркуцио. Это со-

всем другой образ! И мне очень бы хотелось в будущем его сыграть. Меркуцио — лучший друг Ромео, он очень верный и харизматичный герой. Ради своего друга Меркуцио пошел на смерть. А Ромео... ну что Ромео — влюбленный романтик... Ромео стал моей первой ролью в Театре Романа Виктюка, и на ней я прошел сложнейшую школу, можно сказать, получил настоящую артистическую прививку. Да, это здорово, но больше мне нравится Меркуцио, он, на мой взгляд, ярче и многослойнее.

— В Театре Романа Виктюка у вас много главных ролей, а где еще можно вас увидеть?

— В «Отелло» «Свободной сцены» я играю вместе с Максимом Авериным и Дмитрием Жойдиком, в Театре наций занят в спектакле «Цирк». И это тоже важный и значимый опыт для меня.

— Иван, какого зрителя вам хотелось бы видеть в театре?

— Внимательного. Интеллектуального. Зрителя, размышляющего, которому интересно, что стоит за поступками героев. Зрителя, который любит познавать. Мы — артисты, выходя на сцену, учимся так же, как и публика, сидящая в зале. Зритель во время спектакля проживает вместе с артистом его роль... и если такое происходит, то это — бесценно... □

Беседовала **Елена Воробьева**

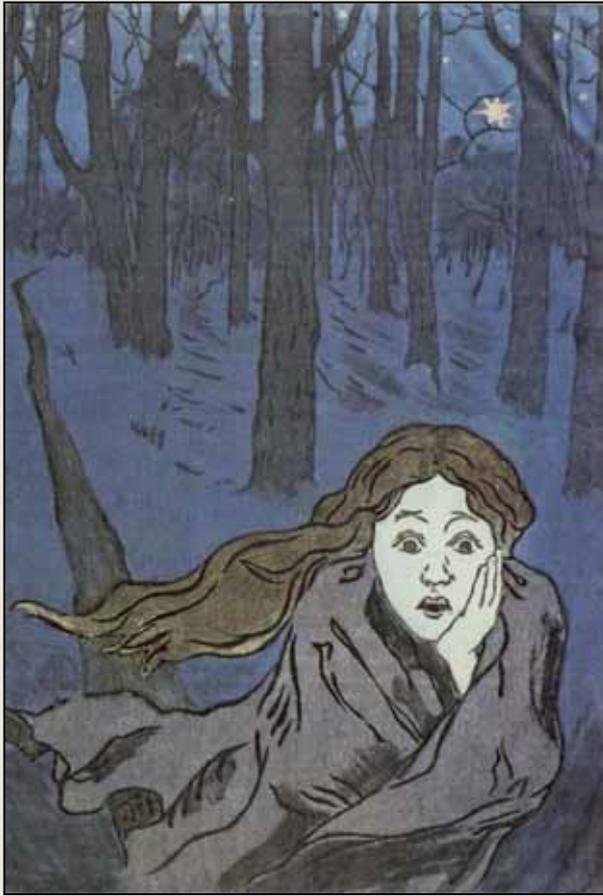

*Мария
Васильевна
Якунчикова*

Неизвестная

«Утопленница» Серова

В 2004-м году одному из российских коллекционеров посчастливилось приобрести замечательное керамическое панно «Утопленница». Долгое время считалось, что его автор — Врубель. И действительно, Врубель много работал в этой технике, его вклад в развитие декоративной майолики огромен. Однако после тщательного изучения панно стало ясно: его автор — Серов! И это была настоящая сенсация. Но чье лицо изобразил художник на панно? До некоторого времени это оставалось загадкой.

В конце 1889 — начале 1890 годов в усадьбе известного мецената, купца Саввы Мамонтова, «Абрамцево» месяцами жили и работали самые талантливые художники и музыканты тогдашней России. Тут писали картины, ставили спектакли, тут рождались новые идеи, шла насыщенная творчеством жизнь. Была в Абрамцево и небольшая гончарная мастерская. Хозяева мечтали соорудить в своем доме печи и камины и украсить их яркими изразцами. Многие гости Мамонтова увлекались керамикой — лепили, а потом расписывали изделия, обжигали их в печах. Увлекался этим делом и сын С.И. Мамонтова Андрей, студент Московского училища живописи, ваяния и зод-

чества (МУЖВЗ). Захаживал в гончарную мастерскую и Валентин Серов, любимец всей абрамцевской компании. Конечно же, он понимал, что его призвание — живопись, но всеобщее увлечение расписной майоликой не обошло и его. Поэтому кое-что он все-таки сделал: на выставке 1915–1916 годов в Галерее Лемерсье, где были показаны работы, выполненные в керамико-художественной гончарной мастерской «Абрамцево» при жизни С.И. Мамонтова, демонстрировались три работы В.А. Серова: «Святой Георгий Победоносец», «Ваза» и «Офелия». Но была еще одна работа — «Утопленница»... Она была создана примерно в то же время, что и «Офелия», причем лица на этих панно очень похожи. И похожи они на очаровательную и невероятно талантливую художницу Марию Якунчикову, одну из частых гостей Абрамцева. Бывала она в имении Мамонтовых и в 1896 году, в тот год, когда Серов сделал свои панно. Сегодня историки искусства почти не сомневаются: на панно «Утопленница» — Мария Якунчикова. Изображая ее в образе Офелии и Утопленницы, Серов словно предвидел наполненную страданием жизнь и ранний уход своей доброй знакомой Маши Якунчиковой...

Семейство Якунчиковых принадлежало к элите российского общества. Они были связаны родственными узами с выдающимися фамилиями России, с людьми, определившими культуру страны в XIX веке —

Слева:
«*Страх*»

«*Церковь
старой
усадьбы
Черемушки
близ Москвы*»

Третьяковыми, Мамонтовыми, Алексеевыми, Поленовыми.

Мария Якунчикова родилась 19 января 1870 года в Висбадене, где в тот год отдыхали ее родители. Василий Иванович и Зинаида Николаевна (урожденная Мамонтова, сестра Веры Николаевны Третьяковой, супруги создателя знаменитой галереи) — любили литературу, живо-

пись и были страстными меломанами: отец прекрасно играл на скрипке, мать — на рояле.

Василий Иванович Якунчиков занимал видное положение в обществе. Во-первых, он был успешным предпринимателем. Его деловые интересы были весьма разнообразны: он владел Воскресенскими мануфактурами в Нарофоминске, осно-

*Панно
«Девочка
и леший»*

Справа:
*«Яблони
в цвету»*

вал кирпичные заводы в Черемушках и Одинцово, благодаря ему в Москве возникли Петровские линии с пассажирами («Дамское счастье») и создано Товарищество Петровских торговых линий, он был хозяином нескольких доходных жилых домов и роскошной гостиницы «Ампир» (ныне «Будапешт»). Успешный в коммерции, он не меньше времени уделял общественной деятельности: член Московского совета торговли и мануфактур, выборный московского купечества и Московского биржевого общества, еще около десятка подобных почетных постов. Кроме того, много времени, сил и средств он дарил благотворительности и меценатству. Так, например, Василий Иванович участвовал в работе Комитета по оказанию помощи семьям убитых, умер-

ших от ран и изувеченных воинов русско-турецкой войны. Якунчиковы жертвовали деньги на организацию Московской консерватории, были пайщиками Художественного театра, входили в Комитет по строительству Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), помогали художникам и даже приглашали пожить в своем доме, когда им требовалась помощь и поддержка.

Неудивительно, что в доме Якунчиковых бывал весь цвет московской интеллигенции: Скрябин, Чайковский, Рубинштейны, Левитан, Поленов (женатый на дочери Василия Ивановича Наталье Якунчиковой), Коровин, Серов, Нестеров.

И дети Якунчиковых были под стать родителям. Сын Николай (удо-

стоенный уже дворянского звания) сделал прекрасную карьеру — получив придворный чин камер-юнкера, стал дипломатом, был атташе российского посольства в Лондоне.

А дочери Якунчиковых, Наталья, Елена и Мария, проявляли художественные таланты. Они все рисовали, но было ясно — для Марии это дело жизни. В 13 лет она брала уроки рисования (вместе с сестрами) у московского художника Н.А. Мартынова, а в 15 поступила вольнослушательницей в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Но главные свои уроки она получила в доме замечательного русского художника Василия Дмитриевича Поленова — там она работала во время знаменитых поленовских рисовальных вечеров рядом с Коровиным, Левитаном, Серовым, Нестеровым... А еще там же она приобрела свою самую лучшую подругу — сестру Василия Дмитриевича Елену. Елена была старше Марии на десять лет, что нисколько не мешало их дружбе. Они говорили о прочитанных книгах, о картинах знакомых художников, о том, как показать на холсте прелесть хмурого весеннего утра, яркие краски осеннего леса, ослепительный белый цвет зимнего дня. А когда расставались, писали друг другу письма, в которых высказывали самые разные мысли — об искусстве, о людях, о сложных отношениях...

Все были убеждены, что Машу ждут триумф и успех — ее живописный дар был очевиден. Однако в

18 лет стало ясно: будущее этой талантливой девушки отнюдь не безоблачно. Врачи поставили ей страшный по тем временам диагноз — туберкулез. У родителей ее было достаточно средств, чтобы приглашать к дочери лучших врачей, но, к сожалению, антибиотиков тогда еще не было... Маше посоветовали поменять климат — ехать за границу, где и солнце поярче, и дней теплых побольше. Старшие Якунчиковы решили: их дочь будет жить во Франции и в Италии, а в Россию приезжать летом. Марию увезли на лечение в Европу — сначала была Вена, потом Биарриц. Лето 1889 года она провела в России, а осень — уже в Париже.

Той же осенью она поступила в известную школу живописи — парижскую Академию Жулиана. Ей бы-

«Венеция»

Справа:
«Колонны»

ло хорошо во французской столице, но какой же счастливой она себя ощущала, когда приезжала на лето домой, жила в окружении своих родных, к тому же близких по духу людей — в имениях отца, у Мамонтовых в Абрамцево и вблизи Звенигорода.

В 1894 году Мария уже работала вполне самостоятельно и даже выставлялась в парижском Салоне, куда попасть было не так-то просто — строгое взыскательное жюри очень тщательно отбирало картины. В ее

свежей, какой-то молодой живописи удивительным образом предвосхищались самые разные стили и направления, которые появятся только в XX веке. Тут и символизм, и фовизм, и экспрессионизм, что делает ее значительной фигурой даже на таком невероятно богатом фоне художников Серебряного века. Кстати, стоит заметить, что молодую художницу интересовала не только живопись, но и деревянная скульптура (игрушки), вышивка, апплика-

ция. Она пробовала себя, и очень успешно, в разных направлениях. И хотя юная художница большую часть времени жила в Европе, но как же часто возникают на ее картинах русские пейзажи, русские люди, русские церквушки — все то, о чем она так тосковала вдали от своих друзей, от воздуха родины...

Постепенно ее творчество нашло признание, причем не только у простых ценителей искусства — ее имя стало появляться в статьях авторитетнейших критиков. Так, в 1896 году о ней узнали читатели английского «The Studio»: «Мари Якунчи-кофф, — писал автор журнала, — начала работать в технике цветной гравюры в 1883 году. В течение по-

следних двух лет, в результате активной работы, чисто женской в своем упорстве, она создала несколько тарелок, в которых отразился самый яркий темперамент нашего времени в этой области искусства. Я пока не рискую объявить, что она превзошла своего мэтра, Делатра, но она — его ровня в искусстве обращения с медным листом, и, безусловно, превосходит его в своем видении предметов, в идеализме, в духовности, и в особой мечтательности. Мне кажется, что мадемуазель Мари Якунчи-кофф обладает огромным художественным даром».

Хорошенькая, живая, талантливая Мария всегда пользовалась успехом у мужчин. В 1896 году она вышла за-

*А.К. Коровин
«Портрет
художницы
Марии
Якунчиковой»*

муж. Ее супругом, верным и преданным, стал Леон Вебер-Баулер, студент медицинского факультета Сорбонны. Они познакомились в Париже в начале 1890-х, и Леон сумел стать тем единственным мужчиной, с которым Мария захотела связать свою жизнь навсегда. Русский по происхождению, он был французским подданным и практически всю свою жизнь прожил за пределами России. Его мать, известная «народо-

волка», увезла сына за границу, когда мальчику было всего 8 лет. Большею частью они жили в Швейцарии, возможно, и потому, что в их жилах текла швейцарская кровь: прадед Леона по материнской линии Жакоб Баулер окончил Базельский университет, получил диплом врача и вместе с женой-француженкой отправился в Россию. Прошли десятилетия, и вот его правнук Леон оказался на родине прабабки, в Париже, по-

ступил в Сорбонну и тоже собирался стать врачом...

В 1898 году у супругов Вебер-Баулер родился сын. Мальчика называли Степаном. Счастье молодых родителей было огромно, но так уж устроен мир, что рождение и смерть всегда ходят рядом. 21 ноября умерла самая близкая подруга Марии Елена Поленова. «...Даже Степка, которого, помните, я так хотела... не возбуждает во мне больше восторженной радости», — писала Мария Александру Головину. «Все, что есть для меня самого дорогого, так тесно связано с ней, что не могу на каждом шагу не вспоминать ее», — говорила она друзьям.

Но, как всегда, в горе спасает работа, и Мария с головой окунулась в подготовку к Всемирной выставке. Ее панно «Девочка и леший» (большое, размером 3х3.6м), выполненное в технике вышивки и аппликации, было отмечено и посетителями выставки, и критиками, а также заслуженно отмечено серебряной медалью.

В 1901 году вышла фундаментальная «История живописи в XIX-м веке: Русская живопись». Ее автор, выдающийся русский критик Александр Николаевич Бенуа писал: «М.В. Якунчикова-Вебер — удивительно симпатичная художественная личность. Она одна из тех, весьма немногих, женщин, которые сумели вложить всю прелесть женственности в свое искусство, неуловимый нежный и поэтический аромат, не впадая при

том ни в дилетантизм, ни в приторность... М.В. Якунчикова не только большой поэт, но и большой мастер. С этой стороны она до сих пор не достаточно оценена, а между тем мало найдется среди современных художников — и не только у нас, но и на Западе, — кто владел бы такой свежей, благородной палитрой, таким широким бодрым мастерством».

Конечно же, она тогда была счастлива — рядом с ней любимый муж, обожаемый сын, и в работе все удаётся, но Марии никогда не удавалось долго быть счастливой — и вскоре ее настиг новый удар: у сына Степана, двухлетнего очаровательного малыша, врачи обнаружили туберкулез, болезнь, которая уже не первый год подтачивала и ее здоровье... Что только не делали родители — возили к лучшим докторам, давали лучшие лекарства, не думая о цене. Их усилия увенчались успехом — мальчику стало лучше, зато у его матери снова открылся активный процесс — видно, нервные переживания так просто не проходят. Теперь врачи все свое внимание сосредоточили на ней, муж делал все, что возможно, для спасения жены — построил дом в Шамони, куда перевез все свое семейство. Постепенно состояние Марии стало улучшаться, и что ее спасало — благотворный горный воздух или преданность и любовь мужа, не так уж и важно. Мария и Леон были молоды, он ее обожал, в доме их всегда уютно и тепло...

В 1901 году у них родился второй сын. Отец был счастлив, только вот беременность оказалась тяжелым испытанием для Марии — туберкулез снова дал о себе знать. И снова Леон пытался помочь жене — увез ее в Швейцарские Альпы, в местечко Шен-Бужери. Но чуда не произошло — на сей раз альпийский воздух и любовь мужа были бессильны. Болезнь, убивавшая в те годы всех без разбора, молодых и старых, богатых и бедных, сделала свое черное дело: 27 декабря 1902 года Мария Якунчикова скончалась.

Умерла она совсем молодой, в 32 года, в расцвете творческих сил! Сколько еще могла эта талантливая художница создать прекрасных работ, сколько радости принести людям своим творчеством! Узнав об уходе Якунчиковой, потрясенный Сергей Дягилев опубликовал проникновенный некролог в журнале «Мир искусства», однако немногие российские ценители прекрасного заметили смерть художницы, оставившей мир так трагически, так рано! Наверное, это случилось из-за того, что большая часть ее творческой жизни прошла за пределами России. На родине ее знали мало, зато Швейцария считала и сегодня считает ее своей, тут устраиваются ее выставки, тут хранится ее архив, ее коллекции. «Но какая декоративная выдумка, какое богатство красок и чувство стиля в этом искусстве!... В ее творениях — вся поэзия ее страстной души, меланхоличной и нежной», —

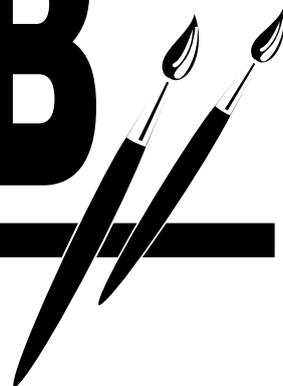
так писали о Якунчиковой швейцарские критики.

В Швейцарии не раз проходили ее выставки, там же в музеях и частных собраниях хранятся многие ее работы, а вот ее архив и коллекции берегут внуки и правнуки Леона и Марии Вебер — эти коллекции поистине великолепны, ведь каждый раз, возвращаясь в Европу из России, Мария Якунчикова везла с собой этюды, картины, предметы прикладного искусства, причем не только свои, но и друзей-художников — Поленовых, Коровина, Левитана, Серова и других. Среди этих работ было и панно «Утопленница», особенно дорогое Марии — ведь его выполнил друг ее юности Валентин Серов, причем моделью ему послужила она, Мария... Наверное, глядя на панно, она вспоминала о том замечательном времени, когда они все были молоды, здоровы, и все еще было впереди...

Прошло более 100 лет, и в семье Веберов как-то забылось, что «Утопленница» — работа Серова. Автором панно считали Врубеля. Так думал и российский частный коллекционер, купивший в 2014 году панно у наследников Марии Якунчиковой. И только после тщательного его изучения стало ясно — это неизвестная ранее работа Серова, причем очень ценная, поскольку он сделал совсем немного вещей в этой технике. А еще большую ценность панно придает то, что на нем — лицо замечательной русской художницы, одной из блестящих фигур Серебряного века. □

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

10

На дворе стояла та самая красочная пора, которую в народе любят называть «бабьим летом». Едва я повернул к храму, возвышавшемуся вокруг начинавших печально желтеть раскидистых кленов с листьями, очень похожими на людские сердца в разрезе, как мой слух в тяжелом грохоте машин, пронесшихся по ближней улице, уловил звонкое пение. Я поднял голову и на самой верхней ветке увидел скворца в черном оперенье с ярко-желтым клювом, нервно переступавшего лапками, словно он, сделай я еще хотя бы шаг в его сторону, вспорхнет с насиженной ветки и улетит. Однако я тотчас остановился и, стараясь ровно дышать, замер в надежде, что певчая птица, привыкнув ко мне, продолжит зани-

---

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018 и №1, 2019

маться тем, для чего она сюда, по-видимому, и прилетела! Но вдруг я поймал себя на мысли, что нескольких минут увлечения певчей птицей мне вполне хватило, чтобы вскипевшие мысли улеглись, как река в своем равнинном течении, потекли широко и ровно. Жизнь неумолимо продолжалась — и надо было думать, как среди полного отсутствия морали не только выживать, но и самым настоящим образом, наперекор бесконечным, словно нарочным, ударам безжалостной судьбы, достойно жить!

По огромным, очень известным картинам, таким, как «Рынок демократии» и «Великий эксперимент», даже не являясь большим знатоком живописи и совершенно не являясь никаким политиком, можно безошибочно определить крайне негативное отношение великого художника к так называемой горбачевской «перестройке», теперь уже ясно творившейся под строгую диктовку

прозападных сил и последующим за ней черным периодом гайдаровско-чубайсовских губительных «преобразований», в результате которых народное достояние было, с пьяной руки Бориса Ельцина, разворовано или за бесценок растащено кучкой придворных прохиндеев, вовремя оказавшихся у самодержжского престола, а брошенный на произвол судьбы многомиллионный российский народ, словно обухом топора по башке, получил такой огромной силы удар по психологии и нравственности, что до сих пор сполна очухаться не может, только, да прости меня, Господи, — как с большого бодуна, утробно побычи мычит да головой мотает! В этом судьбоносном вопросе я, как подавляющее число россиян, был солидарен с Глазуновым, но все же сказал:

— Мне понятно ваше глубокое разочарование! Говоря честно, оно воцарилось и в других сердцах, в том числе и людей, каким-то чудом поныне занимающих высокие государственные посты... Но, хотите или не хотите, а Александр Руцкой, по моему твердому мнению, в рамках своих строгих полномочий вице-президента достойно противостоял Ельцину, который в угоду антинародной политике, ради установления в стране единоличной президентской власти сознательно пошел на попрание главного закона страны, Конституции, на расстрел на-

родных избранников — и только по одному этому, как я считаю, останется в российской истории как неординарная личность. Другое дело, что им с Хасбулатовым ни военных сил, ни открытой народной поддержки и, пожалуй, мудрости не хватило! Да и как могло хватить, если в огромной массе своей российские люди, в лучшем случае, хранили покорное, нет, даже позорное рабское молчание, а в худшем — спокойно, привычно уткнувшись в проклятый и сегодня телеящик, лицемерили, как на глазах всего мира расстреливают прямой наводкой из тяжелых танковых орудий их же верных и мужественных избранников! Послушайте, что я, так сказать по горячим следам, о тех кровавых событиях написал: *«Снова взорвано сердце России,/ и от пролитой крови круги,/ докатились, как волны крутые,/ до угрюмой якутской тайги./ Но стоит тишина гробовая/ на суровой морозной земле,/ только вьюга от края до края/ завывает в полуночной мгле./ Мне и стыдно, и страшно до боли:/ как возмездье свершилась судьба —/ не стремленья заветного к воле,/ а покорности подлой раба!»*

— А вы что, в те октябрьские дни в Москве были? — внимательно дослушав стихи до конца, удивленно спросил меня Глазунов.

— Увы, увy — и еще тысячу раз увy, — нет! У себя в Якутии за городом на даче сидел, где по слу-

чаю воскресенья со всей семьей и должен был находиться. Тогдашняя осень не зря с дождями затяжных, мелко-мелко, как сквозь сито сеющих, началась — к самому своему разгару выдалась на редкость снежной, да и ядреный мороз не заставил себя долго ждать. Все вокруг, как по щучьему велению, но не по моему хотению, переменялось настолько, что с глубокого сна сразу и не разобрать, где небо, а где земля — все белым-белым кругом так и идет... Всего за одни сутки полуметровым снежным одеялом землю укутало основательней некуда — тропинку к уличной дороге длиной не больше пятидесяти метров деревянным пехлом все утро, как бульдозер, в поте лица прорывал, только что не надсадным гулом не исходил, а после обеда еще из Щучьего озера, сплошь схватившегося десятиметровым льдом, сеть, которую на карася ранее поставил, при помощи топора да лома выручал. Устал порядком! Самое время, попив горячего чайку со смородиновым вареньем, часок-другой вздремнуть... Да не тут-то было! В сеть столько карасей — каждый, считай, со штыковую лопату! — набилось, что до самой темноты только с ними управился! Ну, теперь-то, думаю, все — отдохну! Но по привычке сразу включаю первый канал, чтобы на сон грядущий какую-нибудь легкую музыку послушать, — и словно по лбу дубиной получаю!

Сначала ничего не понял — то показывают, как танки с моста по Белому дому прямой наводкой лупят, то в Останкино засевший спецназ из окон телевизионного центра свинцом безоружных людей поливает. А какой-то ведущий, ну точно мразь последняя, конечно, укрывшись за кадром, знай себе от радости чуть ли не захлеб комментирует, а оператор, тоже, видать, сука еще та, камерой по окровавленным лицам водит и водит, мол, смотрите, что будет со всеми противниками демократического строя!

Когда же я окончательно все понял, то в ярости хотел телеящик в щепки разнести, да вовремя опомнился — надо же было срежиссированное прозападными спецслужбами побоище народных избранников — или как там еще этот государственный переворот обозвать — до конца досмотреть, чтобы и самому накрепко запомнить, и детям с внуками в сознание основательно вдолбить, почем фунт продажной демократии. Досмотрел — и такое на меня оцепенение нашло, что я, с силой сжав кулаки, уж и не знаю сколько времени сидел недвижно, словно в безымянный камень обратился. И вдруг душой вскинулся: а что же это я сижу, ведь московские события и меня напрямую касаются, да непросто, а с таким надломом всей судьбы, что того и гляди, чтобы кости не затрещали, как от гибели лютой! Но в это же

время я понимал свое тогдашнее бессилие — и это невыносимо давило и давило на душу какой-то огромной бетонной плитой. Наконец я не выдержал и, схватив полушубок, висевший у колоды на гвозде, выскочил пулей голоухий из дачи — только дверь с треском хлопнула. На ходу с трудом попав в рукава, потуже запахнул меховые полы, жадно вдыхая морозный воздух, побрел наугад по озеру, оставляя глубокие следы в свежем снегу. Но вскоре, почувствовав холод, ледяной волной окативший меня с головы до ног, остановился и, оглядевшись, понял, что стою чуть ли не на самой середине скованного заснеженным льдом, теперь уже до самой весны, своего озера. Вскинул голову круто вверх — и в развидневшемся от снежных туч низком темно-синем небе увидел, как на меня словно бы устави́ли свои серебряные бинокли тысячи, нет, сотни тысяч звезд! И все они не просто разглядывали меня как земного человека, а по высшей степени строгости, если не судили, то уж точно — осуждали... Но вместо того, чтобы от стыда за свое дорогое, до боли любимое отечество сжаться в жалкий комок, вдавиться до самого льда в снег, я, все последнее время лихорадочно спрашивавший себя: «Что делать? Что делать?!», вдруг поймал себя на мысли-ответе: «Да просто и дальше жить, только с еще большим стремлением

в любом деле, за которое бы я решительно ни брался, гореть душой в высшей степени вдохновенно, словно никому другому справиться с ним не то, чтобы не под силу, но не дано самими небесами!» И если точно так же, как я, другие, неважно, простые или важные люди, будут все, словно сговорившись на веки вечные, поступать, то, рано или поздно, но дорогое отечество, как уже не раз случалось в истории, словно легендарная птица Феникс из огня, восстанет из обмана, подлости и разора!» Это суждение, получившее широкое хождение среди честных, совестливых, патриотично воспитанных людей, оказало на мою душу такое отрезвляющее действие, что она в осознание своего места в судьбе народной перестала метаться, как горная речка, между узкими каменными стенами отвесных берегов, а потекла полноводной широкой-широкой рекой. И я со всем основанием мог бы о себе сказать: «...Из дачи на мороз, как ошалелый, выбегал человек, увы, на время потерявший ощущение родной земли под собой, и пусть возвращался он же, но с четким глубинным пониманием масштаба случившейся в столице национальной трагедии и, главное, знающий, как даже за многие тысячи километров в вековой тайге, раскинувшейся на сотни и сотни километров вокруг, не без успеха противостоять!..» И вновь записались стихи, но со-

вершенно другого плана и настроения: *«Из глубины, где тишь и гладь покуда,/ произрастать мы будем, как грибы,/ хранители невиданного чуда,/ гонители безжалостной судьбы./ В нас русский дух и русское упрямство/ лишь опускались медленно на дно,/ но никогда разгулу или пьянству/ их уничтожить было не дано!/ Гудит набат, сзывающий на вече,/ зовет на бой, который предстоит/ за мати-Русь, за день ее и вечер,/ за путь ее, что всех объединит./ Взойдет звезда в сиянии багряном/ и поле битвы озарит лучом,/ как восходила встарь и над Баяном,/ над стягом, над победным кумачом./ Омоем раны отческой водою,/ да будет память свята и чиста!/ Поднимется Россия над бедою, / восстанет из руин, как Храм Христа».* Закончив стихи, я посмотрел на Глазунова с таким ясным выражением раскрасневшегося лица, словно ожидал от него горячей похвалы или хотя бы теплого одобрения. Но он не проронил ни слова, будто и вовсе не находился рядом со мной во время чтения, однако при этом его посуровевшие глаза, смотревшие, как мне казалось, куда-то в далекую-далекую даль, на самом деле были устремлены в самую глубь нестерпимо болящей памяти, ибо великий художник тоже заново переживал и переживал октябрьские кровавые события, вольным или невольным свидетелем которых он был и с присутствием

ему одному мастерством и глубиной отобразил на своих больших и малых полотнах. Наконец мастер потянулся за давно заждавшейся хозяина сигаретой, от пламени зажег галки закурил, сделал подряд несколько глубоких затяжек и негромко и сухо произнес:

— А дальше-то что было?!

— Здесь, в Москве? — не поняв вопроса, недоуменно спросил я.

— Да, нет, у вас в Якутии, а, вернее, непосредственно в районе!

— Вроде ничего особенного, за исключением того, что вскоре после ареста и заключения в так называемую «Матросскую тишину» без суда и следствия народных избранников во главе с хорошо известным вам, Илья Сергеевич, Александром Руцким, после объявления, пусть не удавшегося, но вполне законного импичмента Борису Ельцину, в полном соответствии с существующей тогда Конституцией отчаянно возглавившему государство, власть в районе от первого секретаря райкома партии перешла в течение суток в руки его же, только срочно назначенного указом якутского президента главой администрации. И местная прокуратура, которая совсем недавно строго следила за исполнением документов, принятых чрезвычайной комиссией ГКЧП, в один момент перестроившись и отдав под козырек новоиспеченному генеральному прокурору России, приступила к выявлению «путчистов»

и расследованию фактов их помощи в чуть ли не насильственном устранении Михаила Горбачева! Вот так — не больше, не меньше! Надо сразу сказать, что, конечно, по большому счету, только зря время потратила, да бумаги, пусть казенной, но все же народных денег стоящей, груды извела. Но тем не менее один «противоправный» факт установила, который совершил не кто-нибудь иной, а я, собственной персоной! Да-да, Илья Сергеевич, не смотрите так удивленно на меня, именно я самый, который никогда никакой политикой не занимался и, надеюсь, будь она неладна, никогда и впредь не буду! И заключался этот самый курьезный факт в том, что я в распоряжении главы администрации о подготовке и проведении уборочной кампании в одном из многочисленных пунктов неосторожно сослался на одно из постановлений ГКЧП, но сразу скажу, с умом и, главное, по делу. Это-то меня и освободило от возможных печальных последствий. И все-таки я неожиданно был вызван в районную прокуратуру, располагавшуюся в небольшом одноэтажном каменном здании в каких-то ста-ста пятидесяти шагах от районной администрации, не к самому руководителю, с которым, кстати, я был очень дружен, а к его старшему помощнику Петру Симонову. Человеку средних лет, небольшого роста, опрятно одетому в темно-синий

штатский костюм, в белую-белую, как снег, накрахмаленную рубашку с высоким воротником, туго повязанным ярко красным галстуком, с черными, как смоль, и жесткими, густыми, словно конская грива, волосами, с умными, спокойно смотревшими на собеседника по-азиатски узкими карими глазами.

— Якут, что ли?! — перебил меня Илья Сергеевич.

— Он самый! Причем чистых кровей!

— А это как понимать?

— А так, что родом он был из одного района, входящего в вилюйскую группу, сейчас точно не помню какого, но их всего три — это Сунтарский, Вилюйский и Верхневилюйский. И, конечно, в своих веках не имел ни эвенской, ни ненецкой примеси крови, тех малочисленных народов, которые до прихода из монгольских степей якутов-скотоводов проживали в южной части территории современной Якутии и испокон веку занимались кроме охоты на зверя и птицу рыболовством в огромном количестве водившихся в тамошних дремучих лесах и многочисленных водоемах: малых и больших, таких, как Лена, Вилюй и Витим реках и озерах. Так вот этот при исполнении своих надзорных обязанностей якут вежливо, можно сказать, с уважением, но не сводя с меня словно застывший на жутком морозе взгляд, говорит:

— Ну что, Иван Иванович, допрос начнем!

— Какой такой допрос! — тотчас, напряженно повысив голос, возразил я. — Или вы уже успели в нарушение соответствующего положения без тщательного предварительного расследования, так сказать, на скорую руку, неправоммерно возбудить липовое уголовное дело — и теперь в его жестких рамках решили оперативно действовать?!

— Нет, уголовного дела еще никто не возбуждал, я имею в виду себя и главного прокурора, но с соответствующим постановлением главы района я лично в полном объеме очень даже внимательно ознакомился!

— Это ваше право! Как равно и мое — требовать от вас неукоснительного соблюдения закона по отношению к свидетелю!

— Пусть будет так! Но в таком случае ответьте, пожалуйста, с какой целью и по чьему личному указанию вы при подготовке постановления главы администрации сослались в одном из важных пунктов на незаконную, созданную с целью захвата власти в стране, ГКЧП?

— Честно говоря, дорогой Илья Сергеевич, — решил я сделать отступление, — внезапному вызову в прокуратуру я с самого начала не придавал большого значения, вообще думал, что разговор будет идти об очередной жалобе какого-

нибудь очень бдительного товарища из числа совхозных работников, а тут, вижу, карающие руки-то ко мне из самой столицы так и тянутся. Тотчас невольно подумал: «А ухо-то остро надо держать!..» И, с тревогой посмотрев на какие-то серьезные бумаги с гербовыми печатями, веером лежавшие перед старшим помощником прокурора, я для себя твердо решил говорить только правду, тем более что она исполнена благих намерений, и ответил:

— Мне, как первому заместителю главы районной администрации по вопросам, входящим в круг моих прямых обязанностей, никакие советчики не нужны! Скажу прямо — пока своих мозгов хватает! А руководствовался я исключительно государственной заботой — до морозов, в точно установленные правительством республики сроки, убрать без потерь урожай, выращенный с таким трудом в это засушливое лето! Как сообщала наша газета «Ленский коммунист», с поставленной задачей возглавляемая мной отрасль успешно справилась! Больше сказать мне нечего!

— Жаль, Иван Иванович, даже очень жаль!

— Это почему же?! — сдвинув брови, хмуро спросил я.

— Потому что в вашем ответе я логики не вижу!

— Какой именно?! — чувствуя, что начинаю в душе нервно закипать, тотчас спросил я. — И, извини-

те, при чем здесь она, ваша какая-та логика?!

— Может, и правда, ни при чем! Но в прошлогоднем постановлении об уборке урожая, которое вы так же предварительно, значит, со знанием всех организационных нюансов, готовили, вы ни на какое столичное руководство не ссылались! Я верно говорю?

— Верно!

— И что это значит?!

— Да ровным счетом ничего! А если уж говорить по совести, то надо обязательно признать, что тогда время было советское, и в стране хоть какой-то порядок в управлении экономикой существовал — следовательно, призывать, тем более, принуждать к нему никого не надо было, а только строго следовать своим трудовым обязанностям и административной ответственности! В конце концов, вам хоть это-то понятно?

Не знаю, как долго пришлось бы мне еще давать объяснения, и чем бы вообще они для меня закончились, если бы вдруг без стука не отворилась обитая изнутри черным кожзаменителем дверь, и на пороге не показался сам Кубаткин, прокурор района, мужчина сорока пяти лет, выше среднего роста, со славянским лицом, на котором голубели глаза уверенного в себе человека, при этом он был грузноват настолько, что вместо форменного ремня носил подтяжки. Они и в этот

раз, придерживая свободные брюки и поблескивая металлическими застежками, врезались в гражданскую серую рубашку с длинными рукавами. За руку по-деловому поздоровавшись со мной, для чего мне пришлось быстро встать и шагнуть к нему навстречу, он обвел внимательным взглядом своих больших карих глаз стол своего старшего помощника, на котором кроме гербовых бумаг еще по краям стояли внушительные стопки с различными делами, и, хотя время было лишь предобеденное, устало спросил:

— Объяснение с Ивана Ивановича взял?

— Нет еще!

— А что так долго?!

Симонов, словно уловив в голосе своего непосредственного начальника какие-то недовольные нотки, решил промолчать! Кубаткин или в самом деле был с утра очень занят, или просто работу помощника считал пустяковой, делавшейся по его команде исключительно ради соблюдения некоторых, спущенных сверху формальностей, но он не обратил на его молчание никакого внимания и продолжил:

— Я уже в республику доложил, что у нас в районе никаких не только сторонников, но и даже сочувствующих ГКЧП не выявлено! На что, правда, мне генеральный заметил, что якобы у них есть совсем другие сведения, а именно, что несколько молодых людей на свои

деньги даже летали в Москву как раз во время октябрьских событий! На что я ему сразу же и заявил, что у нас все под строжайшем контролем, и для пущей убедительности назвал фамилии всех трех добровольцев, указав при этом, что они как раз в столице находились в передовых рядах защитников Белого дома с целью защиты новой, демократической России во главе с Борисом Николаевичем Ельциным! — Закончив назидательную речь, явно прочитанную для ушей своего помощника, он, положив кулак на гербовые бумаги, начальственным голосом, не терпящим никаких возражений, произнес: — В общем, давай сворачивай как можно быстрее свои бумажные дела! У уважаемого Ивана Ивановича в таком огромном районе всегда дел невпроворот, да и у нас в районе Речного порта еще один труп то ли узбека, то ли киргиза в снегу обнаружили. Видать, местная преступная братва с приезжими гостями-торговцами что-то на рынке не поделила — и ночью сошлись на ножках, стенка на стенку. Еще нам с тобой, Симонов, межнациональных разборок не хватало! Следственная группа милиции уже на место происшествия выехала. Так что без промедления дуй следом! Вернешься, доложишь, что там и как! Понял?

— Понял! Будет исполнено!

— А как иначе? Ни-как!

И Кубаткин уже, было, направился уходить, даже взялся за дверную ручку, но, словно вспомнив очень важное, повернулся ко мне:

— А снегу-то этой ночью выпало — все кругом белым-бело! Самое время охоты на косачей — они на фоне белых деревьев своим черным опереньем, как мишени в тире видны — стреляй, не хочу!

— Ну, вы и скажете — стреляй! К ним еще каким-то образом крадучись незаметно подобраться надо! У меня в этом году с этим просто беда!

— А что так?!

— На расстояние выстрела, сами знаете, они со своими острыми глазами не подпустят, о ружье и речи вести не стоит! А вот разрешение на карабин я в этом году со своей суматошной работой по организации и проведению уборки продлить в милиции забыл!

— Нашел, о чем переживать! Я с собой в этот раз из Госпромхоза главного охотоведа возьму. Он мужик толковый: и на места косачинные выведет, любо-дорого смотреть, и карабин свой по моей просьбе тебе на время охоты одолжит, ему-то он уже за столько лет таежной да промысловой работы хуже горькой редьки надоел! Так когда едем?

— А что тянуть?! В эти выходные и двинем!

— Лады! — кивнул Кубаткин и, даже бегло не взглянув на своего первого помощника, явно всерьез

озадаченного, недоуменно смотревшего то на меня, то на начальника, вышел, оставив дверь за собой не закрытой. Вскоре и я, любезно сопровождаемый Симоновым до самого выхода, направился по служебным делам, как верно сказал прокурор, ну, совершенно неотложным!

— Да, верно говорят: заставь дурака Богу молиться, так он лоб разобьет! — нарушив ровное течение моего явно затянувшегося рассказа, с суровым осуждением проговорил Илья Сергеевич.

— Вы это о ком?!

— О помощнике прокурора Симонове!

— А вот тут вы в человеческой оценке сильно ошибаетесь! — пошел я поперек Глазунова. — Дело в том, что Кубаткину до положенных правоохранительным законом пяти лет оставалось работать в качестве районного прокурора несколько месяцев. Потом он должен был бы или перейти на следовательскую должность, или с сохранением прежней должности переехать в другой район, по-якутски называвшийся «улусом». Вот шибко ушлый молодой якут и решил выслужиться с целью в скором времени перекочевать в соседний, более высокий и значимый кабинет. А вообще-то он и как работник толковый, и как человек порядочный, я его хорошо знаю — мы с ним несколько лет в одном доме проживали, только

в разных подъездах и на разных этажах!

— Ну, тогда и хорошо! А вот прокурор, твой хороший знакомый и с твоих слов видно, мужик, — еще тот огонь-порох, попусту не вспыхивает!

— Это точно! Только недавно он жену потерял...

— А что с ней произошло?!

— Проклятый рак доконал!

— Да-а!

И в гостиной на некоторое время повисла глубокая и такая плотная тишина, что хоть полотно вешай на стену без гвоздей — не упадет! Не знаю, о чем задумался Илья Сергеевич, какие картины из прошлого проплывали перед его мысленным взором. Может, вспомнились родные, умершие от голода и лежавшие под ворохом одежд каждый в своей комнате, на своей кровати бездыханно, а маленький Илюша, напоследок укутанный вконец обессиленной матерью в чье-то взрослое пальто, все ходил и ходил от одного трупа к другому, до конца не осознавая, какое же огромное, нечеловеческое горе произошло с его родной семьей, с ним самим.

Но мне вспомнился настолько явственно, будто увиденный наяву, отец, которого я из далекой Якутии привез на Северный Кавказ в караеваевский поселок «Красный Курган» умирать, чтобы быть похороненным рядом с женой Ниной и

средним сыном Валерием! В природе тогда все еще вдохновенно упорствовал конец ноября, поэтому дни продолжали стоять ясные-ясные. На фоне огромного небосвода, развернутого светло-синим полотнищем, крутолобая вершина Эльбруса с головой, покрытой по-горски до самых скалистых бровей снежной папахой, хоть и находилась по прямой на расстоянии пятидесяти километров, была видна, словно на ладони вытянутой руки. Какой бы огромной она ни казалась, солнце, к обеду достигнув своей наивысшей точки восхода по небесным, только ему известным тропам, заливало ее сплошными потоками чистого, словно воистину самородного золота — и снежные кристаллы каким-то чудесным образом визуально превращались в алмазы, от многочисленных граней которых исходили бело-фиолетовые лучи, причем, такие яркие, что до рези слепили восторженные, вечно бы любовавшиеся небесно-земной красотой, невольно прищуренные глаза! От чистого и прозрачного, как горный хрусталь, насыщенного до предела кислородом воздуха дышалось всей грудью, словно распахнутой настезь, глубоко и легко. Голова, хоть и слегка кружилась, как от вдыхаемого цветочного хмеля, была настолько ясной, как бы просторной, что мысли текли спокойно широкой рекой, словно в дни большого весеннего половодья!

Только бы жить в свое удовольствие да на радость другим, но, пусть и в хорошо проветренной, но все же, по сравнению с улицей, душной спальне лежал больной, уже почти не двигающийся отец. Тем не менее, каждый раз, когда я заходил к нему, мне страшно хотелось взять его, вконец исхудавшего, беспомощного, как малое дитя, на руки и вынести в залитый светом яблоневый сад, с такой любовью взращенный им по кусту-саженцу! Но горькое сознание, что я этим только причиню ему лишнюю боль, останавливало меня — из совсем свежей памяти словно выстреливал случай, когда я, делая отцу очередной обезболивающий укол, как ни старался найти место с еще более-менее здоровыми мышцами, все же иголкой невольно достал до самой кости, и отец, крайне мужественный человек, легендарный герой войны, ни перед кем не показывавший не то, чтобы слезы, а укоряющих глаз, в тот раз, стиснув зубы, тоже не издал и малого стона, но, видать так устал бороться за жизнь, что все же осуждающе посмотрел на меня, мол, сынок, больно же, больно!..

Настенные старинные часы, отливая в электрическом свете позолоченными краями, отбили положенное время, но в установившейся тишине показалось так громко, что я вздрогнул и посмотрел на них — они показывали половину

двенадцатого. Хотя я прекрасно знал, что Илья Сергеевич по природе — сова, к этому времени только входит в свой обычный трудовой ритм, все же для приличия произнес:

— Ну что, по домам?! И так в этот раз что-то проговорили больше обычного! Пока до своей дачи в Жуковке доберетесь, рассветать начнет, да и супруга моя одна сейчас в большой квартире, боюсь, со спокойным сердцем не заснет!

— Что вы, Иван Иванович, такое говорите — время совершенно не позднее, самое что ни на есть подходящее для продолжения так интересно разворачивающегося у нас с вами дружеского разговора. К примеру, мне хотелось бы еще узнать о том, приезжали ли вы, так сказать, по горячим следам позорных октябрьских событий в Москву, естественно, как только служебные дела позволили это сделать?

— А вы как думаете?! — несколько разочарованно, поскольку усталость в самом деле давала о себе знать, словно гранитной плитой давя на плечи, веки все тяжелели и тяжелели, и уже откровенно зевалось, вместо ответа спросил я и, готовясь к возобновлению беседы, сел поудобней.

— Приезжали, приезжали! Не могли не приехать!

— Это почему же?!

— Да потому, что вы патриот, болеете за свое отечество! Вернее,

за его будущее, в котором жить вашим детям! Разве этого мало?!

— Много, Илья Сергеевич, много! Только приезжать на место драки после ее окончания, тем более с таким кровавым исходом, это все равно, что поминки справлять со всем народом! Но вместо этого я увидел москвичей с вполне будничными, спокойными лицами, вечно спешащих по своим делам и потому сосредоточенно смотрящих не по сторонам, а глубоко внутрь себя! Сразу из аэропорта поехал к другу Сергею Лыкошину, хорошему русскому писателю, чистых дворянских корней, с которым познакомился еще в Якутске, когда там проходил выездной, расширенный секретариат Союза писателей России. Но жена, сначала меня испуганно принявшая, узнав, откуда я и кем ее мужу являюсь, немало успокоилась и по большому секрету сообщила, что мой дорогой друг скрывается от преследования новых властей где-то в пригороде, но, хоть я и назвался его товарищем, точный адрес мне не назовет! Ничего не скажешь, обидно, но вполне логично и понятно. И я поспешил в другой конец города к еще одному товарищу, можно сказать, своему учителю, Ивану Савельеву, большому поэту и прозаику, он так же, как Сергей, до самого конца находился рядом с Александром Руцким, но при аресте ему тоже удалось каким-то образом ускользнуть от карате-

лей — и теперь, по словам старшей дочери, встретившей меня в своей двухкомнатной квартире в пятиэтажном панельном доме, в народе называемом «хрущевкой», настороженно-приветливо сообщила об его отъезде, подальше от греха, на родную Смоленщину. Когда вернется, она не знает, но думает, что не раньше окончательного установления демократии строго по западному образцу! Я тотчас поинтересовался: «Это как именно?» Она вместо ответа неожиданно спросила: «А вы видели эпохальную картину Глазунова «Рынок демократии»? «Еще нет!» — солгал я. И тогда услышал от нее: «Это когда в стране свободно торгуют всем подряд: и женским телом, и наркотиками, и человеческими органами, и тому подобным. Понятно?»

В общем, пришлось мне одному ехать к Белому дому, где сразу за ним, через горбатый мостик, располагался уже к тому времени печально известный на всю страну футбольный стадион. По дороге в киоске, бойко торгующем, купил две коричнево-красные розы, можно сказать, одного цвета с запекшейся кровью. Со стороны метро «Баррикадная» ступил на затоптанный явно не спортивными кроссовками, а солдатскими сапогами пыльный газон, огляделся по сторонам — и ахнул: по всему периметру стадиона весь деревянный забор был увешан многочисленными

траурными венками с черными лентами, а среди них пестрели, словно в глаза истошно кричали: «Спасите, люди добрые!..» — сотни фотографий расстрелянных без суда и следствия защитников конституционного строя, в основном молодых людей. Сквозь невольно выступившие на глаза горькие слезы, давясь застрявшим в горле комком, я подумал: «Интересно, где все эти герои, настоящие, а не бутафорские, как те, что будто бросились под танки, штурмовавшие ельцинские баррикады, похоронены? Да нет, их, скорее всего, под покровом ночи вывезли на закрытых грузовиках куда-нибудь поглубже в нехоженный лес да и закопали там, как скот какой-то, в траншеях, специально для этого бульдозерами спешно вырытыми, — не иначе! Эх, отчизна моя дорогая, — кровь да раны, боль да печаль! Ну, ничего, и похлеще этих потрясений и трагедий переживали, значит, и в этот раз выстоим, хотя бы для того, чтобы служить живым укором всем тем, кто, прячась за западными спинами, направлял за поганую американскую «зелень» недоумков на совершения преступлений против своих же братьев и сестер, отцов и матерей, как в самую, что ни на есть, гражданскую войну, тоже развязанную при западной щедрой финансовой помощи!..» — Я тяжело вздохнул и продолжил: — Быть в Москве и не побывать в журнале

«Наш современник», давшем мне путевку в большую литературу, было для меня совершенно невозможно. До ночного самолетного рейса в родную Якутию времени еще оставалось достаточно — и я, поймав первое же попавшееся такси, одиноко стоявшее в ожидании случайного пассажира рядом с ближним перекрестком, уже через какой-то час вошел в кабинет главного редактора Станислава Юрьевича Куняева, сидевшего за своим большим столом, как всегда заваленным многочисленными рукописями, сборниками молодых и маститых поэтов и прозаиков, регулярно печатавшихся в журнале или страстно мечтающих это сделать! Приветливо блеснули знакомые очки, увеличенные линзами глаза в радостной улыбке сузились, а губы, наоборот, широко расплылись, обнажив пожелтевшие от никотина, но еще довольно крепкие зубы. При крепком мужском рукопожатии я, как прежде, ощутил, что сибирская силушка со временем никуда не делась, ничего не скажешь, бьет ключом в мускулистом теле широкоплечего, коренастого, так сказать, по совместительству, заядлого охотника, рыбака и путешественника, словно столетняя лиственница, пустившего мощные корни и в столичный крайне суровый грунт, сравнимый лишь с суглинком или с галечником...

— Ну как дела?! — первым же делом поинтересовался я, хотя по телефонным разговорам с писательской столичной братией знал, что вроде бы ничего, хотя, как всегда, желали бы быть лучше!

— Если ты имеешь в виду поведение представителей новой демократической власти, то терпимые. Правда, заявлялся к нам в редакцию сразу же после расстрела Белого дома один деятель из городской мэрии с целью проверки — печатали мы или нет руцковские и хасбулатовские воззвания и другие, как он выразился. бунтовские документы. Но поскольку журнал выходит раз в месяц, то редакция, если бы даже хотела помочь законной власти, все равно не успела бы, значит, и скрывать от кого-либо нам нечего было. В конце, можно сказать, поверхностной проверки я напрямую спросил ответственного товарища: «Можем ли и дальше выпускать журнал?» Он, прежде чем ответить, делано строго спросил: «А какой у журнала тираж?!» Когда я сообщил, что около пяти-сот тысяч, то он, что-то прикинув в голове, снисходительно произнес: «Издавайте!» С этим и удалился, но последний номер журнала захватил с собой! Видать, для отчета перед начальством о тщательно проведенном расследовании! Ну, да Бог с ним! — хотел перевести Станислав Юрьевич разговор в совершенно другое русло, близкое

ему по сути и духу, но я неожиданно проникся желанием пошутить:

— Станислав Юрьевич, а тот ответственный товарищ из мэрии, случайно, хотя бы внешне не походил на персонаж из известной картины Ильи Глазунова «Разгром храма в пасхальную ночь?!»

— Ты имеешь в виду того самого, который одет в потертую кожанку, с посаженной плотно, чуть ли не до бровей, фуражке с красным бантом, с вынутым из деревянной кобуры грозным маузером и наставленном на священнослужителя, совершавшего торжественный молебен, а главное, с характерным ближневосточным лицом и вострыми, злыми глазами за толстыми линзами в черной оправе интеллигентских очков?

— Ну, конечно!

— Хоть ты и шутишь, но я тебе вполне серьезно отвечаю: нет! Этот был одет чисто в светскую одежду, придававшую ему вполне респектабельный вид быстро пошедшего в гору и уверенного в себе человека! Но шутки в сторону, поскольку дел еще невпроворот — ведь подошел срок сдачи журнала в печать! Кстати, а ты новые стихи с собой захватил?

— Конечно!

— Так давай скорее!

— Нет проблем! Но вместе с этим вопрос напрашивается: «А что с заведующим отдела поэзии Геннадием Касмыниным?»

— Эх, не хотел я тебя вот так с ходу расстраивать, ведь знаю же, что вы друзья — не разлей вода, но делать нечего, раз сам вопрос ребром ставишь, расстрою — заболел наш дорогой товарищ...

— Заболел этот двухметровый здоровяк, косая сажень в плечах, с силой в руках такой, что ему бы кузнецом у меня в совхозе работать, не разогревая на огне стальные подковы, подгонять их к конским копытам! И все-таки, что за болячка к нему привязалась?

— Хуже и не придумать?!

— Рак, что ли?!

— Он самый! Да еще сильно запущенный!

— Хочешь сказать, что никаких надежд нет!

— Об этом еще рано говорить! Его бы поскорей прооперировать!

— Надеюсь, он в больнице?!

— Да! Но что толку! Из-за отсутствия мест в палате лежит в коридоре! Этого-то с женой Геннадия кое-как добились!

От этих последних слов я аж вскочил из-за стола! Мое взрывное возмущение было таким, что я стал взад-вперед, как ошпаренный, ходить по кабинету, вслух повторяя только два слова: «Твою мать! Твою мать! Твою мать!» Понемногу остыл, взял себя в руки и, как бык на новые ворота, пригнув голову, нагло уставился на Куняева:

— А мест-то свободных почему в таком огромном городе ни в одной

больнице нет? Или эпидемия какая повальная навалилась? Ладно, разберемся! Зря терять ни минуты нельзя! Вот тебе стихи, только ты их печатать не спеши, поскольку они все до одного об октябрьских событиях — целый цикл! А я побегал в больницу — где хоть она находится?

Куняев тотчас по памяти назвал адрес и уже чуть ли не вслед мне недоуменным голосом спросил:

— Ты что надумал? Пороги обивать?

— Да нет, если понадобится, то главному врачу по морде дать, да так, чтоб до конца дней своих запомнил, как над русским поэтом издеваться!

— Вот-вот! Нашел выход! При чем, самый что ни на есть подходящий! Тебя за хулиганство в «Матросской тишине» в пять минут без всякого суда на месяц-другой пропишут, а если увечье серьезное нанесешь, то и по этапу в свою родную Якутию, если не дальше — в Магадан, на исправительные работы лет на десять, как миленький, потопаешь. Не сидел на тюремной паршивой баланде, не смотрел тоскливо на белый свет через железную решетку — так всем этим по самое горло сыт будешь, герой!

Справедливые, вовремя сказанные слова старшего друга меня окончательно отрезвили, и я уже спокойно произнес:

— Извини, пожалуйста, Станислав Юрьевич, это я от жуткого расстройства и горькой обиды за друга закипел всей душой, как раскопегаренный кирзовым сапогом тульский самовар! А на самом деле, если главный врач окажется из старых, еще не вконец скурвившихся на взятках да поборах, то надеюсь усовестить его тем, что, мол, я за тысячи километров из дремучей тайги на последние деньги, да и то всем поселком по пятерке и трешке собранные, лучшего друга детства, можно сказать, родного брата, отца троих малых ребятешек, спасти прилетел! В крайнем случае, еще и книжку свою, за которую меня в Союз писателей единогласно приняли, подарю! Ну а если хозяином в больнице окажется один из новых, то, думаю, вообще никаких проблем не будет!

— Интересно знать, каким таким расчудесным образом?!

— Самым подходящим для нашего вконец скурвившегося, зато на западный манер демократического времени! Короче, предложу я этому сукину сыну, главному врачу, сотню-другую американской зелени — и все дела! Если станет цену набивать, то, как на базаре, поторговавшись, чтоб его хоть так унижить, опустить до обыкновенного лавочника, еще добавлю, как в кормушку козлу капусты с огорода, но при условии, что операцию сделают сразу же, как положат в палату!

— А денег-то хватит?! — забеспокоился Куняев.

— Хватит! — ответил я. — А если все-таки нет, то соболиную шапку, которую у тебя в приемной на вешалке повесил, только неделю назад пошитую местным классным мастером, заложу!

... — Вот и весь мой рассказ об октябрьских днях, пережитых мной лично! — закончив длинное повествование, тихо, как на похоронах близкого человека, сказал, вернее, растроганно прошептал я.

Опустив слегка взлохмаченную голову, Глазунов вдруг твердо произнес: «Как хорошо, что я, Иван Иванович, в вас не ошибся!..» И тут я вдруг понял, что настало время задать художнику один вопрос, давно меня мучающий, и я без всяких предисловий, напрямую спросил:

— Илья Сергеевич, положи руку на сердце, объясните мне, такому вконец несмышленому человеку, какие же мысли управляют вами в наших многолетних, надо справедливо заметить, непростых, а порой и тяжелых отношениях, чего именно ждете от меня в будущем, ведь по большому счету нас с вами никакие эпохальные дела не связывают до такой степени, что друг без друга — ну просто никуда?! Но если на этот многосложный вопрос, я, детально проанализировав и сравнив наши гражданские взгляды, диктующие многие по-

ступки, еще могу и сам более-менее верно ответить, то ваше написание сразу двух моих портретов, тогда как более достойные писатели, в том числе и современные классики, не удостоились такой огромной чести, да и всего-то вы вдохновились на создание еще двух образов — это Валентина Распутина и Владимира Солоухина, для меня остается загадкой за семью печатями, и, естественно мне очень хотелось бы, чтобы именно на эту в моей жизни их стало меньше!

Хотя мой вопрос и просьба были заданы вполне неожиданно, однако они не застали Илью Сергеевича врасплох, тем не менее, прежде чем ответить, он не спеша встал из-за стола, на котором одиноко стояло блюдо с водой, наполовину заполненное окурками, и, не выпуская сигареты из правой руки, левой оперся о спинку стула:

— Я как-то раз уже давал вашему поэтическому творчеству высокую оценку, даже сравнивал лучшие стихи с тютчевскими. В последнее время вы стали писать не то чтобы лучше, но глубже настолько, что новые стихи можно смело поставить в ряд философских, увы, от века не очень длинный, и потому с годами становящийся только значительнее! Как человек, неплохо разбирающийся и в литературе, я должен вам откровенно сказать, что вы со своими стихами достойны войти в русскую литературу.

Именно это, а ничто другое, подтолкнуло меня на написание портрета поэта таким, каким однажды увидел своим внутренним зрением, думая о вас, естественно, прежде основательно познакомившись с вашим творчеством! Ваш второй образ мецената, человека занимающегося большой благотворительной работой, может только показаться, что нашел свое воплощение на холсте спонтанно! На самом деле это совсем не так, ибо мимо моего пристального внимания никак не могла бесследно пройти еще одна важная сторона вашей многогранной яркой деятельности — это коллекционирование картин современных художников, продолжающих работать в русском классическом стиле! Павел Третьяков, фабрикант, богатый человек, первые картины приобрел, можно сказать, случайно, хотя и по совету старших товарищей, знающих, когда и во что вкладывать свои деньги, чтобы они, несмотря на экономический спад в промышленности, не только не сгорели в топке инфляции, но и приумножились. Было ему тогда двадцать восемь лет — возраст еще достаточно молодой, но уже требующий не разбрасывать, а собирать камни, чтобы стремительно пролетевшая жизнь не оказалась напрасно прожитой. Вы, как мне помнится, пусть и с моей подачи, но первую картину, кстати, тоже на рынке купили почти в сорок

лет! Зато за этот немалый срок накопили значительный опыт, как и положено каждому ищущему свое единственное место приложения таланта, наделали немало таких серьезных ошибок, что, уверен, дважды в одну и ту же реку ни за что не войдете и, конечно же, не будете изобретать свой велосипед. Думаю, поэтому вы и к созданию картинной галереи подошли иначе, чем Павел Третьяков. Если он, особенно в самом начале, скажем так, вынужденно покупая картины, спасал свои немалые деньги, то вы думали совершенно о другом, а именно приобретать в свое собрание не только у широко известных, как сегодня бы сказали, раскрученных мастеров, имеющих в художественном мире серьезное имя, но вы охотно с самого начала работали и с молодыми дарованиями — лишь бы уровень написанных ими полотен соответствовал вашему строгому вкусу, а что еще важнее — высокому уровню классицизма, который, благодаря постоянному вдумчивому изучению истории развития мировой живописи, если еще не совершенен, то очень близок к этому! И много лет наблюдая за тем, с каким завидным упорством вы идете к своей заветной цели, можно ответственно согласиться с очень верным мнением: «...Не боги горшки обжигают!..» Если мне не изменяет память, Павел Третьяков, который по личным доходам

вряд ли в деньгах уступал очень много самому императору российскому Александру III, за долгих сорок лет собрал общим числом одну тысячу сто пятьдесят полотен, пусть и одно другого лучше, а вы за все время коллекционирования, насчитывающее, как мне доподлинно известно, всего пятнадцать, от силы шестнадцать лет, сколько собрали, не скажете?

— В полтора раза больше!

— Во, размах, так размах — умереть, не встать! Но пойдете дальше: Третьяков сам за ткацкими станками не стоял, за него это делали сотни, а, может, даже тысячи наемных рабочих, а вы, Иван Иванович, не только специально с целью зарабатывать деньги для приобретения картин создали вместе с женой крестьянское хозяйство на Крайнем Севере, в районе вечной мерзлоты, но и лично занимаетесь производством сельхозпродукции в необходимом количестве! Знаете, я с трудом это представляю, насколько должно быть не просто сложно, трудоемко, но и рискованно вырастить ту же капусту, ведь и в разгаре лета может ударить серьезный мороз! Интересно, а куда такое количество сельхозпродукции деваете?

— По срочному одностороннему договору с руководством алмазодобывающих предприятий снабжаем их многотысячные рабочие коллективы! И надо сказать, что в

результате этого государство экономит многие миллионы рублей, которые потребовались бы, если бы пришлось самолетами завозить многие продукты для снабжения двухсоттысячного населения таких городов, как Мирный, Айхал и Удачный!

— И государство вам хоть доброе слово сказало? Чем-нибудь отблагодарило за самоотверженный и крайне необходимый труд?!

— Илья Сергеевич, о чем спрашиваете! Хоть бы не мешало — и то было бы ох как хорошо! А то ведь наезжает с постоянными проверками, ревизиями, словно в крестьянском хозяйстве прописались!

— Из ваших откровенных слов получается очень удивительная картина, а именно — крестьянское хозяйство существует и даже развивается не благодаря, а вопреки действиям государственных чиновников! Но, несмотря ни на что, вы же упрямо не сдаетесь!

— Не сдаемся!

— Значит, и другим пример стойкости и разумного хозяйствования на своей кровной земле подаете! Я правильно понимаю?

— Правильно!

— А чем можете доказать это?!

— Тем, что, если во время нашего с моей супругой Светланой выхода из родного совхоза в районе было всего пять крестьянских хозяйств, и то лежащих на боку, как издыхающая от страшного голода

тягловая лошадь, то в настоящее время их уже насчитывается аж двести восемьдесят девять! А если говорить конкретно об урожайности, то она, по сравнению с совхозной, всего за несколько лет выросла в два, а в некоторых хозяйствах и в три раза! И теперь перед районным руководством стоит вопрос, не где и как добирать недостающую для алмазников продукцию, а куда девать ее явные излишки! Таким образом было сделано то, чего все десятилетия советской власти безуспешно добивалось партийное и сельскохозяйственное руководство республики, считай, и всей страны! Я никоим образом не хочу превозносить свои заслуги, но это произошло именно за время, кстати сказать, небольшое — всего три года! — в которое я как начальник управления стал руководить в районе сельским хозяйством!

— Ну вот, Иван Иванович, вы сами и ответили на свой вопрос!

— Какой, я не совсем понял.

— А тот, в котором вы, как я понимаю, совсем неспроста спрашивали, почему мое отношение к вам уважительное и даже заинтересо-

ванное! Да, именно так! Я, честно говоря, неисправимый приверженец монархии, но вместе с этим и патриот, горячо любящий свое отечество, поэтому с такой болью смотрящий на все, что происходит в настоящее время с западной подачи через таких шустрых младореформаторов, как Чубайс, Гайдар и другие — под стать им. Пусть сегодня вы являетесь руководителем районного масштаба, но светлое будущее России, ее стальная крепь и неборимая мощь за такими, как вы, еще достаточно молодыми, которые рано или поздно, но из народной глубинки придут на смену сегодняшним временщикам! Теперь, надеюсь, вам все понятно?!

— Понятно, Илья Сергеевич! И — спасибо еще за высокую оценку моей трудовой деятельности, а, вернее, моего служения на благо отечества как организатора производства — и не назло, как вы выразились, младореформаторам, а благодаря природной невозможности поступать иначе! □

Продолжение следует.

Светлана
Бестужева-Лада

Горькая доля

РУССКИЕ ЦАРИЦЫ

В русских народных свадьбах царевны обязательно выходили замуж. И обязательно — самым сказочным способом и, как правило, за Иванов (чаще всего — дураков). Потому что получить руку царевны можно было, только отняв знатную девицу у похитившего ее злодея — Кащея Бессмертного, Змея Горыныча или еще какого-нибудь экзотического персонажа. Как дальше дело складывалось — неизвестно: о царях из народа сказок не сказывали, а об их женах — тем более.

А как все происходило в суровой реальной действительности? Без дураков и чудовищ?

На самом деле судьбам русских царевен трудно позавидовать. Как вы думаете, сколько царских дочерей, начиная со времен Ивана Грозного и заканчивая началом царствования Петра Первого, вышли замуж? Сколько из них, рожденных в царских теремах, было суждено тихое женское счастье брака и материнства?

Увы, за почти двести лет существования русского царства из двадцати девяти царевен только трем удалось пойти под венец. И случилось это тогда, когда на престол взошел Петр Алексеевич. А до этого?

А до этого первым русским царем был представитель Рюриковичей, царь Иван Грозный, выбравший себе этот титул в 1547 году. До этого он традиционно именовался великим князем. Несмотря на огромное (до сих пор точно не установленное) количество жен, дочерей у него было всего три: от первой супруги Анастасии Романовны. Звали

их Анна, Мария и Евдокия, и, увы, все они умерли, не достигнув даже трехлетнего возраста.

У Ивана Грозного была еще одна царевна — единственная внучка Феодосия, дочь царя Федора I Иоанновича. Увы, она тоже прожила только два года, больше внуков у Ивана не было вообще.

По этой причине на Федоре I Иоанновиче династия Рюриковичей на русском престоле пресеклась. На него взошла следующая царская династия — Годуновы. Династия, правда, просуществовала недолго: вдова последнего Рюриковича, сестра Бориса Годунова Ирина, добровольно отрекшаяся от престола чуть ли не через неделю после коронации и принявшая монастырский постриг, сам знаменитый царь Борис, и его сын Федор II, процарствовавший чисто номинально пару месяцев и убитый русскими боярами ради Лжедмитрия.

Но была еще и царевна — Ксения Борисовна, первая из своих сестер, по несчастью сумевшая преодолеть опасный младенческий возраст и дожить в крепком здравии до брачных лет. Более того, она и красива была, как сказочная царевна: «...бровми союзна, телом изобилна, млечною белостию облянна...»

Заветной мечтой отца было выдать ее за иностранного монарха, ну, в крайнем случае, принца (заметьте, за сто лет до того, как подобная идея посетила Петра Первого, известного реформатора).

Тем более что прецеденты в прошлом Руси были. Дочь великого князя Московского Ивана III Васильевича и византийской принцессы Софии Палеолог Елена в 1495 году вышла за великого князя Литовского Александра Ягеллончика, а с 1501 года стала также королевой польской (хотя, будучи православной, так и не была коронована).

Царь Борис пытался составить дочери роскошную партию, но все его попытки оказались несчастливими.

Кто же были претендентами на руку царевны?

Принц Густав Шведский, сын шведского короля Эрика XIV. Царь дал ему в удел Калугу. Но Густав, хоть и прибыл в Москву в 1598 году, не пожелал отказаться от прежней любви, вызвав (по некоторым источникам) в Москву свою старую любовницу, и вел разгульную жизнь. Кроме того, принц отказался пере-

ходить в православие. В итоге Борис разорвал помолвку.

Затем были инициированы неудачные переговоры с Габсбургами: в 1599 году дьяк А. Власьев отправлен со сватовством к Максимилиану, брату императора Рудольфа II. Переговоры проходили в чешском городе Пльзень. Родственники императора, несмотря на требования русской стороны о конфиденциальности, потребовали от него посоветоваться с Филиппом II Испанским и Сигизмундом III Польским. Рудольф II колебался, подумывая даже сам жениться на дочери «московита», раз уж царь обещал дать за ней «в вечное владение» Тверское княжество и поделить Речь Посполитую между Россией, женихом Ксении и императором. Однако Годунов требовал, чтобы муж дочери жил в России: «у светлейшего великого князя одна только дочь, наша государыня, отпускать ее как-либо нельзя». И не выпустили.

В продолжение переговоров с Габсбургами речь зашла о эрцгерцоге Максимилиане Эрнсте Австрийском из штирийской ветви Габсбургов (сыне Карла II Австрийского и брате польской королевы Анны), но из-за вопроса веры и этот договор не состоялся.

Наконец — принц Иоанн Шлезвиг-Гольштейнский, брат датского короля Христиана IV. Он прибыл в Москву, и, по словам историков, «весьма понравился самой дочери и родителям ее, царю и царице,

и всем придворным, кто видел его, потому что был не только благороден и богат, но и был молод, а главное, настоящий красавец и большой умница. Царь и царица весьма полюбили его и ежедневно принимали его во дворце, желая устроить брак».

Принц Иоанн принялся изучать русские обычаи, а Ксения с семьей поехала перед свадьбой на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Но жених внезапно заболел и умер в Москве, так и не увидав своей невесты.

Следующим был Хозрой, грузинский царевич. Переговоры о свадьбе вел думный дворянин Михаил Татищев. Как пишет Карамзин, царевича уже на пути в Москву задержали дагестанские смуты 1604 года.

Увы, все эти брачные планы так и не осуществились по причине начавшейся Смуты и скоропостижной смерти царя Бориса.

В Смутное время царевна Ксения оказалась в руках у Лжедмитрия и стала его наложницей. После его убийства бедную царевну отправили в монастырь и постригли в монахини под именем Ольги. Но на этом ее злоключения не закончились.

Находясь в Новодевичьем монастыре, она подверглась насилию разошедшихся казаков бояр-изменников под предводительством Ивана Заруцкого, ворвавшихся в монастырь. Женщина, предназначенная стать царицей, стала добычей пьяных мужиков.

Последние годы провела инокиня Ольга во Владимирском Успенском Княгинином монастыре, где и умерла в 1622 году в возрасте сорока лет. Исполнив последнюю волю царевны, похоронили ее рядом с семьей в Троице-Сергиевой лавре.

Трудно позавидовать такой судьбе. И ведь никаких драконов, кще-ев и змеев-горынычей. Просто жизнь красавицы-царевны, сполна изведавшей все «прелести» жизни вне терема, будучи круглой сиротой и предметом вожделений слишком многих. Хотя монастыря, как и почти все русские царевны после нее, так и не избежала.

Взошедшему на престол после Бориса Годунова князю Василию Шуйскому тоже не повезло. Мало того, что был он царем считанные месяцы, так и две его дочери — Анна и Анастасия — умерли совсем крошечными. Они и царевнами-то толком побыть не успели.

Наконец настала очередь самой известной царской династии, Романовых, которая правила страной с 1612-го по 1721-й год (а потом уже не как цари, а как императоры). Всего в семействе Романовых родилось 22 царевны — семьи у всех русских царей были большие.

У первого русского царя Михаила Федоровича родилось 10 детей, из них семь дочек, причем последняя стала причиной смерти своей матери от родов. Выжили из них лишь три: Ирина, Анна и Татьяна. Все они остались незамужними

Ксения Годунова

и скончались в возрасте от 50 до 70 лет.

Татьяна после смерти своих старших сестер — Ирины и Анны — стала «старшим» членом царской семьи, пользовалась большим уважением своего брата царя Алексея Михайловича и немалым влиянием при регентстве своей племянницы правительницы-царевны Софьи. В частности, в присутствии Софьи ей отводилось более почетное место, чем вдовствующей царице Наталье Кирилловне.

У второго русского царя, Алексея Михайловича, от двух браков име-

лось в общей сложности шестнадцать детей, из них царевен — десять. Шесть дочерей от первой жены — Милославской — выжили, а две умерли. Из выживших заметный след в истории оставила упоминавшаяся выше Софья — правительница русского государства и смертельный враг своего сводного брата Петра.

Помогал ей в государственных делах князь Василий Голицын, любовь с которым была притчей во языцех по всей Москве. Беспрецедентный, кстати, случай: роман царевны с женатым мужчиной и почти открытое с ним сожительство. Удивительно,

*Царевна
Софья*

но правила Софья столь разумно, что бояре предпочли закрыть глаза на «неправильную» личную жизнь правительницы и семь лет покорно выполняли ее приказы, даже не думая заточить грешную деву в какой-нибудь монастырь.

Только Петр, повзрослев и потратив немало сил, сумел отобрать власть у чрезмерно честолюбивой сестрицы и заточил ее в Новодевичий монастырь. Князь отделался ссылкой. Царевна Софья скончалась в 46 лет, так и не переступив больше порога монастырской кельи.

В другие монастыри были отправлены и все ее сестры по матери: Евдокия, Марфа, Екатерина, Мария и Феодосия.

У второй жены Алексея Михайловича, царицы Натальи Нарышкиной, был сын и только две дочери (муж рано умер). Младшая, Феодора, скончалась в 4 года, а старшая, Наталья, выжила и стала любимейшей сестрой царя Петра, его верным и преданным другом. Она целиком поддерживала его начинания, помогала ему, чем могла: например, организовала театр в Москве (невиданное зрелище).

Одевалась она по европейской моде, возможно, имела многочисленных возлюбленных (двор Петра вообще был разгульного нрава). Но замуж ее Петр не выдал: при царском режиме это было немыслимо, а когда он стал самодержцем, Ната-

ля уже была старовата, да ей и так хорошо жилось. О теремном затворничестве она и думать забыла.

И вот, наконец, последнее поколение царевен из рода Романовых: дочери старшего сводного брата Петра Великого — царя Ивана V. У него не было сыновей (что упростило дорогу к трону Петру), только пять дочерей, из которых выжило три. Две из них оказались крайне важны для нашей истории.

Их мать, царица Прасковья, овдовев, воспитывала девочек в царствование Петра, когда мировоззрение полностью изменилось. Нельзя сказать, чтобы царица Прасковья была в восторге от нововведений, но, как женщина весьма умная, она сумела приспособиться и угодить деверю-повелителю. Никаких теремов для дочерей: теперь только корсажи и напудренные волосы! Образованием царевен усердно, но, увы, не слишком успешно, занимались иноземные учителя. Увы, умом девицы явно удались не в мать, а в отца, которого современники едва ли не открыто называли юродивым во Христе.

Но царица Прасковья беспрекословно слушалась царя-императора, уже в достаточно солидном возрасте отважно принимала участие в дворцовых развлечениях, и, главное, готовила своих дочерей для замужества. Причем, по воле деверя, на европейском брачном рынке.

Петр был доволен невесткой: старшую племянницу Екатерину он выдал замуж за немецкого князя,

герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского, намереваясь извлечь много пользы для России из этого союза. Но... не сложилось: родив дочку Христину, Екатерина сбежала вместе с ней от кулаков сурового мужа под крыло к маменьке в Россию. Ей это сошло с рук: у Петра были уже другие, совершенно грандиозные планы, и крохотный Мекленбург перестал его интересовать. Супруги так больше никогда и не встретились, а их дочка выросла в России в полном забросе (особенно после смерти бабушки-царицы Прасковьи). Что, впрочем, не помешало ей со временем стать регентшей при младенце-сыне, императоре Иване VI Антоновиче. Правда, ненадолго: в результате дворцового переворота трон захватила Елизавета, младшая дочь Петра Великого.

Другую племянницу, царевну Анну, дядя выдал замуж за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. Кстати, именно ее свадьба, состоявшаяся в 1710 году в России, оказалась первым браком русской царевны на русской земле за всю историю государства. Увы, Анна Иоанновна овдовела через месяц после свадьбы, так и не доехав с мужем до Курляндии. Возвращаться в Россию грозный дядюшка ей строго запретил, приказав исполнять обязанности герцогини, то есть хранить для России вассальное герцогство, на которое многие точили зубы.

*Анна
Иоанновна*

Запретил Петр племяннице и вторично выходить замуж (по той же причине), но проследить за ее личной жизнью не мог, да и не имел особого желания. Так что в «безрадостной» жизни герцогини Курляндской можно найти целую череду фаворитов-любовников. Последним стал конюший Бирон, которого Анна действительно любила без памяти, и, став после смерти юного Петра II императрицей, подняла до немыслимых высот и осыпала золотом и милостями.

Третья из сестер «Ивановных», царевна Прасковья Иоанновна, замужества с иностранцем избежала. Несмотря на свою склонность к династическим бракам, император Петр не стал выдавать ее замуж за границу. Возможно, не хотелось позориться: «вечно больная и недалекая умом, очень дурна лицом и худощава, здоровья слабого. Прасковья глупа и имеет такую же склонность к мужчинам, как и сестры». За глаза ее называли «Прасковья — Волочи Ножку».

Видимо, посылать такое в Европу было совсем несообразно. Но при этом в девицах царевна Прасковья не засохла: вышла все-таки замуж за генерал-аншефа Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова. В связи с этим Прасковья стала первой русской царевной, заключившей неравнородный брак, то есть, спустившейся на ступень вниз.

Чета жила дружно и во взаимной любви, но недолго. У них родился единственный сын, но вскоре умер, а чуть позже скончался от апоплексического удара и сам генерал. Царевна ненадолго пережила мужа и сына, она умерла в тридцатисемилетнем возрасте, искренне оплакиваемая старшими сестрами, одна из которых к этому времени уже успела стать императрицей Анной Иоанновной.

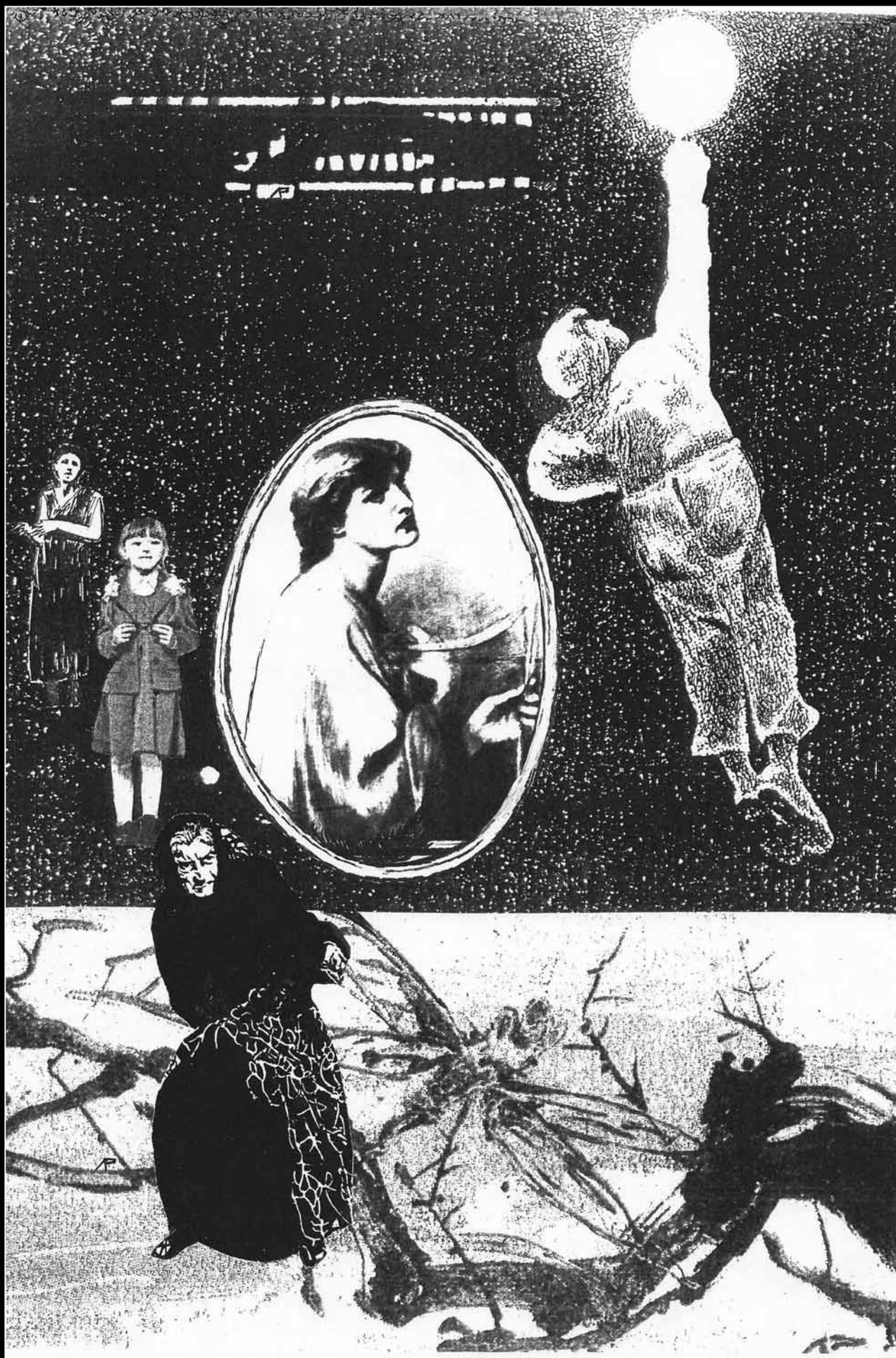
Сам Петр Первый, хоть и был царем, от первого брака с царицей Евдокией Лопухиной дочерей не имел. Его многочисленные дочери от Екатерины Алексеевны «царевнами» уже официально не считались, для них он изобрел специальный титул — «цесаревна».

Подведем итог: три царевны из двадцати девяти вышли замуж, только две из них имели детей, а выжил лишь один ребенок. И хотя это была девочка, да еще по рождению — мекленбургская принцесса, она сумела внести немало путаницы и сумятицы в российское престолонаследие. Ибо ее тетушка — императрица Анна Иоанновна — официально объявила своим наследником не

кого-то конкретно и даже не родную племянницу, а «то, что породит чрево ее в замужестве».

Девицу силком выдали замуж за принца Антона Брауншвейгского, от которого она родила сына Иоанна, действительно ставшего императором после смерти двоюродной бабушки-императрицы. Но уже через два месяца он был свергнут с трона, навсегда разлучен с родителями и остался в истории «русской Железной Маской», нелепо и непонятно погибшей уже в царствование Екатерины II. Но это — уже совсем другая история... □

ТОНКОЕ ИСКУССТВО

Голоса родителей за стеной потихоньку набирали силу и, в конце концов, прорвались к сознанию Темки, захваченного потехой на форуме Chemistrylab.ru. Осмеяние лоха, спутавшего гидразин с нитрозилом, тут же утратило свою прелесть. В голове как будто включилась тревожная сирена.

— ...Она — моя мать!

— Угу. Вспомнившая о тебе на шестьдесят третьем году жизни.

— И что? Я должен послать ее к черту? Не поздновато ли? Четыре года изображать всепрощение — по твоему, кстати, настоянию, — а потом вдруг хлопнуть себя по лбу: «Да ты же бросила меня в нежном возрасте! Знать тебя больше не желаю!»

— Не передергивай! Я не предлагаю ее послать. Всего лишь прошу избавить меня от участи бесплатной прислуги и коврика для вытирания ног.

— Я уже пообещал тебе, что попрошу ее...

— Три раза — ха! До сих пор она бежала и падала, исполняя твои просьбы.

— Чего ты от меня хочешь, Ольга? Развода?

Тревожная сирена завывала с утроенной силой. Губы у Темки задрожали, в носу защипало. За последние два месяца родители заговорили о разводе уже в третий раз. А ведь прежде даже не ссорились. Гадская старуха!

Киру Витальевну Темка впервые увидел в восемь лет. Причем едва ли не первыми словами, обращенными новоявленной бабушкой к внуку, была просьба не называть ее бабушкой. Могла бы не беспокоиться. В бабушки эта «гримза» годилась не больше, чем бормашина. Во всяком случае, удовольствия от поездок к ней «в гости» Тема получал примерно столько же, сколько от визитов к стоматологу.

В доме, под завязку набитом всяким старинным барахлом, возбранялось что-либо трогать, бегать и прыгать, громко разговаривать и смеяться. Ко всему прочему, два года назад на Темку возложили обязанность развлекать малолетнюю внучку «старперов», которых гримза называла дорогими друзьями, и зазывала в гости при всяком удобном случае. «Дорогие друзья» скупали у нее старинное барахло, отчаянно торгуясь за каждый паршивый доллар. Внучка была им подстать — противная девчонка с завидущими глазами и загребущими руками все время ныла, чтобы ей чего-то купили или подарили. И вопила, как резаная, если ей отказывали.

В десять лет Темка объявил родителям, что с него хватит: больше он к «гримзе» ни ногой. Но мама уговорила его потерпеть. Объяснила, как важно для папы наладить отношения с Кирой Витальевной. Рассказала, что люди, которых в детстве по тем или иным причинам оставила мать, всю жизнь чувствуют себя ущемленными. Умом понимают, что их вины нет, но в глубине души сомневаются в себе и оттого несчастны. Какой бы ни была Кира Витальевна, ее нужно принять и простить. Только так можно исправить зло, причиненное когда-то папе.

Темка маминой логики не понял, но бунт отменил. Потому что сама мама «гримзу» терпела, хотя ей доставалось намного больше, чем ему. Кира Витальевна цеплялась чуть ли не к каждому ее слову, говорила всякие гадости: «Ольга, у вас же художественное образование, как вы можете это носить? Или нынешнее художественное образование не подразумевает вкуса?» «Вы кормите мужа и сына сардельками? А почему не дихлофосом?» Темка и папа кипели, а мама, смеясь, уверяла их, что все это ерунда, что эти выпады нисколько ее не задевают. «Для нас, учителей рисования, нервы — непозволительная роскошь. Булавочные уколы нам нипочем».

Но когда «гримза» заявила папе, что ее соседи продают квартиру, и она готова оторвать от сердца любимую миниатюру из коллекции покойного мужа, чтобы помочь семье сына с покупкой и переездом, мамины закаленные нервы не выдержали. В жизни не повысившая голоса (случай, когда Темка синтезировал нитроглицерин и капнул им на разогретую сковородку, не в счет), она раскричалась так, что наглый кот Рамзик в испуге забился под диван. Кричала, что не уедет из Климовска, что здесь у нее родите-

ли, работа и вся жизнь, что она не желает принимать от свекрови подачки и становиться девочкой на побегушках. В тот день страшное слово «развод» прозвучало в этих стенах впервые.

Мало сказать, что папа был удивлен, он был просто ошарашен и сразу сдал назад, родители помирились. Но Кира Витальевна и не подумала принять отказ, обрабатывала папу до тех пор, пока он не отважился на повторную попытку уговорить маму. В тот раз скандал длился дольше, но все-таки закончился примирением. И мама опять победила.

А сегодня «гримза» позвонила, потребовала их к себе на субботу и, как бы между прочим, сообщила, что «старпер» покупает «Портрет неизвестной в голубом». В субботу же и привезет деньги. Мама выслушала известие с каменным лицом и молча ушла в магазин. Темка с папой занялись своими делами, понадеявшись, что все как-нибудь рассосется. Как выяснилось, напрасно. Мама сдаваться не собиралась. И, что самое ужасное, на этот раз про развод заговорил уже папа. Так ведь они могут и договориться...

Мама влетела в комнату и привалилась к двери:

— Чтобы ее черти унесли, вместе с этим портретом!

Постояв, села на Темкину кушетку, закрыла лицо руками и начала раскачиваться из стороны в сторону. Темка вылез из-за стола, обнял ее и прошептал на ухо:

— Мам, не плачь. Обещаю, мы не переедем. Я знаю, что нужно сделать.

Павел Петрович, полковник юстиции в отставке, Киру Витальевну не любил. Женщины такого типа подрывали его веру в справедливость мироустройства. Если всю жизнь только и делаешь, что берешь, ничего не давая взамен, рано или поздно должна наступать расплата. А госпожа Шацкая паразитирует на ближних вот уже шестьдесят с лишним лет и до сих пор процветает. В двадцать пять бросила мужа с трехлетним сыном, вышла за пожилого дипломата, укатила за границу, овдовела, вернулась и живет себе в свое удовольствие, распродавая оставшуюся от дипломата коллекцию антиквариата. Ни дня не проработала, только прислужгой помыкала, и имеет наглость относиться свысока к его Анюте!

Аня, простая, добрая душа, смотрит подруге в рот, хлопчет, устраивая ее дела, а в благодарность получает одни шпильки да снисходительные поучения. Как ни внушал Павел Петрович жене, что дружба не терпит перекосов, Аня все равно предана своей Кире и страшно расстраивается, когда он под каким-либо предлогом отклоняет приглашения вдовствующей «паразитки». Вот и приходится ему не реже раза в год облачаться в ненавистный «парадный» костюм и прятать под маской вежливости

тоску, которая охватывает его при мысли о безнадежно скучном, пустом вечере.

Однако на этот раз традиционный прием по случаю дня рождения Кире Витальевны обещал быть оживленным. Когда полковник с супругой прибыли, атмосфера в доме была уже заметно накалена. Причина тому не замедлила объясниться: Кира уволила домработницу и возложила подготовку застолья на сына с невесткой. А последняя, хоть и отличалась спокойным нравом, бессловесной отнюдь не была и на вельможные распоряжения реагировала без должной почтительности. Попытки изящно окоротить сноху давались Кире все хуже, утонченная язвительность все больше походила на вульгарную злобу, и Павел Петрович решил, что пришел не зря. Вид Кире Витальевны, в кои-то веки теряющей контроль над собой и ситуацией, был ему отраден.

С приходом супругов Барышевых тихое злорадство полковника сменилось легкой досадой: их расположение слишком много значило для Кире, чтобы она не сумела взять себя в руки. Успешный делец Барышев вкладывал часть своих прибылей в покупку антиквариата. Близкое знакомство супругов с Шацкой было крайне выгодно обеим сторонам, поскольку позволяло экономить на дорогостоящих услугах посредников и экспертов.

Кире, и правда, удалось обуздать в себе свирепеющую гарпию. Но ненадолго. Запустив дельца с женой в спальню — полюбоваться миниатюрой Босси, которую они собирались приобрести, хозяйка покинула их, чтобы проверить, накрыт ли для детей стол в кабинете, а также, как всегда, перепоручить внучку Барышевых заботам своего внука. Но Артем неожиданно заартачился:

— Мне неинтересно играть с шестилеткой в настольные игры и смотреть девчоночьи мультики. Если хотите, чтобы мы не путались у вас под ногами, я могу показать ей пару красивых химических опытов. На кухне — потому что для них нужна плитка и вытяжка.

Кира категорично заявила, что об этом не может быть и речи. В ответ капризная Юля «включила сирену». Прибежавшие на рев бабушка с дедушкой получили от родителей Артема заверения в том, что их сын — опытный химик и вот уже два года как свято блюдет правила техники безопасности, нажали на именинницу, и Кире Витальевне пришлось уступить. Что совсем не улучшило ее настроения.

За столом добросердечная Анюта изо всех сил старалась поправить дело, расспрашивая подругу о местах, в которых она побывала, и знаменитостях, с которыми была знакома. Безотказная тактика на этот раз работала плохо: озабоченная возней на своей кухне, Кира то и дело подозрительно принохивалась и прислушивалась, отчего ее рассказы утратили всякую

занимательность. Все, включая Павла Петровича, вздохнули с облегчением, когда устроенный Юленькой скандал (из-за отказа бабушки с дедушкой купить ей тетрахлорозолотую кислоту), дал Кире Витальевне законное основание разогнать кружок юных химиков.

После того как детей сослали в кабинет смотреть кино, самоуверенность и лоск постепенно вернулись к хозяйке дома. Кира царила за столом, задавая тон общему разговору, который, разумеется, вертелся вокруг нее — ее достоинств, событий ее жизни, ее впечатлений, мнений, переживаний и триумфов.

В общем, вечер начал приобретать привычную томность, и Павел Петрович затосковал. Ко всему прочему, ему хотелось курить, а с этим в доме Киры Витальевны были большие сложности. Стальные двери и замки с секретом, установленные еще при жизни мужа-коллекционера, не позволяли выйти на лестничную клетку без помощи хозяйки. Окна и балкон Кира, до судорог боявшаяся сквозняков, на зиму запечатывала наглухо, а в комнатах курить не позволяла. В конце концов бедняга-полковник вспомнил детство и заперся в туалете, точнее — в ванной комнате с биде и унитазом. Там стоял острый запах, напоминающий озон, но более едкий. Решив, что на фоне такого амбре табачная вонь потеряется, Павел Петрович мысленно поблагодарил юных химиков и спокойно закурил. Потом, вымыв руки и прополоскав освежителем рот, умиротворенный, вернулся в гостиную. И попал в эпицентр бури.

— Это ты, ты, я знаю! — визжала Кира, как базарная торговка, норовя вырваться из рук сына и вцепиться снохе в физиономию. — Верни немедленно, воровка!

— Не смей оскорблять мою жену! — кричал сын.

— Это моя миниатюра! Отдайте лучше по-хорошему! — вопил Барышев.

— Мы полицию вызовем! — восклицала его жена.

— Кирочка, так нельзя! — успокаивала хозяйку Анюта. — Ольга, не слушайте ее, она не в себе! Павлик, сделай же что-нибудь!

— Что здесь произошло? — рявкнул полковник, перекрывая этот истеричный хор.

После короткой паузы крики возобновились.

— Она украла...

— Не клевети...

— Не слушайте ее!

— Верните!

— Тихо! — На этот раз полковник издал лучший из своих начальственных рыков, от которого самому стало не по себе. — Извольте говорить по

одному. Кира, спокойно, без домыслов и эмоций: что у вас пропало? Откуда? Когда?

Все потрясенно умолкли, а присмиревшая Кира Витальевна четко, почти по-военному доложила:

— «Портрет неизвестной в голубом». Миниатюра, которую я продаю Олегу и Наде, — кивнула она на Барышевых, — стояла на моем туалетном столике. Когда пропала, не знаю. Обнаружилось это только что. Я хотела показать Анюте с Надей гарнитур с ониксом, пошла в спальню, а «Незнакомки» нет.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Похоже, последними ее видели мы с Надей, — вмешался в разговор Барышев. — Кира привела нас в спальню, а сама ушла. Мы разглядывали свое приобретение, но тут Юлька подняла рев, и мы кинулись к ней. Миниатюру я, разумеется, поставил на место — на туалетный столик. Потом все перешли в гостиную и сели за стол...

— А из гостиной никто, кроме Ольги, вас и Кире, не выходил. Кира ушла следом за вами, но вас по дороге в спальню не встретила. Вывод очевиден, — закончила за мужа Барышева и устремила обвиняющий взор на Ольгу.

— Вовсе нет, — вступился за жену Юрий. — Во-первых, не нужно забывать, что последним миниатюру держал в руках ваш муж...

— Какая наглость!

— Спокойно, Надюша, молодой человек имеет право высказать свое предположение. Только вы не учитываете, Юра, что я не безумный коллекционер, а бизнесмен. Без хорошего провенанса, атрибуции и прочих документов, подтверждающих подлинность, эта картинка ничего не стоит. А документы ваша матушка хранит в сейфе у себя в кабинете. Я понятно объясняю?

— Да Ольга это, больше некому! — не выдержала Кира. — Она чуть из штанов не выпрыгнула, когда впервые увидела эту миниатюру. «Ах, Босси! Ах, Доменико! Ах, какая тонкая работа! Вы позволите мне ее сфотографировать для нашей школьной галереи?» А когда я сказала, что хочу продать «Незнакомку», чтобы они обменяли свою климовскую конуру на квартиру моих соседей, наотрез отказалась переезжать. Я ушам своим не поверила. Чтобы жительница Подмосковья отказалась от московской квартиры?! Теперь-то понятно, что у нее сдвиг на почве Босси. Но это моя миниатюра! И я требую, чтобы она ее немедленно вернула.

— Ольга?

До сих пор она стояла, как изваяние, и смотрела в пол, но, услышав обращение Павла Петровича, подняла голову и неохотно заговорила:

— Я действительно восхищалась этим портретом и жалела, что он попал в неподходящие руки. Но к пропаже я не имею никакого отношения. Кира Витальевна сама попросила меня сегодня прислуживать за столом. Я меняла блюда и доносила напитки. И не ходила дальше кухни. А что касается моего отказа переезжать... Кира Витальевна упустила маленькую деталь. Она вынуждена была уволить домработницу, потому что ее «золотой запас» почти исчерпан. Конечно, на деньги, вырученные от продажи миниатюры, она могла бы держать прислугу еще несколько лет, но что потом? Затея же с нашим переселением обеспечила бы ей уход и обслуживание до конца дней и при этом позволяла считать себя нашей благодетельницей. Ну а я считаю, что это «благодетельство» мне слишком дорого обойдется...

— Ах ты дрянь! — Кира рванулась вперед, но Павел Петрович успел ее перехватить.

— Тихо! — снова рявкнул он, обращая в трепет оконные стекла и бокалы на столе. — Если вы намерены устроить драку, я сам вызову полицию. Задействую старые связи и обеспечу забиякам ночевку в вытрезвителе. А пока мы разберемся с кражей. Если это и впрямь кража, вор должен понимать, что она не удалась. Пропажа замечена слишком рано, никто не успел уйти. Кира Витальевна, вы показывали кому-нибудь из присутствующих, как открываются ваши секретные замки?

— Нет. Когда-то давно муж убедил меня, что, если я собираюсь жить долго и счастливо, то дверь этой квартиры должна открывать сама.

— Хорошее убеждение. Стало быть, тайком передать миниатюру сообщнику извне вор тоже не мог. Значит, она где-то здесь. Квартира, конечно, немаленькая, есть где развернуться, но специалисты обыщут ее за пару часов. И найдут, будьте уверены. Поскольку вор на это не рассчитывал, на миниатюре наверняка остались его отпечатки пальцев: в перчатках непрофессионалам работать трудновато. А если не остались, к делу привлекут служебную собаку. Короче, разоблачение неизбежно. Поэтому я предлагаю Кире Витальевне и Олегу Романовичу публично заявить о своем согласии считать это деяние неудачной шуткой, а шутнику — кем бы он ни был — сознаться. Кира, Олег Романович, вы согласны?

— Согласен, — кивнул Барышев.

Кира же, явно намеревавшаяся поспорить, лишь пристально посмотрела на полковника.

— А шутник? — спросил он.

Ответом ему было молчание. Выждав минуту, Павел Петрович вздохнул, пробормотал: «Так я и думал», и пошел звать детей.

Детей его предложение присоединиться к взрослым встревожило. Но это еще ни о чем не говорило. Будь полковник мальчиком, он бы тоже встрево-

жился, если бы за ним пришел малознакомый дядя и попросил его пройти в комнату, где сидят родители. Известие о пропаже миниатюры было встречено недоуменным переглядыванием.

— Мы с Темой не брали картинку! Мы вообще не ходили в спальню, — затараторила Юля. — Сначала Тема показывал мне на кухне опыты — красивый золотой дождик, рану, которая сама заживает, эту... как ее... гонку йода...

— Возгонку, — поправил ее Артем. — А рана — это просто фокус с роданидом железа три, — торопливо добавил он, заметив испуг на лице Барышевой.

— А потом тетя Кира выгнала нас из кухни, и мы пошли в кабинет смотреть кино.

— Вы все время были вместе?

Юля энергично закивала, глядя на Павла Петровича большими голубыми глазами. Слишком большими и слишком честными.

— Ты подтверждаешь это, кавалер?

— Да, — несколько неуверенно проговорил Артем.

— А что за фильм вы смотрели?

— «Варкрафт», — помедлив, признался мальчик.

Полковник усмехнулся. Кому принадлежал выбор фильма, и кто его привез, можно было не спрашивать. Равно как и о том, кто как приклеенный сидел у экрана, а кто, тем временем, маялся тоскливым ожиданием. Оставалось только придумать хитрость, которая побудила бы девочку выдать, куда она спрятала «картинку».

Но сделать тонкий ход Павлу Петровичу не дали. Почуяв, куда дует ветер, Барышевы набросились на внуку с требованием немедленно отдать миниатюру, «а не то сейчас приедут полицейские, найдут картинку, посыплют порошком, увидят, кто ее брал, и заберут вора в тюрьму». Девочка замотала головой:

— Это не я! Я не брала!

Ее громкий рев никого не удивил, но на этот раз Павел Петрович услышал в нем настоящее отчаяние. И страх. Чего она испугалась? Поверила, что бабушка с дедушкой отдадут ее страшным полицейским? Ерунда! Девочка из них только что веревки не вьет. Реакция на ложное обвинение? Тоже ерунда. На клевету отвечают яростью, злостью, возмущением, обидой. Откуда же страх и отчаяние?

У полковника противно засосало под ложечкой. Откуда-то из глубин памяти всплыли обрывки забытых химических формул и названий. «Тетрахлорозолотая кислота»... Хлорное золото, результат окисления золота про-

дуктами реакции в водке. И этот едкий запах... Почему в ванной, ведь ребята экспериментировали на кухне, под вытяжкой?

— На чем была выполнена миниатюра? — резко повернулся он к Кире. — Какой материал?

— Акварель, слоновая кость, — ответила она испуганно, словно почувствовала его тревогу. — Рамка из золоченого серебра, стекло...

Павел Петрович, повинувшись наитию, вышел из гостиной, дошел до туалетной комнаты, нагнулся, пошарил рукой под ванной, нащупал выпуклое овальное стеклышко, поднес к глазам и подумал, что расплата все-таки настигла Киру Витальевну. Даже если она заставит Барышевых выплатить стоимость уничтоженной их внучкой миниатюры (а Барышевы, несомненно, будут сопротивляться), ее затея с переселением семьи сына в соседнюю квартиру теперь точно провалилась. Юрий сумел простить матери предательство, совершенное когда-то по отношению к нему и отцу, но неприкрытую злобу, оскорбления, публично брошенные в лицо его жене, он не простит. Так что ждет Киру Витальевну тоскливая одинокая старость...

Устав от крика, Темка решил, что подождет родителей в машине, и потребовал, чтобы его выпустили из квартиры. «Грымза» начала вопить, что это он во всем виноват, но папа и бывший полковник заставили ее открыть дверь. На улице, несмотря на декабрь, стояла весенняя теплынь, и местная ребятня гоняла при свете фонарей мяч по дворовой хоккейной коробке. Темка подумал, не присоединиться ли к ним, но решил, что не хочет, и пошел к площадке, где была припаркована их «Лада». Нырнув в ее темное нутро, он скинул ботинки, забрался на заднее сиденье с ногами и уткнулся подбородком в колени. Почему на душе так паршиво? Ведь его хитрый план сработал без единой осечки!

Юлька мигом проглотила наживку. Стоило ему «растворить» золотую фольгу и сказать, что получившееся вещество используют в ювелирке, чтобы покрывать золотом всякие брошки-сережки, что оно продается в спецмагазинах, торгующих химическими реактивами, как ее глазенки загорелись знакомым жадным блеском, и она помчалась донимать своих «старперов».

Гораздо более сложным был второй ход: подвести девчонку к мысли, что обрести желанное счастье ей мешает портретик, который собираются купить ее бабушка с дедушкой. Говорить о миниатюре открытым текстом было нельзя ни в коем случае: Темка знал, что Юлю рано или поздно расколуют, она передаст его слова взрослым, и «грымза» обо всем догадается. Поэтому, когда девочка прибежала в слезах жаловаться, Темка, будто бы в утешение, сказал ей, что этот реактив очень дорог, а ее бабушке

с дедушкой и так приходится тратить много денег на разные вещи, без которых нельзя обойтись. Увидев по ее поджатым губам и мрачному взгляду, что выстрел достиг цели, он начал подготовку к третьему ходу, самому рискованному.

Может быть, он просто перенервничал? Ведь это адское напряжение — притворяться, что поглощен фильмом, тогда как на самом деле думаешь только о том, достаточно ли доступно ты объяснил малолетке, на что способны азотная и соляная кислота — и по отдельности и, особенно, — в смеси? Усвоила ли она, что наливать их можно только в специальную посуду, догадалась ли взять кюветку, в которой Темка растворял фольгу? Надела ли резиновые перчатки и маску, сумела ли вылить кислоты из бутылочек осторожно, не расплескав? Не дрогнет ли у нее рука, если кто-нибудь из взрослых зайдет в ванную в самый неподходящий момент? Он едва не застонал от облегчения, когда Юлька вернулась в кабинет и с невинным видом спросила что-то про монстра на экране.

Вспоминая об этом теперь, Темка вдруг почувствовал зверский голод. Мысль о яствах, оставшихся на столе, усилила мучения. Родители, конечно, ничего с собой не прихватят... Но не возвращаться же ему!

Тут он вспомнил про мамины «схронки». Как-то папа решил почистить машину и обнаружил в щели между спинкой и сиденьем целые залежи — несколько леденцов, мятные пастилки, пакетик с орехами. Он, конечно, подумал на Темку и стал над ним подшучивать, а когда тот разозлился, мама созналась, что это ее заначка. Оказывается, у нее еще с детства сохранилась привычка прятать в машине всякие лакомства. Сначала — потому что ее укачивало, а потом — просто так, чтобы было чем утешиться, если вдруг случится какая дорожная неприятность. Они хохотали, дразнили ее белкой и сусликом, а она притворялась, будто сердится, и говорила, что они, видно, слишком спокойно живут, если ее в высшей степени разумная привычка вызывает у них смех.

Темка подумал, что теперь хорошо ее понимает, сунул руку в щель, провел ладонью по сиденью и издал торжествующий клич, когда пальцы наткнулись на какую-то коробочку. В коробочке лежал полиэтиленовый пакет, а в нем — что-то плоское и круглое. Шоколадная медаль? Нет, не круглое, овальное... Темка вынул из кармана фонарик-брелок, включил его... И перестал что-либо соображать. Все мысли разом улетучились из головы, оставив там звенящую пустоту.

На него смотрели темные глаза красивой девушки в старинном голубом платье. Но этого же не может быть! Темка сам видел овальное стеклышко в потеках от водки — все, что осталось от «Портрета неизвестной в голубом»... Может быть, мама сделала копию с фотографии? Но зачем прятать ее сюда?

И тут во рту у него сделалось горько-горько. Он все понял.

Мама действительно сделала копию. И сразу после того, как они приехали к «грымзе», подменила настоящую миниатюру. А днем, когда ходила в магазин за какими-то специями, спрятала «Незнакомку» в машине. Она знала, что «грымза» и «старперы» не сумеют отличить подделку, в искусстве они — ни ухом ни рылом. А специалисты портрет никогда не увидят. Темка дал маме понять, что избавится от миниатюры так, что ее никогда не найдут и не сумеют его ни в чем обвинить.

Как же он раньше не подумал, что дело тут нечисто? Разве могла его мама согласиться на такой вандализм? Мама, на которую находит столбняк во всякой галерее, во всяком музее с картинами старых мастеров! Мама, которая верещала от восторга, как девчонка, когда ей позволили взять в руки этот портрет...

Получается, что она, узнав про Темкин план, сразу же придумала свой? Или свой она придумала раньше? А потом просто подтолкнула его, как он сам подтолкнул Юльку? Крики, разговоры про развод, она что же — все это делала нарочно? Мама, его милая, добрая, самая лучшая на свете мама играла им, как шахматной фигурой?

И как же ему теперь жить? Как верить людям? □

Александр Амусин

***

Художник-ветер облака рисует
В ладошках солнца кроткой тишиной.
Напишет образ, нежно поцелует
И вновь торопится создать иной!
А в них, то лица, то души сомненья,
То океан, залитый в гордый взгляд,
Слова, завитые дождем в мгновенья,
И эхом многоточий — белый град!
Над облаками гордые рассветы,
В них жаром дышит в снег вулкан страстей!
И зов зимы — вернуть, засватать лето
Со свитой неумных снегирей!

Художник-ветер облака рисует
Ладонью солнца мудрой тишиной.
Напишет образ, нежно поцелует
И вновь торопится создать иной!
Ночами звезды смотрят на картины.
Луна ругает ветер за тоску,
Что отразил в глазах лихой рябины
Над донником, покинутом в лесу.
И часто месяц в хороводе пышном
Пытается любимую обнять,
А туча обездоленная рыщет,
Не в силах разувериться, признать.

Художник-ветер облака рисует,
И каждый понимает для кого,
Когда планета долгим поцелуем
Встречает даже тени облаков!

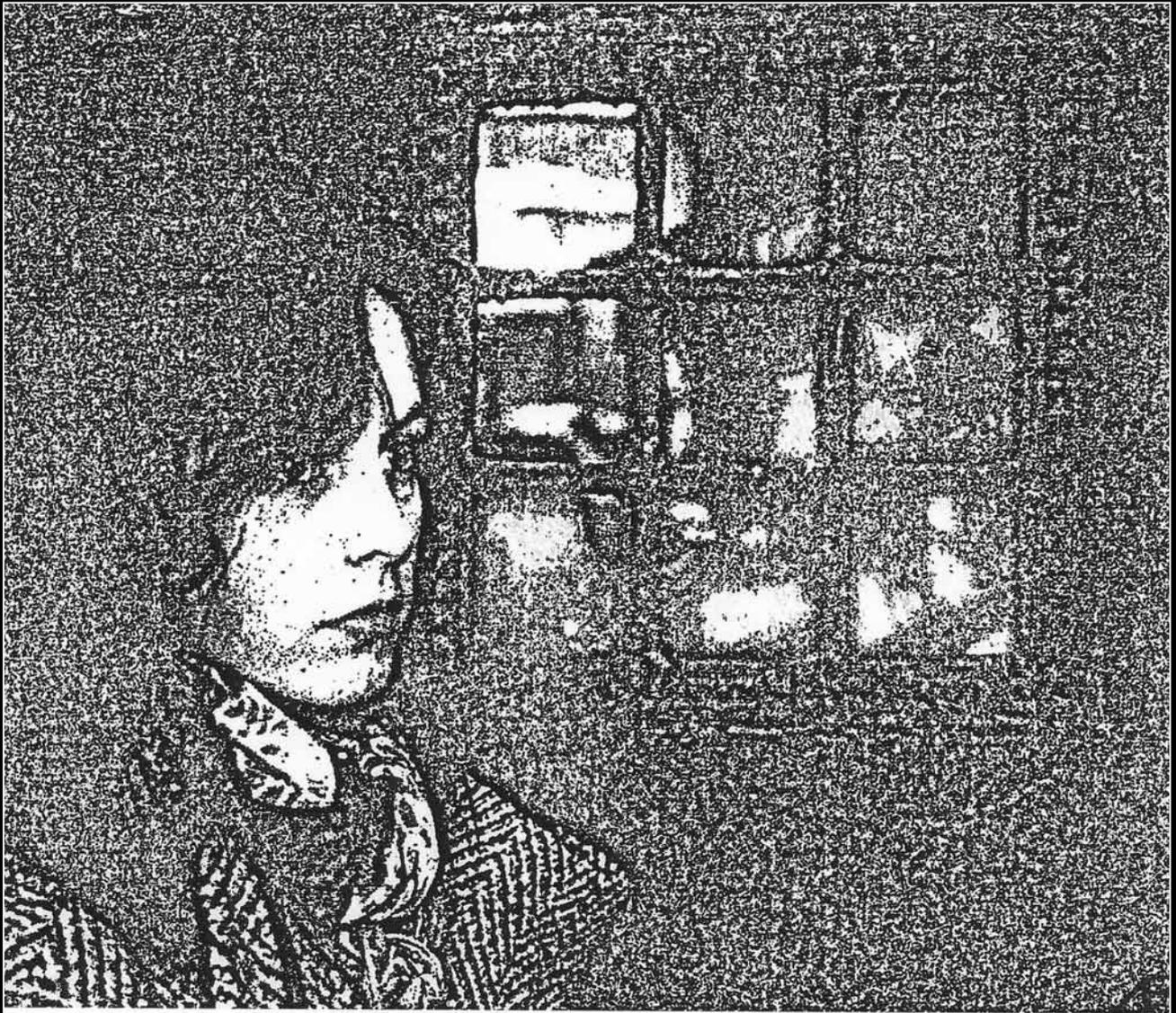

ПАССАЖИР

1

Небольшие, желтоватого оттенка глаза с различимыми даже с пяти шагов черными зловещими зрачками спокойно взирали на Глеба.

Собака — если это бы собака, уж очень она походила на некрупного волка — не рычала, не обнажала явно имевшиеся серьезные зубы. Короче, не делала ничего, с чем человек обычно связывает нежелательную встречу с этими якобы одомашненными животными. Просто стояла на грязноватом снегу и смотрела на опаздывающего Железнова. И было совершенно очевидно, что пропускать его она не собирается.

Глупейшая ситуация!

Глеб взглянул на часы — регистрация уже идет вовсю.

— Ну что тебе надо? — со злостью произнес он, впрочем, благоразумно ничего не предпринимая. — Нет у меня с собой колбасы, понял?

Животное преградило ему дорогу на полпути от платной стоянки, где он оставил свой «спортедж», к зданию аэропорта. Железнов терпеть не мог опаздывать, особенно — на транспорт, и, как всегда, приехал с запасом. Но — десять минут на трассе, на замену проколотого колеса, еще минут семь — на стоянке: различать буквы дурная тетка, колдовавшая над квитанцией, видно, научилась совсем недавно. И теперь вот этот пес-волк,

небольшой, грязно-серый, однако с крайне неприятными, прямо в душу заглядывающими желтыми глазами. Короче, опоздать не опоздает, но вот выбрать место на борту — а некурящий и жадный до зрелищ Глеб любил летать исключительно в носовом салоне и у окна — может оказаться проблематичным.

— Так и будем стоять? — укорил животное Железнов.

Оно разговора не поддержало, лишь задышало часто и неожиданно высунуло язык. Высунуло — и спрятало. Но и этого было достаточно, чтобы Глеб убедился: зубы хоть и с налетом, однако его модное кожаное пальто при желании легко превратят в сито.

Вот же дурацкое положение!

Охоты связываться со странным псом не было никакой. Да и неясное, смутное воспоминание, каким-то образом связанное с происходящим, не расшифровываясь, тревожило Железнова.

Глеб снова посмотрел на хронометр. Так можно и не улететь.

— Уйдешь ты или нет? — разозлился он, ища глазами какую-нибудь подходящую дубину.

И тут пес чуть приподнял на прощание губу, вновь обнажив клыки, и сошел с дорожки, освобождая путь.

«Вот же чертовщина какая!» — выругался про себя Железнов, быстрым шагом направляясь к зоне регистрации. Вымогателей он в своей жизни встречал, но даже тогда не чувствовал себя столь беспомощным. Второй причиной для раздражения было то, что он так и не вспомнил, какие обстоятельства его жизни были ассоциативно связаны с этим пригородным четвероногим рэкетиром.

2

Так и есть, место выбирать уже не пришлось. Хорошо, что вообще успел до конца регистрации, а то бы бегал, как заяц, подгоняемый окликаками «наземной» стюардессы. Да и в салон заходить под взглядами заждавшихся пассажиров неприятно, если, конечно, совесть не потеряна, а Глеб считал себя человеком с совестью.

Самолет всего лишь на треть был заполнен пассажирами, поэтому Глеб, войдя в салон, попросил стюардессу переселить его вперед, а если удастся — то к иллюминатору.

— Садитесь на свое место, гражданин, — с плохо скрываемой скукой ответила рыхлолицая «девушка», лучшие годы которой прошли еще во времена, когда под словом «Аэрофлот» подразумевалась вся гражданская авиация страны.

— Но полно же свободных мест! — возмутился Глеб.

— А вот это не ваше дело, — откровенно грубо заявила она.

Железнов вспыхнул. В конце концов, он столько налетал по этому маршруту, что имеет право постоять за свои попранные интересы.

— Я бы на вашем месте сменил тон, — с угрозой заметил Глеб. — Он у вас устарел минимум лет на пятнадцать.

«Небесная дама» хмыкнула и демонстративно удалилась. Зато в дело тут же вступила вторая, моложе, симпатичнее и, как выяснилось, вежливее.

— А я вас помню, — улыбнулась темненькая стройная девчонка в ладно сидящей форме.

Глеб тоже вспомнил ее, не раз видел в полетах.

— Не обижайтесь на нее, — перешла на шепот девчонка. — Муж ушел, ребенок больной. Я вас чуть позже пересажу, когда высоту наберем.

— Хорошо, — кивнул Железнов. Не так уж и нужен ему иллюминатор.

— А вы в нефтянке работаете? — улыбнулась симпатичная стюардесса, пытаясь загладить хамство старшей подруги.

— Да, — улыбнулся в ответ Железнов. — А как вы догадались?

— Часто в наши края летаете. А там, кроме нефти и клюквы, мало что водится. Вы ведь не за клюквой?

— Нет. Хотя по болотам поползать пришлось.

— Что будет с нашими краями, когда нефть кончится? — неожиданно серьезно спросила девчонка.

Глеб, озадаченный поворотом беседы, не успел ответить, так как лайнер, скрипнув какими-то своими железками, в прямом смысле сорвался с тормозов и, непрерывно ускоряясь, помчался по бетонным плитам взлетки. Вот уже он всерьез задрал нос вверх, оторвал от плит сначала пару передних, а потом и многочисленные колеса подкрыльевого шасси.

— Вот и все, — сказала девчонка и поправила свою темно-каштановую челку. — Уже, можно сказать, летим. Сейчас пойду обустроить вас в первом салоне.

Движки выли вовсю, нос круто задрался вверх, лайнер стремительно набирал высоту. По ощущениям Глеба, даже чересчур стремительно.

— Ваш командир, случайно, не бывший истребитель? — спросил он.

— Анатолий Максимович Зайцев — очень опытный пилот, — обиделась за командира стюардесса. — Первого класса, между прочим.

— Может, конечно, и первого, — хмыкнул Железнов, — но уж слишком круто берет. По мне, так лучший пилот в гражданке тот, чью работу пассажир не замечает.

— Да, что-то крутовато, — согласилась девчонка, — обычно помягче бывает. Наверное, земля попросила срочно эшелон занять.

Двигатели взвыли еще сильнее и...

Железнов явственно почувствовал хлопки — сидел-то практически на моторах — и у него от испуга чуть сердце не остановилось. «Да нет, не может быть! — успокоил он себя. — Пилот не самоубийца, да и положение закрылков обязательно контролируется автоматикой».

— Вы тоже слышали? — спросила побледневшая стюардесса и вдруг всхлипнула: — Что же это?

— Помпаж, — ответил Железнов, чувствуя, как душа уходит куда-то внутрь живота. Если б не испуганная девица рядом, то сам взвыл бы от страха. — Сейчас попытается запустить снова.

Из первого салона донеслись испуганные крики пассажиров. Трудно не испугаться, когда в полете замолкают двигатели.

А вот Железнов внезапно успокоился. Значит, судьба.

К тому же он вспомнил, где раньше видел встреченные меньше часа назад желтые, опасные глаза. Как же он сразу не догадался? Видно, оттого, что в свое время очень старался забыть...

— Как тебя зовут? — подняв голову, спросил Глеб у стюардессы.

— Тоня, — ответила она. По щекам, оставляя грязные серые полосы, потекли слезы пополам с тушью.

— Тонечка, садись в кресло, подтяни ремень, подожди колени, пригнись и держись за подлокотники. Высота небольшая. Если он плюхнет на ровный киль, у нас есть шансы.

— Можно я за вас буду держаться? — прошептала она и, сев в кресло рядом с Глебом, больно ухватила его выше локтя и закрыла глаза.

Железнов — тоже.

Теперь самолет терял высоту стремительно, но на рули, похоже, еще отзывался.

«Запускай же движки!» — мысленно умолял Глеб то ли пилота первого класса Анатолия Максимовича Зайцева, то ли того, к кому в подобные минуты обращаются даже самые убежденные атеисты.

И моторы взвыли.

А следом раздался грохот.

3

Очнулся Железнов в снегу.

Открыл глаза. Вокруг был такой же серый февральский день.

Он лежал среди молоденьких, явно высаженных человеком елочек, одну из них подмял своим телом.

— Я живой, — вслух проговорил Глеб, не ощутив при этом никаких эмоций. Просто отметил факт. Он пошевелил правой рукой, поднял ее. Рука

была цела. Пошевелил ногами. Ощупал тело. «Я цел, я выжил» — промелькнула мысль, и он снова закрыл глаза.

Он бы еще так полежал. Тихо и бездумно. И тут вдруг справа начало что-то подпекать, и, почувствовав сильный запах гари, Глеб вскочил на ноги, но тут же застонал от боли. Пару ребер ему точно снесло, боль была знакома по институтским занятиям боксом. А еще много ушибов и царапин.

Однако теперь его больше занимало другое.

Справа, на расстоянии буквально семи-восьми метров, разгоралась какая-то большая самолетная деталь, похоже — искореженный фрагмент салона. Воняло сгоревшим керосином, резиной и почему-то — жареным мясом.

Железнов вдруг с ужасом понял — почему.

Хромая, он отошел от горящего обломка на некоторое, как ему показалось — безопасное, расстояние и огляделся.

Он стоял на верхушке небольшого пригорка, со всех сторон засаженного елочками меньше человеческого роста. По одну его сторону валялся огромный, оторванный с куском фюзеляжа хвост самолета, нелепо смотрящийся среди ельника, неподалеку от него лежал сорвавшийся с креплений двигатель. И все это дымилось.

А вот по другую сторону — лучше бы не смотреть. Там разливалось огненное море, и, похоже, с каждой секундой оно становилось ярче и жарче.

«Тоня!» — вдруг сообразил Глеб и тут же подумал: «Если из разорванного ударом салона вышвырнуло его, то могло повезти и ей!»

Со стороны развалившихся и горевших останков основной части фюзеляжа один за другим прогремели два взрыва. Там точно искать нечего.

Он пошел, продавливая наст и по колено проваливаясь в снег, в обратную сторону, старательно обходя крупные дымящиеся куски самолетной обшивки. Пройдя метров сто и ничего не обнаружив, вернулся к хвосту. Взяв место его падения за реперную точку, вновь пошел расходящейся спиралью, не переходя, впрочем, вершины пригорка. Даже смотреть в ту сторону было страшно.

И он ее нашел!

Тоня лежала в довольно глубоком сугробе, пробив снег почти насквозь. Сугроб спас ей жизнь, снизив силу удара. Но он же и замаскировал ее так, что, если б не Глеб, нашли бы ее обглоданный лисами скелет только весной.

Девушка была без сознания, однако даже поверхностный осмотр показал, что ее повреждения существенно серьезнее, чем у Железнова, хотя и у того сломанные ребра на вдохе чертовски болели.

Ничего, главное — жива. И даже довольно ровно дышит — вместо зеркала Железнов использовал свои очки-«хамелеоны».

Вспомнив все, что знал, Глеб зашинурил ей сломанную, неестественно вывернутую в локте руку, благо сухих палок валялось достаточно. Вместо бинта сошел его длинный шелковый шарф, подарок Тамары по случаю тринадцатилетия их свадьбы. Она привезла его из Парижа, и даже Глеб, обычно равнодушный к тряпкам, восхитился: настолько изящна и элегантна была эта вещица. Закончив перевязку, он занялся приведением Тони в чувство.

Она застонала, открыла глаза. Долго соображала, что к чему, наконец, улыбнулась и, вздохнув, прошептала:

— Мы живы!

— Несомненно, — подтвердил стоявший возле нее на коленях Глеб.

— А... — хотела спросить Тоня, но осеклась, увидев дым, валивший из-за вершинки пригорка. Даже здесь чувствовалось тепло от разгоравшегося чудовищного костра. — Все... там? — только и смогла она произнести.

— Все, — тихо подтвердил Глеб. — И пассажиры, и хамоватая тетка без мужа, но с больным ребенком. И Анатолий Максимович Зайцев тоже. Единственный из всех, кто вряд ли хотел бы выжить после всего случившегося. А может, он и не виноват вовсе. Найдут «черные ящики», вскрыют ленты самописцев. Разберутся.

Но их, Глеба и Тоню, все это уже не касается. Потому что, если сейчас войти в положение тех, за вершинкой, то легко можно сойти с ума. А это было бы уже слишком: сначала упасть с километровой высоты и выжить, а потом — сойти с ума.

— Пошли, девочка, — принял решение Железнов.

— Куда? — прошептала Тоня.

— К людям, — лаконично бросил Глеб, поднимая ее на руки...

Шли долго. А может, так показалось уставшему и раненому Глебу. Даже удивление взяло. Ведь это все-таки Подмоскowie, а не бескрайние просторы Восточной Сибири!

Но, наконец, вышли к асфальту. Не трасса, конечно, однако, раз асфальт положен, значит, это кому-то нужно.

Первым показался серо-голубой «москвичонок»-пикап. Изнемогая от усталости, Глеб сделал шаг к середине дороги. Пикап старательно объехал странную пару и, обдав недавних авиапассажиров вонючим выхлопом, умчался.

Следующим показался солидный четырехглазый «мерс».

«Не захочет обшивку пачкать», — почему-то пришло в голову Глебу. Тоня действительно получила много поверхностных порезов, из-за чего руки Железнова стали как у серийного убийцы. «Может, это и напугало водителя «Москвича»?» — вдруг дошло до него.

А вот водитель серебристого «мерса» оказался не из пугливых.

— Что случилось, парень? — спросил он, выходя из машины и глядя на руки Глеба.

— Все равно не поверите, — устало сказал Железнов. — Ее зовут Тоня. Девушку надо отвезти в больницу. Перелом руки. И могут быть внутренние повреждения, я же не врач.

— Давай в салон! — скомандовал тот.

Глеб осторожно занес Тоню в салон и, подогнув ей колени, положил на широкое заднее сиденье. Сам сел рядом с водителем, и «мерседес» сорвался с места. Не прошло и трех минут, как они оказались... у места падения лайнера!

— О, Господи! — прошептал водитель, узрев следы апокалипсиса. — Вы откуда?

Глеб в ответ только молча кивнул.

Остановились у небольшой, видимо, поселковой больницы. Медбратья и медсестры тут же засуетились, как муравьи в подожженном муравейнике. Тоню унесли в помещение, а Глеб остался на улице, на крохотной площади со столбом автобусной остановки.

Через пару минут к столбу лихо подкатила «Газель»-маршрутка. Железнов уже успел обтереть об снег руки и лицо и выглядел почти пристойно. Он открыл дверь, залез в салон и сказал водителю:

— Мне в Москву.

— Всем в Москву, — усмехнулся тот. — Только придется подождать. Не пустому же ехать.

— Заплачу, как полному.

— Это меняет дело, — оживился водитель, вновь заводя двигатель.

— Постой! Ты куда? — закричал вышедший на улицу хозяин «мерседеса». — Ты же ранен!

— Я цел, — улыбнулся Железнов. — Лечите Тоню.

— А спасателям что сказать? А ментам? — как-то растерянно спросил тот. — Сейчас же столько понаедут! Ты ведь летел в том самолете! А я что могу им сказать?

— Скажите — пассажир сошел, — стирая с лица улыбку, ответил Глеб. И, усевшись на сиденье, велел водителю: — Поехали!

4

А в общем — не так уж он и испугался.

Сидя сейчас в затрепанном салоне «Газели», Глеб смотрел в грязное окошко, совсем не замечая пробежавших за ним заснеженных подмосковных красот, и мысленно восстанавливал картину происшедшего.

...Вот пилот вывел двигатели на стартовый режим. Вот, мгновенно ускоряясь, понеслись под колеса шершавые плиты бетонки. Вот машина, потряхиваясь и побряхтывая, пошла вверх.

Круто. Очень круто пошла, так, что аж душа ушла в пятки. Точнее, не в пятки, а куда-то в низ живота. Правда, затапливающей волны паники не было. Может, потому, что рядом, вцепившись в его руку, сидела Тоня? А может, потому, что ему особо нечего терять — мелькнула вдруг обидная такая мыслишка. Кто бы поплакал о Глебе, достанься ему место поближе к самолетному носу?

Нет, Тамарка, конечно, поплакала бы, она его действительно любит. Как тогда к рукам прибрала, так с тех пор и любит без остановки. Грех обижаться: и красива его жена, и умна. А активности хватит на трех Глебов. По крайней мере, его классная работа — ее заслуга, так же как и их классная квартира, машина, дача и тому подобные материальные свидетельства уровня жизни.

Благодаря Томке он не стал лесником и поменял глушь на благородную Остоженку.

Вспомнил о лесе — и потянуло в тайгу. Весеннюю, просыпающуюся, с запахами и звуками, понятными ему с детства. Он вдруг физически ощутил мягкое и упругое сопротивление мха на Малой Болотине, куда ходили за черноголовиками. Брали несколько мешков, лошадь и затаривались на зиму. Сушить.

На Большой Болотине грибов было еще больше. Но туда не ходили — боялись. Столько в ней сгнуло людей — и ведь неплохо знавших лесную жизнь! — что стала эта полужидкая недотвердь тем, чем по деревьям пугали озорных ребятишек.

А вот Глеб не боялся. Дважды пересек Большую Болотину по обманной, сгнившей гати. Шел — не боялся. Больше тревожило, чтобы друзья не догадались, как это он, выйдя позже них, незамеченный, всех обогнал. Как только выкручивался тогда Глеб! Потому что, если бы не выкручивался, про его походы узнал бы отец... Узнай он, был бы просто ужас. Огромный, молчаливый, абсолютно седой, батя до сих пор внушал изрядно повзрослевшему сыну сильные чувства.

И именно там, около Большой Болотины, он увидел эти острые желтые глаза. Но об этом лучше не думать...

Микроавтобус уже мчался по трассе, приближаясь к повороту на аэропорт, откуда полтора часа назад столь неудачно стартовал Глеб.

«Может, заехать, тачку забрать?» — подумал он. Но тут же отказался от этой мысли. После всего происшедшего сидеть за рулем совсем не хотелось.

Водитель «Газели» оказался покладистым малым и за довольно небольшие деньги довез Глеба прямо до дома. Въезжать внутрь не стали: дольше объясняться с привратником, чем пройти.

Открыв ворота, Глеб зашел в не слишком просторный внутренний двор. Машин в подземном паркинге, как всегда, было мало (места здесь стоили с хорошую квартиру в новостройке). Глеб не хотел тратить ее деньги, но Томка настояла. В принципе имеет право. Она и сама со своей посреднической фирмешкой зарабатывает побольше высокооплачиваемого муженька.

Глеб скользнул взглядом по автомобилям и... замер! Вот это да!

Ситуация становилась острой.

Похоже, его начальник, Николай Иванович, которому Глеб был многим обязан, лично прибыл к Тамаре сообщить о гибели мужа. И ведь, наверняка, уже сообщил! Железнов встретился глазами с протиравшим заднее стекло «лексуса» водителем Петрухой. Тот смотрел на подходившего Железнова именно тем взглядом, которым смотрят на ожившего покойника! Кивнул, что-то беззвучно произнес, и кинулся в машину.

Уже входя в подъезд, Глеб обернулся и увидел, как Петруха тычет большим пальцем в клавиатуру мобильного. Как же они быстро узнали! Впрочем, удивляться здесь нечему: связь в их конторе всегда была на высшем уровне. Надо скорее успокоить Тамару. И не напугать при этом — у нее же больное сердце.

Глеб прошел перед окошком консьержа и, не дождавсь лифта, рванул по лестницам вверх. Семь этажей для лесного человека, хоть и бывшего, — тьфу! Даже не запыхавшись, вбежал на маленькую лестничную площадку, на которую выходило всего две двери. Зато за каждой было по пять комнат, не считая холлов и зимнего сада!

Дверь в его квартиру была не закрыта, и на Глеба во второй раз за день пахло смертельным холодом.

Замирая от страха, он осторожно зашел в прихожую и, отчего-то стараясь не шуметь, двинулся по ковровой дорожке вдоль длинного коридора.

Никто не кричал, не причитал, не плакал. Ну и — слава богу!

Может, начальник еще не успел сказать? Тогда Глеб вернулся вовремя.

Он хотел свернуть на кухню — именно там Томка любила принимать гостей, — как вдруг остановился.

Удивленный? Пораженный? Потрясенный? Скорее усталый и обессиленный.

Глеб стоял в темном коридорчике и судорожно соображал, что делать. Двустворчатая дверь в большую комнату была открыта, и он отчетливо видел на белом пушистом ковре две пары неподвижных ног. Одна из них, несомненно, принадлежала Томке, вторая, несложно догадаться, Николаю Ивановичу, его доброму гению.

Вот почему так напрягся Петруха.

Глеб стоял, не в силах ни сказать что-нибудь, ни даже шевельнуться. И смотрел, смотрел...

— Не надо было тебе приезжать, — тихо сказала Томка, и Глеб вздрогнул, не сразу сообразив, что это сказано не ему.

— Не переживай. Он уже на подлете, — хохотнул Николай Иванович.

— Не надо было, — повторила она. — Я боюсь, когда так...

— Со мной ничего не бойся, — жестко проговорил Николай Иванович, и две пары ног ритмично задвигались.

Еще с минуту Глеб как зачарованный смотрел на эти ноги, потом медленно развернулся и ушел тем же путем. На выходе все-таки не удержался, хлопнул дверью сильнее, чем хотел, и, выскочив во двор, пробежал мимо совсем слившегося с рулем Петрухи.

Перейдя улицу, машинально посмотрел на свои окна. Увидел бледное пятно лица за тонированным трехслойным стеклопакетом. Жива, значит, дай Бог ей здоровья! И даже машинально — как каждое утро — помахал ей рукой. Правда, не дождался ответного жеста.

Уже подходя к метро, Глеб вытер глаза. Две катастрофы за день — это много. Жгла обида. Злость. Ощущение предательства.

Но повеситься не хотелось. Может, он просто недостаточно сильно любил свою жену?

5

В метро Железнов не зашел. А куда ехать? Вместо этого бесцельно побрел по улице. Мысли крутились вокруг двух визуальных центров — огненного озера на месте падения основной части фюзеляжа и двух пар ног на длинном белом ворсе ковра. Вдруг он явственно осознал, что очень голоден, и решительно направился в сторону ближайшей кафешки.

Не такой уж скверной она оказалась. Не сравнить с теми, в которых приходилось питаться в студенчестве.

В это время кроме Железнова в зале находился лишь еще один посетитель, а так как общения Глеб точно не желал, он направился к столику в самом углу, чтобы быть подальше от бомжеватого гражданина. Не успел он приступить к винегрету, как почувствовал за спиной чье-то присутствие. Обернулся — сзади стоял этот самый гражданин, смущенно держа в одной руке сильно помятую шляпу, в другой — тарелку с недоеденными припасами.

— У вас не занято? — деликатно поинтересовался он.

Глеб хотел сказать, что занято, но почему-то промолчал. Незванный гость, расценив это как приглашение, мгновенно уселся рядом. Лет ему было от

пятидесяти до восьмидесяти — он еще не совсем «обомжился», но явно шел по дорожке, ведущей к тому.

— Да уж, — односложно ответил Железнов, еще надеясь, что общение не состоится. Но не тут-то было.

— Хорошо, что мы пересеклись, — серьезно произнес мужик и представился: — Меня Антоном зовут. А вас, извините, как?

— Меня — Глеб, — нехотя ответил Железнов. И вдруг, неожиданно для себя самого, спросил: — Выпить хочешь?

— Кто ж не хочет? — пожал плечами мужик и тут же предупредил: — Только я на мели.

— Считай, что у тебя есть полсотни.

— Отлично! — просиял новый друг. — Только не здесь. Бутылку купим в продмаге...

— А разопьем в подворотне?

— Зачем в подворотне? У меня в комнате.

— У тебя есть комната? — с просыпающимся интересом спросил Глеб. До него вдруг дошло, что не только деньги кончаются, но и перспективы с ночевкой пока не вполне ясны — в одной комнате с Томкой он спать не будет! Пусть теперь с ней Николай Иванович спит! «Кстати, — отметил он про себя, — у меня и работы нет». А это было уже гораздо серьезнее.

— Конечно, у меня есть комната, — прожевав, ответил, наконец, Антон. — Раньше и квартира была.

— Пропил?

— Сменял. Три комнаты на две.

— Потом две на одну? — предположил Глеб.

— А зачем мне лишняя жилплощадь? — не стал обижаться Антон. — Одна морока. Комната — в самый раз. Не побрезгуешь — пойдём.

— Может, и пойдём, — тяжело задумался Глеб. Ночевка в «Балчуг-Кемпински» ему сегодня явно не светила.

— А ты чего такой... — не договорил фразы Антон.

— Какой? — улыбнулся Глеб.

— Как с луны свалился.

— Не с луны, конечно, но с километр пролетел. Авиакатастрофа. Выжили двое. Приехал домой отлежаться, а жена — с моим начальником. Ничего ситуация?

— Да ты везунчик! — с нескрываемым восхищением произнес Антон. — Настоящий везунчик! — У него аж глаза заблестели. — Действительно самолет упал? Это тот, про которого в «Новостях» было? Рядом с аэропортом? Какой же ты все-таки везунчик! — убежденно повторил он.

— Да что ты все — везунчик, везунчик! — взорвался Железнов. — Ты что, не понял? Самолет упал. Жена изменила. Денег нет, работы — нет. В чем везение?

— А я тебе объясню, парень, в чем везение, — спокойно ответил полубомж. — Нас всех один раз рожают и один раз хоронят.

— Кто бы мог подумать, — буркнул Глеб.

— Вот ты как раз и не думаешь, — укорил его Антон и продолжил: — Работу меняют — кто пять раз, кто пятьдесят. Аналогично — с бабами, друзьями, квартирами. А вот кто грохнулся с аэроплана, это уже навсегда. А ты вон сидишь, винограет кушаешь. Конечно, везунчик!

Сказано это было настолько убежденно, что Глеб и впрямь задумался. Может, действительно все не так просто? Теперь он уже почти не сомневался в том, что ему дан какой-то знак. Понять бы только, какой...

Засыпал Железнов почти в хорошем настроении. Наверное, подействовало спиртное. Так бы и заснул сладко, не вспомни вдруг — причем чувственно, физически — страшный запах горелого мяса там, на поляне. И следом — перед глазами снова задвигались эти чертовы ноги...

Слезы выступили сами собой, и Глеб подумал, что везунчиком он себя сочтет еще не скоро.

6

Первые сутки он безвылазно провел в комнатухе у Антона Безрукова, бывшего главного инженера крупного московского завода, в свое время не сумевшего органично влиться ни в новую экономику, ни в рамки бытовых отношений с супругой и дочерью.

Вечером много пили, наутро, кстати, тоже пили. И на следующий вечер...

В общей сложности Глеб прожил у Безрукова три дня, причем на третий день экономика их совместного быта перевернулась зеркально: у Глеба окончательно иссякли деньги, Антону же, наоборот, почтальонша принесла пенсию от какого-то ветеранского фонда. Оказалось, что Безруков был в прошлом герой производства, поднимал отечественное ракетостроение.

Так что на третий день, когда они снова зашли в кафешку, платил он.

Глеб чувствовал, что так долго продолжаться не может, надо что-то делать, но при этом понимал, что еще не готов к каким-то определенным действиям. Правда, будучи человеком ответственным, он уже позвонил на службу и дал кое-какие указания — работа не должна страдать. Сослуживец, впрочем, слушал плохо, все ахал и охал, вспоминая историю с катастрофой. Хорошо, хоть не знал ее домашнего продолжения, а то запаса «ахов» и «охов» могло не хватить.

Потом трубку взял Николай Иванович, пару секунд молчал, затем вздохнул и предложил Глебу выбросить все из головы. Мол, чего только между мужиками не бывает, к тому же такой полет, который Глеб совершил, затмевает все прочие неприятности. Глеб на это ничего не ответил, лишь аккуратно положил трубку на рычаг.

Тамаре он не звонил. Да и зачем? Что он жив, она уже знает и волноваться не будет. А что он не приходит — так это ее выбор.

И не придет.

Деликатный Антон в разговорах ни на что не намекал, но Глеб и сам понимал, что пришло время что-то предпринимать.

— А ты как зарабатываешь? — спросил он как-то у Безрукова.

— Тебе не понравится, — просто ответил тот.

Мог бы и не спрашивать. Ни сбор бутылок, ни поиск «спонсоров» у кафешки Железнова не привлекали.

Мелькнула на секунду мысль о квартире на Остоженке. Процент за десять ее стоимости можно было бы прикупить себе «однушку» где-нибудь в спальном районе. Но этот путь был абсолютно неприемлем. Несмотря на все Томкины заслуги, Глеб был реальным мужиком. За что, собственно, в свое время она его и выбрала. Но к Тамаре по поводу решения своих материальных проблем он точно не обратится. Хотя бы потому, что немедленно получит помощь. Скорее всего, Томка просто поделит все пополам. В этом случае он снова будет в шоколаде, но потеряет столь драгоценную возможность считать ее дрянью, а себя — белым и пушистым.

И вдруг Глеба осенило: машина-то на аэропортовской стоянке — его! Во всех смыслах его! Лично скопил из многочисленных и весьма серьезных командировочных — зарплату, за исключением карманных, отдавал в дом, а командировочные — святое. Вот так и образовалось энное количество тысяч, благодаря которым он приобрел новенький «kia-спортедж».

— Пойду попробую заработать, — сказал Глеб Безрукову.

— Только в дурь не при, — обеспокоено посоветовал тот, не вполне уверенный в душевном равновесии нового друга.

Денег у Антона Глеб просить постеснялся, поэтому в аэропорт поехал на электричке, «зайцем», всю дорогу продрожав, ожидая контролеров. В принципе ничего не сделают, максимум — ссадят. Но пятнадцать лет комфорта отпускали медленно.

На стоянке проблем не было: он заплатил за пять суток, так что еще и на сдачу смог бы рассчитывать, если бы ему ее отдали.

Выехав на трассу, взглянул на стрелку топливомера. Бензина было на донышке. Значит, зарабатывать надо начинать немедленно.

А вот и граждане среднеазиатской национальности с двумя огромными клетчатыми баулами. Стоят на обочине, смотрят раскосыми глазами на приближающийся «спортедж», но даже не голосуют: хоть и беспородный, а джип.

Железнов остановился сам:

— Куда едем, мужики?

— В Одинцово, — недоверчиво поглядывая на водителя, ответил один.

«Сколько это стоит?» — задумался Глеб. Так и не сумев оценить поездку, положился на «авось».

— Садитесь! — Он вылез из машины и открыл заднюю дверь.

Азиаты с места не трогались.

— А сколько будет стоить? — спросил тот, что пошустрее.

— Не знаю, — улыбнувшись, честно ответил Глеб. — В первый раз «бомблю». А то встану без бензина.

— Больше пятисот не дадим.

— Ладно, — согласился он. Лиха беда начало...

Весь день Железнов зарабатывал деньги, а вечером повел Безрукова в ресторан. Правда, не в один из тех, куда он обычно ходил, а в гораздо более скромный. И все равно получил удовольствие от вкусной еды, от чистой скатерти, даже от отчаянно фальшивившего певца. К тому же ощущение, что он кому-то нужен, было для него базовым. И, глядя на Антона, он чувствовал некоторое удовлетворение.

...Кстати, в этот вечер пришлось вспомнить и о Тамаре. Когда вставлял штырь противоугонного устройства, натолкнулся на проблему. Обычно «Дракон» — так оно именовалось — вставлялся легко. А здесь ему явно что-то мешало. Глеб достал из бардачка маленький фонарик, нагнулся и сразу увидел в «норке» помеху. Без особых усилий ее извлек. Оказалось — свернутая в трубку бумажка. Разворачивая, уже знал, что внутри: «Милый, прости меня! Возвращайся, я без тебя не могу! Я люблю только тебя. Прости меня, пожалуйста! Твоя Томка».

Это могла придумать только жена. Потому что только она так знала Глеба. Знала, что не придет за деньгами. Что не станет делить квартиру. И что, когда отойдет от первого шока, поедет за своим «спортеджем».

Он тщательно порвал бумажку, бросил кусочки в снег и снова сунул штырь в отверстие...

7

...В школу Глебка явно опаздывал. Как это получилось — понять не мог. Мать разбудила — еще не рассвело, он отчетливо помнил ее ласковое: «Вставай, сыночка!»

А потом — как провалился.

И это уже серьезно. Если батя, угрюмый здоровенный лесник, которого все окрестные пацаны с уважением и некоторой опаской кличут «дядя Паша», узнает о его даже не прогуле, а опоздании, быть беде.

Глеб очень любит своего батю, и за «бешеного Лешего», как его назвал Вовка Бондарев, он вступился яростно, хоть и был на полголовы ниже Вовки. Батя никакой не бешеный. Просто он относится к лесу и его обитателям как к людям. А иногда, честно говоря, и лучше, чем к людям.

Да и не надо было Вовкиному отцу стрелять в олениху-важенку. Одним выстрелом убил двоих. Зачем? Дал бы ей родить — было бы в лесу два оленя. Вот батя и рассердился. Так отмолотил дядю Андрея, что тот потом без малого месяц отлеживался: кулачищи-то у бати пудовые.

Глебка посмотрел на свои руки. Когда он вырастет, и у него, наверняка, будут такие же.

С Вовкой на следующий день помирились. Он в отличие от Глебки своего отца уважал не слишком: не мог простить мамкиных страшных синяков. Шепотом Вовка сказал, что его отец не только в важенку стрелял, но и в дядю Пашу, когда понял, что попался. Поэтому и в милицию не пожаловался — ни за чудовищные побои, ни за разбитый об кедр и выброшенный в таежную речку нарезной карабин, который и стоит немало, икупить его непросто: замучаешься со справками.

В общем, побаивались батю. Не только пацаны, и не только в их деревне. Может, лишь мама его и не боится. Говорит, что раньше батя совсем другим был — мягким и добрым. Они дружили со школы, и он уже тогда с разным зверьем возился: то приволочет попавшего в силки зайца — не смог добить обезноженного, с печальными глазами зверька, то барсука какого-то больного притащит. Даже с волчонком общался: раза три видели, как он с ним играл. И ведь волчица, наверное, была где-то неподалеку! Позже злые языки ему эту странную дружбу припоминали.

Что еще увлекало молодого Павла Петровича? Да, пожалуй, более ничего. Только две страсти у него и были: лес да Глебкина мама.

Когда его взяли егерем в охотхозяйство, мама была счастлива. Хоть и говорят, что у лесника на каждом сучке висит или рубль, или бутылка, у Павла Петровича такого не наблюдалось. А здесь и зарплата побольше, и, главное, когда приезжают пострелять важные гости, подарки могут быть в разы больше зарплаты.

Так оно поначалу и выходило.

Павлом Петровичем гости были всегда довольны. Правда, улыбался он редко, зато никто не мог сравниться с ним в охотничьем умении.

В доме появились стиральная машина и дорогой холодильник. А под выстроенным своими руками навесом замер всегда готовый к езде тяжелый

трехколесный «ижак». Телевизор тоже вполне могли бы купить, да только в их краях «ящик» в то время был бесполезен: радиоволны в такую глушь не долетали.

Жизнь шла красиво до того дня, когда Павла Петровича срочно увез с собой начальник охотхозяйства. Лично приехал, телефонов в деревне не было. Значит, важные гости, решила Глебкина мама. И очень даже обрадовалась: были у нее планы по дальнейшему росту благосостояния, как тогда любили витиевато выражаться.

Оказалось — зря радовалась. В следующий раз увидела мужа только через четыре года. А могла бы и вообще не увидеть, если б не ловкий столичный защитник и добрый, тоже московский, журналист. Энергия, с которой не слишком грамотная таежная женщина вызволяла из тюрьмы мужа, поражала всех. Но и она бы не помогла, не подоспей вовремя очередная кампания по устранению очередных недостатков.

Так все удачно совпало, что Павел Петрович вернулся. Точнее, вернулась его тень, которая с трудом могла ходить, а более не могла ничего. Все это называлось — туберкулез, фирменный знак российских тюрем всех исторических периодов.

Глебкина мама и здесь не сдалась. Она никого не обходила вниманием, если это касалось главной темы, будь то консультация врача из соседнего городка — сам приехал, зато его на год обеспечили медом и лесными дарами, или оккультные методы бабки Стеши, последние годы вообще не вылезавшей из тайги, но здесь приковылявшей. Чем ублажила мама бабку Стешу — не знает никто. Злые языки говорили, что ничем и не ублажала, просто обе происходили из одного и того же ведьминоного корня.

Да и сама Глебкина мамка в лесу многое понимала. Глебка с отвращением пил ее зимние хвойные настои — до взрослого возраста кривился, вспоминая, — но ведь и не болел ни разу!

Короче — поднялся батя, не сгинул. Поправился. Если не считать редких, но страшных приступов бешенства, усмирять которые умела только мама. Отец взрывался из-за подлости и несправедливости. Мелкий обман мог привести его в ярость. Даже продавщица сельпо, прожженная бабенка, и та не рисковала его обсчитать даже на копейку.

В егеря дорога была закрыта, равно как и в лесники, не говоря уже о лесничих. Да только желающих потрудиться становилось все меньше и меньше. А за лесом нужен постоянный догляд, и даже такой «нервный» знаток леса вполне мог сгодиться.

Решение нашли поистине соломоново: Павел Петрович стал «общественным» лесником — от «Охотсоюза». Они же ему и оружие проббили (все-таки бывший уголовник, хоть и амнистированный). Деньги платили копеечные, ну, да знающий лес всегда в лесу прокормится.

Так что жили неплохо.

Глебка, как подросток, не раз выпытывал у мамы, за что сажали его отца. Мама отмалчивалась.

Однажды все тот же Вовка — дружок и дальний родственник (полдеревни были дальними родственниками) — в пылу очередной ссоры обозвал Глебку «убивцем».

— Ты это чего? — поразился Глебка.

— Папка твой убивец, и ты будешь! — в запале заявил Вовка.

Глеб так растерялся, что даже рожу ему не набил. А пошел к маме выяснять правду.

Не выяснил. Мама только сказала, что батя все сделал по совести, поэтому его в итоге и отпустили, и что не следует его об этом расспрашивать. И еще добавила, что отец сам все расскажет, когда Глеб подрастет.

Это был тот редкий случай, когда мама сказала неправду.

Глеб подросток, так ничего от отца о той истории и не узнав. Потому что еще через пять лет — он уже собирался в лесотехнический институт — батя насквозь промок, спасая провалившегося под лед лося. Туберкулез «выстрелил» вторично, и отец сгорел за две недели.

Но это было потом.

А сейчас Глебка стоял босой на деревянном полу избы, с ужасом понимая, что в школу он, конечно, опоздал. Как к этому отнесется батя, с его взрывным бешенством, заранее сказать нельзя. А мамы дома нет и до завтра не будет — уехала в город.

Вот беда-то!

Даже мысль мелькнула смыться на пару дней в лес. То, что сейчас зима, Глебку не пугало: он бы и неделю прожил, и ничего бы с ним не случилось. Может, так и сделать?

Уже через три минуты он стоял одетый, в валенках и с мешком для книжек и тетрадок за плечом. Выскочил на улицу и побежал по кратчайшей дороге, ведущей к городку.

Вдруг за спиной послышался свист. Глеб обернулся — так и есть, Вовка!

— Ой, Глебка! Как хорошо, что я тебя встретил! Рванули напрямки!

— Конечно, — ухмыльнулся Глеб. В отличие от трусоватого Вовки он бы и в одиночку не испугался пробежаться по зимнему лесу. — Только все равно опоздаем. Сорок минут осталось. Директриса точно в дневник напишет.

— А давай через Болотину? — вдруг предложил Вовка. — Тогда точно успеем!

— Ты что, охренел? — вылупился на него Глеб. — За опоздание батя меня, может, и отлупит, но уж точно не убьет.

— Может, и не убьет, — съехидничал с тонким намеком Вовка. Не может он без этого.

Глебка насупился, но дружок сразу пошел на попятную: без Глеба его замысел был неосуществим.

— Ты же летом по Болотине прошел! — горячо заговорил Вовка. — Летом! А сейчас, значит, легче будет!

— Знаешь, какого я страху натерпелся! — признался Глеб. — Да и сейчас боюсь, что отец узнает. Тогда точно убьет.

— Но ты ведь даже карту нарисовал, — уговаривал Вовка. — Вот она, видишь? Твоя рука.

Это было правдой. Никому тогда не сознался, только дружку, но тот не поверил. И чтобы доказать ему, нарисовал ориентиры. Все провалы в старой сгнившей гати показал ему отец, взяв с него слово никогда без крайней нужды не ходить этим путем.

— А ты-то чего так торопишься? — спросил он у Вовки.

— Мне, похоже, велик светит, — объяснил тот. — Был такой уговор с маманей, чтобы не больше двух четверок. А тут — запись в дневнике. Выручай, Глебка! Только ты да твой Леший там ходите! По карте страшно идти, — тряхнул он бумажкой.

Сердце Глеба забилося. Такой вариант решил бы все проблемы. По Большой Болотине до их двухэтажной деревянной школы не более двух километров. По-настоящему опасных мест — три или четыре. И Вовка, конечно, прав, сравнивая зиму и лето.

— Нет, — решительно качнул он головой. — Я бате обещал.

— А запись в дневнике ты тоже ему обещал?

— Нет, Вовка. Пошли через лес. Нельзя через болото.

— Да чего ты так трусишь? — зашел Вовка с другой стороны. — Дорогу знаешь. Сейчас зима. Нас — двое. Я даже веревку взял. Смотри! — показал он моток добротной веревки. — И никто не узнает, если сам не растрепнешь!

Глебка задумался. Пожалуй, он уже был готов согласиться, но тут вспомнил, как ухаает и чавкает бездонная трясинная жижа, и проговорил: — Нет, ну его... Уж лучше пусть выпорют! Пойдем лесом, время-то идет!

— Ладно, как хочешь, — равнодушно отозвался Вовка. — Тогда я пойду один. Карта есть, веревка есть. Да ты не бойся, слава будет твоя, — хитро подмигнул он. — Я скажу, что шел по твоей карте! — Он махнул бумажкой перед носом Глебки и побежал. Тот бросился за ним, однако дружок бежал, как олененок, и не догонишь.

Пять минут побегали — и вот он, подход к болотине. Щит фанерный, скособочившись, стоит. На нем — череп, как электрики рисуют, и слово —

«тресина». У Глебки так и не хватило духу сказать батю, что слово «трясина» пишется через «я».

— Стой! — крикнул он Вовке и остановился сам. — Стой! Дальше нельзя!

Но Вовка и не думал останавливаться, уверенный, что Глеб его не бросит. Еще несколько секунд, и его фигурка скрылась между разлапистыми елками.

— Вот дурак! — выдохнул Глебка. — Теперь надо идти за ним!

Тяжко вздохнув, он собрался с духом и пошел по Вовкиным следам, рассчитывая увидеть дружка за первым же поворотом тропки. Свернул за поворот и... Застыть — это, пожалуй, мягко сказано. Он стал куском мрамора. Или льда.

Потому что прямо на цепочке Вовкиных следов — а они уже вступили на начальный, относительно безопасный участок древней гати — сидел волк. Или волчица. В таких тонкостях даже батя мог с ходу не разобраться.

Глебка инстинктивно покрутил головой в поисках палки. Внезапно ожесточившись, приготовился драться руками.

— Ну, давай же, гад! — крикнул он зверю.

Тот спокойно смотрел на него желтыми глазами и не делал никаких движений.

— Вовка! — заорал Глеб. — Лезь на дерево! Здесь волк!

Вовка не отвечал. Уверенный, что друг следует за ним, он уже отошел на приличное расстояние.

Глеб решил и сделал шаг вперед.

Зверь не отреагировал.

Еще шаг. И еще. И...

О, Господи! Зверь разверз пасть. Обнажились огромные, созданные для убийства, слегка загнутые внутрь клыки. И — утробный сдавленный рык, от которого мурашки по телу бегут даже у опытных охотников.

Глеб отпрыгнул назад, а волк снова принял исходную позицию.

Каждый раз, когда Глебка решался двинуться с места, картина повторялась. Отчаявшись, он, пятясь спиной, двинулся в сторону деревни.

Зверь его не преследовал.

Глебка сразу побежал к Вовкиному отцу. Но тот даже не понял, о чем ему пытались сообщить: слишком много самогонки было принято накануне. Вовкина мать была на работе. Вообще вся деревенька из семи дворов после престольного праздника была вымершей. Только три человека и работали: родители Глебки да Вовкина мама.

В школу в любом случае надо было идти, и Глеб решил бежать через лес. Если же Вовки там не будет... А вот об этом думать совсем не хотелось.

Еще никогда он так быстро не пробежал это расстояние до школы. Наплевав на субординацию, ворвался в класс, ища глазами дружка. Не нашел. И мгновенно отрубился, потерял сознание.

В чувство его привели быстро, старенькая медсестра дала понюхать нашатырь. Придя в себя, Глебка в двух словах объяснил ситуацию. Уроки прервали, и все взрослые бросились к ближней стороне Болотины. Кричали, звали Вовку. Самые смелые даже ступили на гать. Но далеко не пошли: ясно было, что она не выдержит.

Быстро собрали веревки, слезы. Одна группа двинулась от школы, другая, доставленная на мотоциклах, — от их деревеньки.

Сбивчивому рассказу про волка никто не поверил. Даже следов волчьих у гати не обнаружили. Вовкины — были, Глебовы — были, а волчьих — нет.

Вовкина мама страшно кричала, подходила под Глебкины окна, называла его и бату убийцами. Глебка то плакал, то забывался страшным сном-забытьем.

Вернувшийся с поисков батя, огромный и сразу какой-то почерневший, сидел рядом, поглаживая вихры сына и держа его за руку.

Он был единственным, кто поверил Глебу.

Большая Болотина оказалась непроходимой. Свежий пролом в сгнившей гати нашли быстро.

Вовку — не нашли никогда.

8

Глеб вылез из тяжкого сна как из трясины. Вздохнул, потянулся за сигаретой. На своей койке зашевелился бывший «красный директор» Безруков, но, слава богу, не проснулся: поддерживать разговор в эту минуту Глебу хотелось менее всего.

Усилием воли он попробовал вытеснить из сознания образ своего давно сгинувшего друга. Конечно, ничего из этого не вышло. Даже хуже стало: Вовка прыгал перед его закрытыми глазами, весело скалился и кричал: «Убивец! Убивец!»

Глеб встал, отложил так и не раскуренную сигарету. Не отпустит его Вовка. Никогда не отпустит. Глеб и сам считал, что мог бы тогда остановить приятеля. Схватил бы в охапку и все, тот бы с ним не справился.

Только что теперь говорить: ведь не схватил же...

Глеб прошел на кухню, налил воды в чайник и, поставив его на газовую плиту, присел за их с Антоном столик.

За окном еще окончательно не рассвело, и такое предрассветное состояние располагало к размышлениям о собственной жизни, которая пока вырисовывалась мрачноватой.

Деньги у Глеба с возвращением машины появились, поесть и обустроить быт перестало быть проблемой. Но не всю же жизнь развозить спешащих барышень и подвыпивших гуляк?! Пора решать, как жить дальше.

У Антона он жить больше не хотел. Хороший Антон человек, добрый. Даже за жилье не просит, хотя, когда Железнов приносит вкусную еду, очень радуется. Но, во-первых, его новый друг весь пропитан настоем неудачи. А во-вторых, Глеб никогда столько — и главное, так регулярно — не пил.

Значит, надо менять дислокацию.

«Уехать надо отсюда, — вдруг пришла простая и такая спокойная мысль. — Уехать — и все». Куда — пока в голову не приходило, но — по-дальше от суеты. И опять ноги сами собой ощутили ласковое прикосновение сухого зеленого мшаника с Малой Болотины, а руки потянулись к круглой шляпе черноголовика. «Вот туда и поеду», — подумал он. Но пока надо идти зарабатывать деньги.

Глеб оделся и вышел на улицу.

В сутках, как известно, двадцать четыре часа, однако основные деньги «бомбилы» вырабатывают за три-четыре из них. Это раннее утро, когда народ опаздывает на работу, и вечер, когда народ с нее утекает. Отдельный вопрос — поздний вечер. Здесь деньги самые серьезные, но и проблемы, в случае их возникновения, максимальны, поэтому Глеб старался не брать «мутных» пассажиров, ну да разве угадаешь? На этот случай у него под рукой слева лежит серьезная монтировка — такую штуку в любом случае не проигнорируешь.

Первый пассажир оказался неразговорчивым, да и «плечо» короткое. Железнов так и не смог научиться выторговывать деньги, просто сажал пассажира и брал, сколько дадут. Этот дал мало — сто рублей.

Лиха беда начало.

Вторым пассажиром была толстая тетка, базарным голосом начавшая торговаться еще до посадки. Водитель торговлю не поддержал, что, похоже, тетку расстроило: она не была жадной, просто ей хотелось общения. Скоро вышла, оставив Глебу две сотни.

Зато третья тормозила тачки так активно, что Железнов нутром почуял: вот тут-то он и заработает.

Стильно одетой девчонке явно не повезло — она уже проехала на серых «Жигулях» — машина стояла тут же, с бессильно подломанным передним колесом. Водитель со злостью смотрел на свой автомобиль и на уезжающие вместе с юной леди рубли.

Девочка была и в самом деле яркой: рыжая челка, зеленые глаза, кожаная курточка, которая по зимнему времени могла бы быть и подлиннее.

— Пока начальник занят? — усмехнулась она, удобно устраиваясь на переднем сиденье.

— Типа того, — ответил Железнов. Он не был наемным водителем. Но и начальником не был тоже. А кроме джипа и вовсе ничем не владел. — Куда едем?

— Куда и ехали, — усмехнулась девчонка. — Щелковское шоссе, почти до конца.

— Работаешь там? — неизвестно зачем поинтересовался Глеб.

— Работаю, — спокойно согласилась девица и, не стесняясь водителя, принялась поправлять невидимые сбои в макияже.

Уже перед самым выходом она вдруг попросила:

— Подожди меня пять минут, сейчас обратно поедem, — и, легко выпрыгнув из джипа, быстрым шагом скрылась в подъезде огромного домины. Кроме этого подъезда, в нем просматривалось еще три. А может, их было и больше: дом постепенно закруглялся.

Глеб подождал пять минут. Потом еще десять. Через следующие пятнадцать, наконец, дошло, что его кинули. И девочка сразу стала ясной: ехала по вызову, водитель тех «Жигулей», скорее всего, и охранник. А может, по совместительству — сутенер.

Конечно, когда-нибудь девица выйдет: не на всю же жизнь ее купили. Теоретически надо было уезжать. Стоять здесь — больше потеряешь. Девочке просто повезло — заработала дважды: обязательно скажет сутенеру, что за проезд пришлось платить.

Особой злости к девице Глеб не испытывал. Более того, она ему чем-то понравилась. Но начинать день, в который планировал принять историческое для себя решение, с тривиальной «динами» не хотелось.

«Хорошо, детка. Посмотрим, кто кого». В похожие игры он играл с детства. И всегда выигрывал. Только раньше соперниками были зайцы, лисы, в последние годы жизни в Синдеевке — и более крупные хищники. Правда, в отличие от прошлых соревнований Глеб вовсе не собирался снимать шкуру с проигравшего.

Впрочем, сначала еще надо выиграть.

Железнов отогнал джип подальше, за магазин: если девица наблюдает — поймет, что его терпение кончилось, и ей уже можно выходить. Затем бегом вернулся к дому, но не туда, где стоял джип, а значительно правее, чтобы было видно все четыре подъезда, и приступил к ожиданию. Ожидание для Глеба, безусловно, было работой, работой трудной, но привычной.

В конечном счете, ему без разницы, сколько придется ждать: час, пять часов или сутки. Мелькнула мысль, что может подъехать ее охранник. Ну и бог с ним, пускай подъезжает. На месте разберемся.

Время замерло и не двигалось до тех пор, пока девчонка не появилась. Хитрить она не стала, вышла из того же подъезда, в который вошла. Только походочка изменилась: кураж пропал, сумочкой не помахивала.

Глеб быстро догнал ее и обнял за плечи:

— Здравствуй, дорогая!

— И ты тут? — Девица нисколько не испугалась и даже не удивилась.

— И я, — кивнул Железнов.

— Тебе не повезло. Денег у меня нет.

— Не заплатили?

— Заплатили, — всхлипнула девчонка как-то беззащитно, по-детски и, приподняв край юбчонки, показала три черно-красных пятна с синюшными ободками.

— За что? — мрачней, спросил Глеб.

— Было бы за что, вообще бы убили, — улыбнулась она сквозь слезы. — Такая у него любовь.

— А как же ваша охрана?

— Никак. Это наш юрист, — сказала она и осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

— Зачем поехала, если он — псих?

— Девочки говорили, я не верила, — вздохнула девчонка. — Он всегда такой вежливый.

— Ладно, пошли к твоему юристу, — сказал Глеб.

— Ты что, спятил? — искренне ужаснулась та.

— Тебе что, жалко его?

— Мне тебя жалко, — ответила девчонка. — И себя, — уже тише добавила она.

— А почему бы тебе не уволиться? — внезапно повеселел Глеб. — Ты же не по КЗОТу трудишься?

— И куда я денусь?

— Но откуда-то ты же взялась?

— С Урала, — машинально ответила она.

— Вот туда и денешься.

— Мама думает, что я здесь в училище учусь. Медицинском.

— Ерунда все это! — оборвал ее Глеб. — Скажешь — выперли. В детали не посвящай.

— Пошел ты к черту! — вдруг разозлилась девица. — Все вы, мужики, жалостливые!

Но Глеб пошел вовсе не к черту, а к подъезду, в котором жил юрист с сексуально-садистскими наклонностями. За ним, как маленький щенок на поводке, потянулась и она, хотя ей этого очень не хотелось.

Вышли минут через десять.

Если раньше девчонка была напугана, то теперь просто голову от страха потеряла, и, похоже, Железнова боялась не меньше, чем своих бандитов.

— А он не умрет? — уже в машине спросила она.

— Нет, — ответил Глеб. — Размножаться только затруднительно будет. Ну, да ему и не следует размножаться.

— Ты псих, да?

— Тут все психи! — неожиданно разозлился он. — Что тебя здесь держало? Работа нравится?

— А куда мне деваться? У меня даже паспорта нет.

— А где он?

— У «мамочки».

— Поехали к «мамочке»!

— Ты точно спятил? — прошептала девчонка.

— Звать-то тебя как? — спросил Глеб, пристегивая ремень.

— Анята. А тебя?

— А меня — Глеб.

— Очень приятно, — вдруг манерно произнесла Аня, и ему вдруг стало смешно. Она обиделась и замолчала.

Операция по изъятию паспорта обошлась без рукоприкладства. «Мамочка», много чего повидавшая в своей многотрудной жизни, только головой покачала и на прощание многозначительно проговорила:

— Ну-ну, смотри, девка.

— А дальше что? — уже в машине спросила Аня.

— Хороший вопрос, — улыбнулся Глеб.

— Твой номер они срисовали. Все менты — их. Втравил ты меня...

— Хочешь — вернись. Сдашь меня — может, простят.

Аня зло посмотрела на своего непрошеного освободителя, но ничего не сказала, лишь время от времени оглядывалась назад, стараясь делать это незаметно.

Они подъехали к дому Безрукова, поднялись в квартиру.

Хозяин уже принял «по первенькой», но был еще вполне вменяем. Услышав новости, совсем не обрадовался.

— Я хоть и старый, а жить хочется, — заметил он.

— Не волнуйся. Мы через двадцать минут уезжаем, — успокоил бывшего директора Глеб.

— Куда? — поинтересовалась Анята.

— К твоей маме.

Решение пришло просто и естественно. Он отвезет Аню к маме, а себя — в Синдеевку. Между ними всего-то километров триста-четырееста. Что будет после — сказать трудно. Да и не хочется сейчас думать о том, что будет потом, достаточно, что цели на ближайшие дни определены.

Допили чай и распрощались с Безруковым.

Тот, расчувствовавшись, подарил Глебу теплейшую охотничью доху-овчину, а Аняте — маленькое зеркальце в серебряном ободке: недосмотр прежней жены, и напутствовал на прощание:

— Вы там поосторожнее, эти парни такого не прощают.

— Сошедший с небес змей не боится, — пафосно заявил Глеб.

— Это ты — сошедший с небес? — уже в машине спросила Анята.

— Я, — ответил он.

— Почему?

— Как-нибудь расскажу. Потом, не сейчас.

Аня обиженно фыркнула и отвернулась к окошку.

А еще через сорок минут, обойдя на всякий случай тайными тропами выездные посты, машина уже неслась на восток.

Анята была явно довольна, хоть и отчаянно боялась бывших работодателей. Доволен был и Глеб. Что ждет его впереди — непонятно, но уже не так безысходно.

Теперь пассажир действительно сошел.

9

Обедали они в придорожном деревянном ресторанчике уже как друзья.

— Чем дома займешься? — спросил Глеб.

— А я домой не поеду, — беззаботно ответила девчонка.

— Как это? — чуть не подавился он шашлыком. — А куда ж я тебя везу?

— А что мне дома делать? Городишко — десять улиц. Еле оттуда вырвалась. Да еще мать запилит. Не, я в Екатеринбурге останусь.

— У кого? У тебя там кто-то есть?

— Ага, подружка моя. Мы с ней вместе в училище собирались, только она в Москву не захотела. Сказала, что здесь хоть и платят меньше, зато люди проще.

— Так! — Глеб даже машину остановил. — Ничего не понял. Ты что, и дальше тем же промышлять собралась?

— А что я еще могу? — разозлилась девчонка. — И какое твое дело? Ты мне отец, что ли?

— Что ж тогда в Москве не осталась? Нашла бы другую «мамочку».

— После твоего разговора с Виктором Петровичем...

— Значит, я тебе карьеру сломал?

— Вроде того, — вздохнула Аня. — «Мамочка» была не злая. Я за день иногда и по сотне вырабатывала.

— Да уж, — усмехнулся Глеб. — После медучилища на клизмах столько не заработаешь.

— Накоплю денег — выйду замуж, — мечтательно проговорила Аня. — Когда денег много, никто не спрашивает про твое прошлое. К тридцати буду в шоколаде.

— Твоими бы устами, Анька... — невесело сказал Глеб. Он не был шокирован ее откровениями и не собирался ее ни в чем переубедить. Оба и так понимали, что шансов к тридцати оказаться в шоколаде гораздо меньше, чем в морге или, в лучшем случае, в низшей категории «вокзальных» и «плечевых», которые в глазах своих пользователей уже и не люди вовсе.

Доехав до уральской столицы, Анька подкрасила губки, подвела глазки и, игриво махнув на прощание, выскочила на серую щербатую мостовую.

Глеб проводил ее взглядом.

Она не оглянулась.

10

Лицо у Еремеичева большое и широкое, с маленькими, утонувшими во впадинах глазками-буравчиками. К этому следует добавить сипатый бас, красноречивого цвета и округлых форм нос, а также две немного съехавших с лица щеки, заметно колыхавшиеся в такт ходьбе.

Такому человеку сложно вызвать симпатию у случайного встречного.

Он и не вызвал у Глеба никакой симпатии, когда тот, высадив Аньку и чувствуя все же некоторое опустение — если не в сердце, то в салоне, — нацелил нос своего джипа к пока еще довольно далекой Синдеевке.

Вот тут-то и появился Еремеичев. Здоровенный мужик стоял на обочине трассы, рядом с безвременно умершим УАЗом, и активно голосовал. Картина не была бы особо примечательной, если бы он одновременно не держал на весу приличных размеров деревянный бочонок.

Глеб затормозил: после ухода Ани в машине стало скучновато. Деньжат преумножить тоже было в его положении не вредно. Да и времени эта работа не должна была занять много.

И опять Глеб ошибся! Встреча оказалась не мимолетной. Еремеичева до районной администрации он подбросил действительно быстро: бочонок, наполненный лесным медом, был не взяткой, а, как объяснил Еремеичев, налаживанием бизнес-коммуникаций.

У двухэтажного здания районной администрации он попросил минутку подождать. «Неужели и этот кинет?» — мельком пронеслось у Глеба в голове воспоминание о первой встрече с Анютой.

Но, конечно, не кинул. Такому человеку в криминал, даже мелкий, никак нельзя: один раз увидел его физиономию, посмеялся и навек запомнил.

Еремеичев вышел минут через десять, уже без бочонка и с таким счастливым выражением лица, словно сам опустошил его. «Винни-Пух, честное слово!» — ухмыльнулся про себя Железнов.

— Чего, испугался, что не заплачу? — удивил пронизательностью Еремеичев. Впрочем, он потом еще не раз удивит Глеба.

Они сдружились мгновенно и через час уже сидели в кафе, куда то и дело заскакивали разные люди. Большинство из них приветливо здоровались с Еремеичевым.

— Да ты, оказывается, известная фигура, — отметил Глеб.

— Это точно, — не стал спорить собеседник, постепенно становившийся собутыльником. И так их души сошлись, что Глеб неожиданно рассказал Еремеичеву свою историю. А тот ему — свою. И тоже достаточно нестандартную.

Еремеичева звали Иваном. Иванушка-дурачок — пожалуйста! Достаточно взглянуть на его широкое, чисто русское лицо. Годились Еремеичеву и другие народные приставки к этому имени. Ванька-взводный? Легко! После окончания не самого престижного пехотного училища он им побывал. Ванька-встанька? И это в самую точку, учитывая его уникальную способность подниматься после очередного уничтожающего жизненного урагана.

Из взводных он ушел в начале девяностых. После того как покинула его — со слезами, но покинула! — длинноногая красавица, почти жена. Покинула по самой незамысловатой причине: деньги — дело вовсе не последнее.

Уходя, Еремеичев еще не представлял, чем займется на гражданке. Но знал, что ему необходимо много, очень много денег, а именно — один миллион американских долларов: так потряс его уход обожаемой почти жены. Первые деньги решил сделать на спекуляции: брал на реализацию видеки или телики и, как коммивояжер, ездил их продавать. То ли дефицит техники еще сказывался, то ли его добродушный вид, но бизнес пошел. Уже по десять видеков брал бывший «летеха». А потом по тридцать, когда магазинчик свой появился.

Тридцать — это был критический предел. За тридцатью имело смысл съездить к оптовикам в Москву. Правда, брать следовало сразу шестьдесят. А половиной поделиться с мелкими дилерами, такими же, каким недавно был он сам.

Ездил Еремеичев уже на подержанном БМВ, а при виде его улыбались и менты, и авторитеты. Он ни с кем не ссорился, но и те, и другие знали, что лишнего с этого проныры взять не удастся. Не лишнее — сам отдаст.

И года не прошло, как московские цены показались Ваньке высоковатыми. А значит, надо ехать сразу в Эмираты. С таможней уже было схвачено, все, кто надо, на прикорме. Еремеичев и здесь свято следовал удачно обретенному принципу: никогда не жадничать, но и лишнего никогда не давать. Копейка рубль бережет.

В Эмиратах Ваньке понравилось. Во-первых, тепло. Во-вторых, арабы, пару раз пытавшиеся Ваньку крупно надуть, поняли бесполезность своих нелепых попыток, и пошел настоящий бизнес.

За два следующих года Еремеичев не побывал в Екатеринбурге ни разу. Магазинчик по телефону продал одному из своих дилеров. Деньги пообещал забрать потом, по приезде. Честно говоря, они его особо и не интересовали.

Араб-партнер присмотрел ему виллу прямо на морском берегу. Не бог весть что, всего четыре спальни. Но, само собой, с бассейном. И с сауной. Ванька сам — в смысле по своему проекту — пристроил там русскую парную.

И началась не жизнь, а сказка.

Невесть каким образом его координаты отыскала бывшая почти жена, так и не нашедшая своего счастья. Позвонила, получила деньги на билет и загранпаспорт, после чего месяц тешила свое тело под жарким ближневосточным небом. Однако натуральной женой так и не стала — бывший взводный вовсе не был всепрощенцем. На прощание закупил ей шмоток и техники, посадил в самолет — и гуд-бай, милая!

Все было хорошо в солнечных Эмиратах. Разве что миллион все не набирался, хотя давно уже было около: бизнес становился нормальным и терял свои бешеные, нереальные проценты начального периода. Но еще хуже было то, что появилась ничем не объяснимая, однако крайне неприятная тоска. Уже ничего особо и не хотелось. Вот миллион добить, а дальше? Если б не миллион, то вообще можно было бы говорить об идейном кризисе.

Возможность добить миллион представилась скоро. Из Екатеринбурга пришел запрос на партию бытовой техники, закупочной стоимостью более восьмисот тысяч.

Старым знакомым Еремеичев поставлял электронику товарным кредитом: он и сам уже давно не платил арабам вперед. Здесь же покупатель был новый, и Ванька поосторожничал: потребовал деньги авансом. Ему очень хотелось добрать свой «лимон», но он перестал бы быть самим собой, если бы пошел на неоправданный риск.

К счастью, на риск идти и не пришлось: покупатели согласились на предоплату аккредитивом — то есть деньги приходили в Эмираты сразу, но становились Ванькиными только после того, как техника прибывала в столицу Урала. Попытка Еремеичева ограничить транспортное «плечо» Шереметьевской таможней успехом не увенчалась: его бывшие земляки готовы были слегка переплатить, но груз желали иметь растаможенный и уже в Екатеринбурге. Только после этого аккредитив разблокировался, и деньги, присланные в эмиратский банк, становились Ванькиными.

Еремеичев пораскинул мозгами и решил ограничить риски. Деньги он занял в банке, заложив виллу и все свое эмиратское имущество. Недостающие двести тысяч одолжили екатеринбуржцы, но не получатели груза, а старые партнеры. Чтобы уж совсем исключить проблемы, Ванька застраховал чартерный перелет транспортника и заключил договор с серьезной охранной фирмой на дорогу от Москвы до Екатеринбурга. Хотел даже сам лично сопровождать груз, но потом решил, что это уже перебор. Все четыре КамАЗа, помимо вооруженного пистолетом водителя, получили вооруженного автоматом охранника.

В общем, все предусмотрел Еремеичев. Нормально, по хорошим ценам, закупился, нормально отправил борт в Москву, нормально, прозвонив паре нужных мужичков, растаможил технику. Последнее сообщение было от представителей охранной фирмы: она взяла груз под роспись, и КамАЗы пошли на восток.

Это действительно было последнее сообщение.

Больше груза не видел никто.

Сожженные грузовики нашли только через две недели в лесу за Казанью. Восемь человек исчезли навсегда, вместе со своими автоматами и пистолетами.

Странное дело, но Ванька был раздавлен не потерей пресловутого миллиона, а тем, что погоня за ним оказалась причиной гибели восьми человек. То, что они погибли, для него было очевидным: ни один не объявился в семье.

Он потерял все и вернулся домой пустой. Так было даже легче.

Но бизнес не бросил. Сначала надо было отдать долги. Кредиторы, кстати, не торопили: они понимали — когда Ванька встанет на ноги, обязательно отдаст. Помогли с помещением, и даже кое-что дали под реализацию. Пригодились и деньги за магазинчик, которые спустя два года отдал покупатель. На них Иван, снова носившийся по городу на подержанном «жигуленке», нанял персонал и дал рекламу.

Еще через три года Еремеичев вернул все долги и вновь зажил красиво. Он решил больше никуда с родины не уезжать. От бизнес-судьбы отказы-

ваться не стал, резонно рассудив, что, если и есть его вина в гибели людей, то заглаживать ее гораздо лучше, имея деньги, чем их не имея. В частности, он помогал двум самым бедствующим семьям из числа пострадавших от того разбоя. Кроме того, познакомился с Майкой, сумасшедшей девицей, практически в одиночку поднимавшей детдом с самыми тяжелыми дефективными детьми. Короче, бизнес следовало расширять.

Пользуясь всеобщим доверием, он открыл сразу четыре больших электронных магазина. Вложил все, что имел, в ремонт и длительную аренду помещений (так дешевле), торговое оборудование, рекламу, товар. На этот раз застраховал все риски, включая нападения и пожары. И три месяца проработал «на ура».

Вплоть до августа 1998 года.

Риск государственного дефолта в Ванькином плане страхования предусмотрен не был. Кредиты брались в долларах, а они враз подорожали. Попытки продать право аренды и торговое оборудование успехом также не увенчались. В итоге — крах number two.

Но не зря же его звали Ванька-встанька! Он и в третий раз поднялся. Снова вернул долги, организовал предприятие по переработке грибов: сушил, солил, мариновал. Немалая часть лесных даров, которых здесь по-прежнему было до чертовой матери, уходила-таки западным гурманам. Но это же не нефть! Если умело, не варварски собирать, то на следующий год опять вырастет...

Еремеичев пришел в полный восторг, узнав, что новообетенный кореш по первой профессии — лесник, по второй — бизнесмен.

— Тебя Бог мне послал! — чуть не прослезился он. — Я ж погибаюсь один с этими «лесными братьями»! Мне каждую неделю кошмар снится, что я какую-то пьянь уволил, а он, в отместку, в мои чаны бледных поганок наложил!

— Для этого не только бледные поганки годятся, — успокаивающе заметил Глеб. — Я тебе потом покажу пару травок, мне еще мама, когда жива была, объясняла...

— Спасибо, утешил, — хмыкнул Иван. — Вот что, — принял он вдруг быстрое решение. — Иди ко мне на работу. Пока — наемником, а если дело пойдет — получишь долю. Я открываю новый пункт в Синдеевке...

— Где-е-е?! — воскликнул Глеб. — Я же туда еду!

Теперь настала очередь удивляться новоявленному работодателю. Может, и в самом деле Глеба ему послали небеса?

Лишь на миг омрачилась радостная Ванькина физиономия.

— Слушай, фрукт столичный, — сказал он. — Ты только девицу одну там, в Синдеевке, не соблазняй, ладно?

— Твоя зазноба, что ли? — спросил Глеб.
— Нет, — как-то неохотно ответил Еремеичев. — Скорее чокнутая слегка. Мать Тереза, едри ее...
— Местного розлива, — пробормотал Глеб.
— Не местного, — потряхнул головой Иван, — московского. Приехала три года назад. Детей больных растит в детдоме. Ненормальных.
— В Синдеевке — детдом? — удивился Глеб.
— Она и организовала. Нашла меценатов, набрала денег. Связи у нее дальние. Меня вот тоже понемногу «доит». Мало того, что дети чокнутые, сама такая же, — вырвалось у Ивана.
— Чем же она чокнутая? — заинтересовался Глеб.
— Головой, — ответил Еремеичев. — Уехать из Москвы, от папы с мамой, от денег — и отдать жизнь дебилам...
— Если она такая дура, чего ты за нее переживаешь?
— Майка не дура, — глубоко вздохнул Иван. — Я ей даже в чем-то завидую...

Так в жизни Глеба Железнова впервые промелькнуло немодное ныне имя Майя.

11

Последние полсотни верст до Синдеевки Железнов добирался долго — больше месяца. Застрял у Ивана. Тот начинал диверсификацию своего уже не такого малого предприятия. Хотел уйти от сезонности: грибы и ягоды, к сожалению, зимой не произрастали. Но поскольку лето было близко, и пропускать сезон было категорически нельзя, Иван, быстро оценив нового сотрудника, поставил его на предварительную организацию колбасных мини-цехов: анализ оборудования, поставщиков, условий, договора кредитования и тому подобное, мало радующее, но необходимое. Сам же занялся более насущными делами — подготовкой к стремительно приближающемуся летнему сезону.

Короче, в родную деревню Глеб приехал, когда снег уже сошел. Рассудительный Иван помог ему продать заморскую игрушку, обменяв ее на гораздо менее удобный, но гораздо более практичный в синдеевских условиях «уазик».

Въехал он в родные пенаты не один. В неудобном салоне трясучего «козла» сидела девушка Майя, про которую он столько слышал, но увидел впервые лишь сегодня, в Ванькином кабинете.

Глеб еще раз искоса посмотрел на нее.

Ничего особенного.

Волосы цвета соломы. Кожа бледная, хоть и слегка обветренная — даме на свежем воздухе приходится бывать довольно часто. Одета неброско, как эмансипированные московские студентки: джинсы, куртка. На голове — дань местному климату — вязаная шапка, несмотря на почти летние пейзажи за окном. Фигура хорошая, ничего не скажешь. Но... Глеб задумался, сам для себя подбирая слова для выражения первого впечатления. Наконец нашел. Девушка не делала ничего, чтобы понравиться представителям противоположного пола. А это, по мнению Глеба, не очень хорошо, ибо говорит об отсутствии природной женственности, без которой у женщины остаются лишь чисто внешние женские черты. Вот Томка была совсем другой — абсолютной женщиной. Ласковой, как кошка, умевшей так пройти, так повернуться, что греховные мысли возникали сами собой. Вспомнив о жене, Глеб непроизвольно скривился и еле удержал стон.

— Что с вами? — развернувшись к нему, спросила Майя.

— Ничего, — ответил он, в душе ругая себя за то, что оказался застигнут врасплох. И еще отметил, что в Майе все-таки есть одна женская деталь, которую не приобретешь ни в какой новомодной клинике. Глаза у нее как небо — такие же голубые и такие же огромные.

Глеб подвез Майю к одноэтажному, свежеевыкрашенному строению — детдому. На скамеечке у мощных, из доски-сороковки, ворот сидела пожилая женщина, видимо, няня. И стояли двое детей, скорее даже подростков.

Увидев выходящую из машины Майю, девица и парень неуклюже бросились к ней, издавая радостные звуки. Их руки и ноги двигались нескоординировано, отчего дети напоминали двух крупных медвежат. Раскрытые рты были радостно растянуты, но слова образовывались медленно, с трудом. И еще более сложно связывались во фразы.

Глеб теперь рассмотрел их глаза, и его передернуло от неожиданности.

Можно как угодно нарядить дауна. Можно увешать его золотом и усадить в лимузин. Можно одеть в смокинг и бабочку. Все равно глаза — выдадут.

Только улыбки на их лицах были настоящие, без дефектов.

Троица обнялась и несколько секунд стояла неподвижно.

А Глеба вдруг снова проняло: столько счастья на лицах он давненько уже не видывал.

Его самого уж точно вот так никто не встретит. Даже самый последний даун...

12

Не прошло и месяца, как Федя и Марина — так звали подростков — столь же радостно встречали и Глеба. Они вообще были очень дружелюбны, эти

ребята, которых мать-природа безо всякой их просьбы «наградила» лишней, сорок седьмой, хромосомой.

Поначалу Железнов их побаивался. Не в том смысле, что ожидал от ребят опасностей. А так, как малые дети из российской глубинки пугаются, впервые увидев, как теперь принято говорить, афроамериканца.

Дауны — названные в честь английского доктора, полтора столетия назад описавшего это заболевание, — резко отличаются от нормальных детей. Плоское лицо, узкие, скошенные вниз глаза. Искривленные мизинцы. Куча болезней внутренних органов.

И конечно, умственная отсталость. Степень — разная, в зависимости от хитрых сочетаний хромосомного дефекта. Глеб из быстрого, на ходу, рассказа Майи мало что понял про «трисомию» и «мозаичность», но именно от этого «трисомийная» Марина имела беспощадную запись «олигофрен в степени идиотии», а «мозаичный» Федя — пугающий приговор «имбецил».

Впрочем, Майя рассказала, что подобные приговоры, особенно вынесенные в условиях российских больниц, частенько удается пересмотреть в сторону смягчения. Так, Маринка, «осужденная» на чисто растительную жизнь, имела не такой уж малый словарный запас, а ее улыбка сильно скрашивала страшное, неживое выражение лица с неестественным румянцем на щеках. Федя же умел читать и писать, причем делал это достаточно бегло.

Поначалу затеи Майи, променявшей столичный уют на общество детей-изгоев, казались Глебу, может, и благородными, но очень уж... вычурными, что ли... Неестественными. Все равно эти дети не вернуться в общество. Так стоит ли на них гробить жизнь? Он даже как-то неосторожно позволил себе озвучить свою позицию. И чуть было не стал для Майи врагом.

Нет, не так. Врагом он, конечно, не стал, потому что сложно представить, чтобы Майя кого-то ненавидела. Обидчиков своих детей она просто не замечала. Именно как на пустое место смотрела эта юная, но сильная женщина на людей, не считавших людьми ее воспитанников. Она как будто отвечала им тем же. Причем — невзирая на ранг. Один из высоких екатеринбургских чиновников, построившихся в Синдеевке, как-то посетовал ей на неприятное соседство и потребовал ограничить «уродов» их внутренним двором. Ему не хотелось, чтобы его собственные дети видели эти «унылые лица». В ответ же услышал много интересного, к тому же с такой презрительной интонацией, с какой вряд ли вообще с ним когда-либо говорили.

Разъяренный начальник обещал стереть с лица земли «синдеевский дурдом». И даже предпринял к этому определенные шаги. Однако неожиданно машина застопорилась, и не где-нибудь, а в Москве, на самом вер-

ху. Прыткому же чиновнику в кабинете его начальника недвусмысленно объяснили, что проще ему самому покинуть Синдеевку, слившись с кем-нибудь таким же умным, чем еще раз задеть имбецилов.

Глеб бывал в детдоме довольно часто, сначала — по поручению Еремеичева, постоянно присылавшего бедолагам какие-то лесные вкусности, а потом и по собственной инициативе. Не сразу признался себе, что ему нравится, когда его хоть кто-то радостно встречает. Хоть несчастные идиоты ему улыбаются.

Позже мысль об идиотах сама по себе отошла на задний план, потому что нормальному человеку и собаку приятно приласкать. А здесь были не собаки. Здесь были, безусловно, люди.

Не сразу, но Железнов это понял. Сначала нутром, потом — мозгами.

Эти дети на нормального мужика воздействовали неотразимо. Потому что базовый инстинкт нормального мужика — защитить и сохранить слабого. А эти ребята были максимально слабы и беззащитны.

Кстати, в «дурдоме» был и вовсе здоровый народец. Так, по зеленому двору, оглашая его звонкими воплями, постоянно носились три «близнеца»: Славка, Колька и Ленка. Лет им было от девяти до одиннадцати, вечно чумадые, несмотря на все усилия довольно многочисленного персонала и лично Майи.

Железнов давно собирался спросить, как они получили свои диагнозы, но все случай не представлялся.

Представился же он с неделю назад, когда в детдом приехала очередная комиссия. Троицу было не узнать: скорбно-депрессивные личики, тупая печаль на челе, ответы невпопад и, безусловно, дебильный смех не по делу.

«Вот же паразиты», — шепотом прокомментировала вовсе не расстроенная Майя. Потом, когда гости уехали, объяснила. Конечно, дети нормальные. Конечно, умные. Но — прошедшие все этапы сиротского пути, начиная с Дома малютки. Тут кто угодно имбецилом станет. Ведь маленьким человечком нужно постоянно заниматься, иначе вместо головы будет просто кусок органической массы.

Этой троицей, хоть и с опозданием, все-таки занялись. И безграничные резервы мозга помогли им догнать здоровых сверстников. Попади они в другой «дурдом» — так бы и остались дебилами и имбецилами.

— И что теперь с ними будет? — спросил Глеб у Майи, когда они вышли за территорию детдома прогуляться и присели на большой, нагретый солншком камень.

— Не знаю, — вздохнула Майя. — Поставь им сейчас реабилитирующий диагноз, они уедут в обычный детдом. А они знают, что это такое, вот и придуриваются.

— Но делать-то что-то надо?

— Родителей им новых искать. Усыновителей. Да только с нашими диагнозами на них заявок нет. Это ж не Европа!

— А может, действительно в Европу? — задумался Железнов, и к патриотизму подходивший крайне прагматично.

— Может быть, — согласилась она. — Только вполне посадить могут, за торговлю детьми.

— Да уж, — хмыкнул Глеб. — Лучше пусть на родине — имбецилами.

— И обидно опять же, — продолжила Майя. — Неужели мы сами своих детей вырастить не сможем?

— Ты — сможешь, — улыбнулся Железнов. — Кстати, как тебе все это удается? — показал он рукой на свежевыкрашенный корпус. — Может, ты мафия московская?

— Ага, — кивнула Майя и сразу как-то потеряла интерес к разговору. — Ну, я пошла. Дел по горло.

Железнов долго смотрел ей вслед. А мысли были какие-то не деловые. Во всяком случае, уж точно не про заказ тарно-упаковочного оборудования для будущего синдеевского колбасного цеха.

Весна, что ли, действует?

13

Дел было по горло и у Глеба.

Во-первых, он выполнял текущую работу по еремеичевским делам — теперь они стали и его делами. Ягодный сезон уже начался, за всем нужен был глаз да глаз.

Во-вторых, он готовился уже осенью открыть колбасное мини-производство. Еремеичев от своих слов не отказался, Железнов получал в этом предприятии долю. Часть ее оплатил деньгами, вырученными за «спортедж», часть договорились компенсировать работой.

В-третьих, он строил дом. Родительский полностью сгнил, жить в нем было нельзя. К счастью, дерево пока на Урале есть. А все столярно-плотницкие навыки Глеб, как выяснилось, не потерял.

Помогали ему два парня, присланные Иваном. Точнее, Глеб помогал парням: со стороны Еремеичева это была такая замаскированная форма материальной помощи. Гордый Глеб подумал — и принял ее. Он был уверен, что сумеет воздать своему новому шефу сторицей.

Кстати, помощников было гораздо больше, чем двое. Командированных парней поначалу, так же как и в первый раз Глеба, дауны из детдома напугали. Потом они привыкли и даже подружились с ними. Ребята, с разре-

шения воспитателей, приходили во всякий погожий день и оказались все не бесполезными на «стройке века», как называл ее Глеб.

Бригадир объяснял им их задачи, и пусть они были скромны, но выполнялись всегда ровно на сто процентов. Отнести, убрать, подмести, сложить — все делалось точно, четко и с улыбкой.

Улыбка вообще была фирменным знаком этих детей.

А когда в конце дня Глеб благодарил ребят за работу, то они просто были счастливы. Он провожал их до детдома, и они болтали на всякие темы.

Развитие Феде было на уровне семилетнего ребенка. Хотя так сравнивать сложно: Федя успешно изучал под руководством боготворимой им Майи Александровны... английский язык! Но принципиально не был способен складывать и вычитать даже однозначные цифры.

Маринка была ребеночком лет пяти, если не младше. Зато ребенком чрезвычайно доброжелательным и веселым. Тоже проблемка — теперь уже постоянно размышлял на большую тему Глеб. Согласился бы он иметь пятилетнего ребенка, зная, что шести- или десятилетним он не станет никогда? Вечно — пятилетний?

И какой в этой ситуации выбор?

Еще год назад, спроси Глеба об этом, он бы честно сказал, что самый гуманный вариант для даунов — эвтаназия, раз аборт вовремя не сделали. Все было просто. Нормальный человек — нормально живи. А ненормальный — уже и не человек вовсе.

И как же теперь все усложнилось!

Когда Глеб в очередной раз привел ребят к детдому и собрался уже уходить, он неожиданно нос к носу столкнулся с подъехавшими Еремеичевым и Майей.

— Пошли чай пить, — позвала в дом Майя. Глеб не стал отказываться, хотя обратил внимание на не вполне довольный вид Ивана. Впрочем, это его дело. Глеба никогда не волновали такие мелочи.

Они пошли в маленькую, но уютную квартирку директорши, пристроенную прямо к главному корпусу.

Уже темнело. Из сарая негромко заржала лошадь.

— У вас теперь и конюшня своя? — удивился Еремеичев.

— Да, — гордо ответила Майя. — Благодаря Глебу Павловичу.

Лошадь в синдеевский детдом несколько недель назад привел действительно Глеб, став, неожиданно для себя, главным участником почти медицинского эксперимента.

Все началось с Марии.

Мария была самым загадочным обитателем детдома. Конечно, и кроме нее были жильцы с проявлениями детского церебрального паралича, но

она одна была, во-первых, с абсолютно сохранным интеллектом, а, во-вторых, годков ей было поболее, чем директору детдома.

ДЦП — такая подлая штука, которая отдельной болезнью, в общем-то, и не является. Это — сборный диагноз. Скорее следствие, нежели причина. Кого-то сделали инвалидом стальные акушерские щипцы, кого-то — инсульт, кого-то — травма или внутричерепная инфекция. Болезнь может задеть мыслительные способности, а может и не задеть.

Вот Леночка, например, скрюченная девчоночка лет одиннадцати, целыми днями сидит на теплом солнышке в своем кресле, отвлекаясь только на еду да на замену памперсов: сама ходить в туалет она не научилась и уже, видимо, не научится.

Действительно, растительный образ жизни. Жестокий и точный медицинский термин.

Поначалу, проходя мимо нее, Глеб старался ускорить шаг и отвести взор. Пока не заметил, что она-то на него всегда смотрит, и всегда, увидев, улыбается. О чем думает — неизвестно. Но радуется — точно.

Непроизвольно и он начал улыбаться в ответ. А потом рука как-то машинально потянулась — погладил ребенка по мягким темным волосам и почувствовал, как ее щека доверчиво прижалась к его ладони.

Опять, получается, ошибался Глеб. Цветочек — да. Но только в переносном смысле. В прямом — человек, конечно.

Есть еще и Петя. Вот уж про кого не скажешь, что он болен. Всегда аккуратный, отутюженный, в чистой рубашечке и маленьких круглых очках. Будь ему под тридцать — вполне сошел бы за молодого, но продвинутого ученого. Однако Пете только десять. Считать умеет как арифмометр. Читает со скоростью, недоступной его педагогам. Наверное, и говорить умеет. Но никто этого не слышал.

Не хочет он говорить. Вообще общаться не хочет ни с кем, кроме самого себя. Это называется — аутизм.

Петя — единственный житель детдома, к которому Глеб еще не привык. Уже не боится, но еще не готов любить.

Но речь шла о Марии, даме с внешностью Бабы-яги, только передвигалась она не на ступе, а на дорогой импортной инвалидной коляске с электромотором. Мария была очень злой женщиной. Ее боялся и ненавидел весь персонал. Не цеплялась перекошенная болезнью Баба-яга только к больным детям. Да и чего к ним цепляться? Такие же, Богом обиженные.

Больше всех доставалось почему-то Майе Александровне. Сварливый голос Марии вспоминал ее по поводу и без повода. Майя — железная Майя! — частенько плакала, но ничего не предпринимала для усмирения безудержной оппонентки.

В изрядной степени усмирил ее... Глеб!

Улучил момент, когда директорши не было поблизости, а паралитичка в очередной раз перемывала ей кости, просто подошел и посоветовал заткнуться.

Мария заткнулась. На две секунды, пока переосмысливала сказанное. После чего выдала новую тираду.

Железнов нагнулся к ней и тихо спросил:

— Боли в мышцах после укола проходят? Или все-таки нет?

Та опять застыла в недоумении. Потом так же тихо ответила:

— Если бы Майка не жлобилась, проходили бы.

И замолчала. Правда, потом попыталась, было, обругать Глеба, но — как-то вяло, без привычного энтузиазма.

— Ты ведьма, — без злобы ответил ей Глеб. — Моя мама тоже была ведьма. И бабушка. Если хочешь, приготовлю тебе отвар. Он должен тебя расслабить.

— А что ты вдруг обо мне озаботился? — сварливо, но уже на спаде, спросила Мария.

— Во-первых, жалко Майю, — честно сказал Глеб. — А, во-вторых, почему не помочь даме, даже если она — стерва?

Мария ничего не ответила, лишь слегка улыбнулась.

Он действительно нашел требуемые корни — ничего не забыл за столько лет! — и приготовил зелье. Если бы Майя узнала — убила бы. Но не узнала.

Не слишком помогло зелье. Спастические боли чуть ослабли, но не исчезли. Однако Мария на Глеба не обиделась, более того, стала гораздо менее озлобленной. А вот Глеба относительная неудача задела. Залез в Интернет, а потом специально съездил в город, чтобы купить книгу, рекомендованную в сайте. И скоро в детдоме появилась лошадь — старая, откровенно говоря, кобылка, а в перечне медицинских назначений появился новый термин — гипотерапия.

Глеб подсаживал Марию на кобылку, и лошадь тихонько трусила со своей невесомой ношей, удерживаемая под уздцы твердой рукой сына лесника. Впрочем, кобылка вряд ли была бы резвее даже без твердой руки: ее «мотор» выдавал явно не более одной десятой лошадиной силы.

Теоретики метода объясняли лечебный эффект тем, что верховая езда заставляет мозг инстинктивно координировать работу почти всех мышц. В случае с Марией гипотерапия явного лечебного эффекта не дала, но для нее, так же как и для всех остальных обитателей синдеевского детдома, кобылка стала очередным чудом, серьезно расширившим их возможности в жестоком и неласковом к ним мире.

На лошадке с восторгом катались и Федя с Маринкой, и девочка-цветочек Леночка, и даже самоуглубленный и самодостаточный аутист Петя. Они же за ней и ухаживали: конюх дядя Витя, помнивший еще Глебова отца, лично приходил обучать детей. Кузнеца же пришлось привозить из соседней деревни — профессия стала нечастой.

И еще, что немаловажно было для Глеба, после появления рыжей кобылки в детдомовском сарае Майя впервые взглянула на него не то чтобы заинтересованно, но уже как-то иначе, чем прежде.

И это было приятно.

...Они втроем прошли в комнату. Майя заварила душистый чай с мятой. Печенья домашнего, правда, не оказалось, пришлось довольствоваться магазинными пирожными, привезенными Еремеичевым.

Тут только обратил внимание Глеб, что Еремеичев принарядился: в черном костюме приехал, что отродясь за ним не водилось.

Иван честно выпил два стакана чаю, прежде чем приступил к главному.

— Лучше бы, конечно, без этого москвича, — пробормотал он, поглядывая на Железнова. — Ну, да ладно...

— Ты чего, жениться решил? — вдруг дошло до Глеба.

Еремеичев свирепо зыркнул на него, а потом улыбнулся и согласился:

— Типа того. Вот, Майя Александровна, при свидетеле прошу у вас руки и сердца.

— Их обычно предлагают, а не просят, — съехидничал Железнов.

— Не тебя спрашивают, — отмахнулся Иван.

Майя застыла, не зная, как себя вести.

— Я, пожалуй, еще не готова, — наконец нашла она форму мягкого отказа.

Еремеичев расстроился, но не очень.

— «Не готова» — не значит «нет», — резонно заметил он.

Чаепитие продолжилось, как ни в чем не бывало. К теме вернулись только перед уходом. Вернулся опять Иван. Уже покидая Майину квартирку, вдруг обернулся и сказал:

— Только на этого столичного жителя, смотри, не клюнь. Парень он хороший, но я пока не уверен, что он здесь надолго.

— Вообще-то я здесь родился, — почему-то обиделся Глеб.

— Можно, я пока незамужней побуду? — разрядила ситуацию Майя.

— Можно, — разрешил Еремеичев и снова улыбнулся.

Они с Глебом попрощались с хозяйкой и ушли.

В целом день получился какой-то, прямо скажем, сумбурный.

Давно так не зашивался Глеб, как этим летом. По еремеичевским — а теперь уже и своим — делам носился как угорелый: ему тоже стали сниться бледные поганки в огромных грибоварных чанах. Ягодные дела, правда, уже заканчивались, теперь впереди только брусника да клюква. Зато грибы будут чуть не до самой зимы.

А зимой, даст Бог, появится деликатесная колбаса с маркой «made in Sindeevka».

Работа Железнову нравилась, в первую очередь потому, что вернула ему лесной воздух. К тому же не была навязана, да и должностью своей он никому не был обязан. Глеб вздохнул, вспомнив, как «оплачивалась» прежняя, престижная московская работенка...

Но на тяжкие душевные переживания у него теперь просто не было времени.

С Майей он в следующий раз встретился только через неделю. Поздним вечером она прибежала к нему прямо на заканчивающуюся стройку — Глеб теперь ночевал хоть и на свежем воздухе, но уже под собственной крышей — и выкрикнула:

— Ленка умирает!

Железнов подхватился, и они побежали к детдому.

На врачей из города рассчитывать было нечего. Ураганный ветер еще вчера оборвал телефонные провода, да и добираться они будут долго. Вечно пьяный фельдшер из поселка за Большой Болотиной тоже вряд ли поможет. Даже если придет.

Почему Майка побежала за Глебом — сказать сложно: в детдоме-то как раз свои медики были, пожилая тетечка-педиатр и еще один специфический специалист — дефектолог. Они крутились вокруг бездыханной Леночки, и было видно, что обе дамы здорово напуганы. Несмотря на тяжелые анамнезы пациентов, это была первая смерть в их молодом детском доме.

Девочка не дышала. Ее и так бледная кожа теперь приобрела синюшный оттенок, характерный для сердечной недостаточности.

Еще полгода назад, окажись Глеб свидетелем подобного, подумал бы про себя: «Слава богу, отмучилась». Потому что не смог бы счесть жизнью тот вид существования, на который была обречена девочка.

Нет, не поэтому.

А потому, что Глеб ее не знал. Потому что она ему не улыбалась. Потому что не приникала теплой щекой к его ладони.

Теперь же он совсем не хотел отпускать ее без боя.

Разогнав мельтешащих медиков, он приложил руку прямо к груди ребенка. И неожиданно ощутил слабые, еле заметные толчки. Если это и была смерть, то еще не окончательная. Конечно, открытый массаж сердца плюс хороший дефибриллятор были бы очень кстати — Глеб проходил медицинскую практику, ведь его готовили в лесники, а в тайге плоховато с медпомощью, — но и без дефибриллятора с неорганизованными сокращениями сердечной мышцы можно попробовать побороться.

Он начал массировать Ленкино сердчишко прямо через грудную клетку, стараясь мощнее воздействовать на мышцу и в то же время не сломать гнутые карандашики ее ребер. Майка, стараясь попадать в такт его движениям, рот в рот делала ребенку искусственное дыхание.

Минут за пять, не больше, завели девчонкино сердце. Сначала оно заработало робко, с перебоями, потом все увереннее. Еще через четверть часа ее личико стало терять синюшный оттенок, она открыла глаза и слабо пошевелилась.

Чудес после клинической смерти никаких не случилось. Леночка не заговорила и с койки бодро не прыгнула. Однако глазами с Глебом встретила, и Железнову уже не надо было объяснять, с какой целью спасают таких вот «неперспективных» детей.

Он встал, попрощался с девочкой — не будучи уверенным, что она его понимает, но и не очень по этому поводу переживая, — и тихонько, чтобы не разбудить заснувшую Майку, вышел из палаты...

В следующий раз с Майей он встретился у себя в новом доме. Теперь не только крыша была на своем месте, но и стекла в окнах, и двери в дверных проемах. Можно сказать, предварительное новоселье. Гостей только маловато: Майка да Еремеичев.

Еремеичев притащил японский телевизор, сам приладил антенну на шест. Майка принесла шторы и... трехлитровую банку собственноручно сваренного варенья, чем вызвала гомерический хохот присутствующих: им по долгу службы приходилось пробовать аналогичное постоянно, причем в таких количествах, что глаза бы уже на него не смотрели.

Кошка пришла сама, трехцветная, в репейнике, наглая и веселая. С энтузиазмом съедала все: от упомянутого выше варенья до свежих огурцов, солеными, кстати, тоже не брезговала. Наевшись, залезла Глебу на колени и завела громкое мурлыканье.

Железнов чуть не прослезился: свой дом, свой телевизор, своя кошка. Гораздо более свои, чем это было в Москве. Злость к Томке прошла, поче-

му-то чаще стала вспоминаться не сцена с ногами, а то, как жена возилась с его переломом. Но обратно не хотелось. В одну и ту же реку дважды не входят.

А может быть, дело в Майке. Страсти, честно говоря, Глеб не испытывал, но ему очень хотелось о Майке заботиться. Тамара такие чувства вызывала редко.

Посидели, поболтали. Потом Еремеичев засобирался. Его неактивно уговаривали побыть еще. Но он ушел, показав Глебу на прощание здоровенный кулак и состроив зверскую рожу.

Глеб засмеялся.

— Ты чего? — не поняла Майка.

Вместо ответа он обнял ее за теплые плечи, и ладони непроизвольно полезли под мягкую шерсть свитера. Майка аж дышать на мгновение перестала. Испугалась, что ли?

Он притянул ее к себе, мягко расстегнул молнию на боку брюк. Они легко соскользнули вниз, сразу сделав Майку какой-то беззащитной и желанной.

И вдруг в этот момент очень громко и очень некстати заработал телевизор!

— Еремеичев, сволочь! — от всей души рассмеялся Глеб. — Сам не женился, и мне не дает! — Его работодатель хвастался способностями своего подарка к самовключению и неожиданно угадал с таймером. Отомстил, можно сказать.

Майка тоже засмеялась. Она вообще теперь не походила на уверенную и сильную директрису, какой привык ее видеть Глеб. И, слава богу!

Он шагнул вперед, чтобы вновь обнять девушку, однако внезапно остановился. До него только теперь дошел смысл сказанного с экрана.

Телевизор включился на новостях. Криминальная программа. очередное убийство. Погибла проститутка. Типичный случай, очень опасная профессия. Оставалось только посочувствовать девчонке, так и не дождавшейся лучшей доли, — если бы убитую девчонку не звали Аня. И жила бы она не в Екатеринбурге. Камера наехала на измазанное кровью лицо убитой, и у Глеба исчезла последняя надежда на совпадение.

Он замер, не зная, что предпринять. Да и что тут можно было предпринять? А бесстрастный голос за кадром рассказывал о том, что Глебу и так было хорошо известно: что девушка раньше работала по той же специальности в Москве. Сказали и то, чего Глеб еще не знал: по рассказам подруги, ее искали люди, приехавшие на машине с московскими номерами. Журналист предположил, что у девушки остались какие-то столичные долги.

— Ты что, знал ее? — спросила из-за спины Майя.
— Да, — глухо ответил Глеб.
— Широкий круг твоих контактов, — спокойно заметила она.
— Анька из-за меня погибла, — выдохнул Глеб. Молчание Майи требовало продолжения, и он объяснил: — Над ней издевались, я вступился. И вот результат.
— Не думаю, что ты виноват, — задумчиво покачала головой Майя и вдруг обеспокоено спросила: — Они за тобой не приедут?
— Как они меня найдут? — усомнился Глеб.
— Не знаю. Ее же нашли.
— Нет, они меня не найдут.
— Надеюсь, ты в драку ввязываться не собираешься?
— Н-не знаю, — промычал застигнутый с поличным Железнов — именно об этом он сейчас напряженно размышлял.
— Я прошу не делать этого, — тихо сказала Майя. — Ей уже ничем не поможешь, а зло лучше не трогать.
— Ты выйдешь за меня замуж? — неожиданно спросил Глеб, снова обнимая ее плечи.
— Не сию минуту, — усмехнулась она, ловко выворачиваясь из его рук.
— Но ты вообще-то не против? — вслед уходившей Майке крикнул Глеб.
— Вообще — нет, — на секунду обернувшись, ответила она.

15

Впервые за столь многотрудные полгода Глеб отдыхал и телом, и душой. Он присел на корточки и гладил нежный, упругий, чуть подсохший мох. Затем лег на темно-зеленый ковер и, как щенок, пару раз перекатился через спину. Какое же это славное ощущение — в тридцать шесть лет почувствовать себя щенком! Ему хорошо тут. Ему, наконец, стало хорошо.
Но все, пора вставать, бизнес не ждет.
Глеб поднялся на ноги, отряхнул брюки от приставших веточек и хвои, после чего огляделся. Внезапно его обостренный слух лесного человека уловил посторонние звуки, но тут же определил их как неопасные.
Средь деревьев замелькала фигурка Майи.
— Майка! — окликнул он издали, чтобы не напугать ее.
Она резко остановилась, взмахнув руками, как большая птица, чтобы погасить скорость, и бросилась прямо к Глебу.
Увидев, что девушка чем-то очень напугана, он как можно спокойнее спросил:

— Что случилось?

— Вас... тебя убивать приехали.

— Ого! — присвистнул Глеб. — Откуда такая информация?

— Я не дура! — огрызнулась Майка. — Телевизор вместе смотрели.

— Кто приехал? — поинтересовался он.

— Двое. Один высокий, спортивный. Лицо злое. Второй — небольшого роста, полный, в очках, глаза противные. Гном комплексующий.

Глеб аж вздрогнул: юрист фирмы, сначала нанявшей Аньку на ее работу, а потом произведшей с ней «окончательный расчет», предстал как живой.

— На чем они прикатали? — спросил он.

— На джипе импортном. У них ружья.

— Охотничьи?

— Короткие. С толстыми стволами. Они сразу к твоему дому пошли, — расстроено произнесла Майка.

— Не волнуйся. Даже если они за мной — лес велик.

— У них — собака, — выдохнула она.

А вот это уже серьезно. Очень серьезно, с учетом того, что собачий лай дважды прорезался в напоенном запахом смолы и грибов воздухе.

— Все, Майя, — принял решение Глеб. — Тебе — туда. — И показал рукой на натопанную лесную дорожку, шедшую в городок в обход Большой Болотины.

— Я останусь с тобой!

— Да ну! — усмехнулся Железнов. — Поразил-таки московский бизнесмен сердце сельской красавицы?

— Об этом мы потом поболтаем, — сверкнула глазами Майка.

— Вот именно. Потом, — кивнул Глеб и, развернув ее в нужном направлении, слегка подтолкнул. — Не останавливайся, не кричи и никому ничего не рассказывай. Через два часа я буду у тебя.

— Они тебя убьют! — выкрикнула Майя, но Глеб закрыл ей рот ладонью и приказал:

— Вперед!

И строптивая Майка послушалась. Не оглядываясь, побежала в сторону городка. Несколько секунд — и она скрылась за ельником.

Вот теперь можно было и о себе позаботиться.

Глеб думал, что легко обманет городских киллеров, один из которых был и вовсе садист-недобиток, но просчитался. Хорошо читал лес не только наемный профессионал, но и сам юрист, шедший по следам не хуже их пса, натасканного спаниеля.

Стараясь не терять противника из виду, Глеб вскоре вышел на сухое место и стал пробираться сквозь плотный ельник с колючими ветками.

Он бы ушел от преследователей, используя скорость, и потом затаился. Если б не собака. А так — рано или поздно догонят. И, что еще хуже, — уже догоняли!

Глеб так кичился своим таежным прошлым, что упустил из виду некоторые моменты. А именно: хорошую подготовку можно получить и в спортзале, и на соревнованиях по спортивному ориентированию. Вот это он упустил. «Общелесная», если так можно сказать, квалификация его потенциальных убийц была не хуже, чем у него самого, а может, и получше: уже дважды над его головой, сбивая ветки и хвою, проносились смертоносные картечины.

Он вдруг понял, что обманул Майку. Не встретятся они через два часа. Рано или поздно охотники его догонят.

И тогда Глеб свернул к Большой Болотине.

Тут были две проблемы. Первая — довольно длинный открытый участок, где когда-то на его пути встал волк, здесь его вполне могли подстрелить, и вторая — даже если удастся проскочить открытое место и выскокить на древнюю гнилую гать, то восемьдесят из ста, что он навсегда останется в зыбучей трясине. Гать с тех пор вряд ли стала крепче.

Однако двадцать шансов из ста — это не ноль. И он из последних сил рванул к гати.

На открытом месте преследователи успели выстрелить дважды. Первый заряд ушел в сторону. Две картечины из второго чуть зацепили Глеба, впрочем, не став помехой для его движения.

Он бежал к гати как к спасению. Если бы сейчас на его пути встал медведь-шатун, это его ни на миг бы не остановило. Звери за спиной были во сто крат опасней.

Вот и гать.

Оказалось, ничего не забыл: ни одного поворота, ни одного провала.

Преследователи тоже ступили на полусгнившие бревна гати, но она петляла среди чахлой болотной растительности, и новых выстрелов не было: наверное, берегли патроны. А может быть, судя по подготовке, и знали, что войти на гать можно, а выйти с другой стороны — нет, так чего торопиться?

Осклизлые черные бревна «дышали» под мягкими шагами Глеба, нороя разойтись там, где скреплявшие их скобы совсем перегнили.

Вот и первый провал. Он и тогда был провалом. Его можно перепрыгнуть — что опасно: поскользнешься, упадешь в бурюю жижу — не выплы-

вешь и не встанешь. А можно поступить по-другому. Потому что первый провал — не страшен, еще батя его показал. Прямо посередине разрыва, на глубине сантиметров тридцати, не более, остались бревна от старой гати. Этой-то лет сто, а ту при Петре, наверное, строили. Так что прыгать не надо. Надо просто пересилить страх и широко ступить в зыбкую жижу.

Что Глеб и сделал.

А вот убийцы решили прыгать. Железнов, ушедший на две петли вперед, наблюдал за ними, втайне надеясь на конец погони.

Надежды не оправдались. Юрист уже приготовился к прыжку — он, кстати, изменил представление Глеба о себе, оказавшись подлым, но не трусливым, — как длинный напарник его остановил. Медленно и осторожно, сначала болотным сапогом, потом коротким, видимо, подобранным на ходу, шестом промерил глубину. И конечно, наткнулся на древнюю гать.

Глеб аж сплюнул с досады. С его наблюдательного пункта они были как на ладони. Будь у него хотя бы «мелкашка», киллеры сами бы стали легкой добычей. Но ведь он пошел за грибами. Даже не за грибами, а просто насладиться тем, что давно лелеял в мечтах. В такие минуты не думают о карабине.

Погоня продолжалась. Второй разрыв был преодолен, как и первый. Идти пришлось аккуратней, в «нижней» гати имелись маленькие пробелы. Глеб прошел. Прошли и преследователи, только юрист остался без сапога: засосала-таки трясина. Но упорный, черт: не остановился, двинулся. А может, боялся в одиночку возвращаться?

Третий провал обходить надо было с помощью растущей на случайном островке высокой березы. На ней специально висела веревка. Ее надо было зацепить длинной палкой, ухватиться покрепче и пролететь разбитое место. Гать здесь тоже закруглялась, так что шансы остаться после полета живым были неплохие. Веревку последний раз менял еще батя, и у Глеба вдруг появилась уверенность, что все кончится хорошо.

Здесь же, на бревнах гати, лежала длинная палка из лиственницы. Ее полагалось, после того как подтянул к себе веревку, положить на гать, для следующих путешественников.

Палке было лет тридцать, но потому и выбрали лиственницу, что она, чем дольше мокнет, тем тверже становится.

Глеб подтянул веревку, широко размахнувшись, забросил палку в болото — она, странно глюкнув, медленно скрылась в жиже — и, разом вдруг вспомнив, казалось, навсегда забытые слова молитвы, с разбегу метнулся через пролом. Веревка с отвратительным звуком треснула, но выдержала-таки, опустив его на грязные бревна другой стороны провала.

— У-ух! — только и выдохнул Железнов.

Но зря он рассчитывал на эту преграду. Толстяк с легкостью, подхлестываемой злобой, перелетел разрыв. Веревку они подтянули и без палки, связав шест, ружье и шомпол. Потом мастерски, как циркачи, обменялись «посылками»: толстяк получил с того берега свое ружье, а туда ловко метнул веревку с привязанным шомполом.

Глебу надо было бежать дальше: ведь неизвестно, что ждало его впереди. Вряд ли Вовка погиб на этих препятствиях, заранее не раз оговоренных и нанесенных на самодельную карту. Но ноги вдруг отказали, и он решил секунду передохнуть.

Длинный прыгнул без раздумий, оттолкнувшись от сохранившихся бревен, и, будь желанная траектория прямой, упал бы точно на бревна. Но гать изгибалась, и веревка должна была эти изгибы повторять. Она их и повторяла, пока не лопнула.

«Привет от бати», — подумал Глеб. Упавший в трясину киллер медленно, но неумолимо погружался в полутвердую бездну.

— Тащи меня, сука! — кричал он юристу.

Тот не торопился, спокойно оценивая ситуацию: напарник упал далеко-далеко от бревен, и спасти его было рискованно.

Длинный ушел уже по грудь. Поняв, что юрист не собирается помогать, он стал дико вращать глазами, пытаясь прицелиться в него из удерживаемого правой рукой помповика.

Юрист не стал искушать судьбу и выстрелил первым. Потом спокойно дозарядил магазин.

Глеб тоже не стал искушать судьбу и рванул дальше. Он уже слышал шум машин на окраине городка. Еще метров пятьсот — и покажется их старенькая деревянная школа, ставшая офисом Еремеичева филиала.

Железнов шкурой ощутил возвращение жизни.

Поворот.

Еще поворот.

И...

Этот прогал и с веревкой не перепрыгнуть.

Вот где нашел свою могилу Вовка.

Десять метров буро-зеленой жути. С левой стороны прогала параллельно шли три сухих на вид островка. Но, во-первых, сухих на вид, а, во-вторых — до первого метров десять, и между ними метров по семь, если не больше. Не допрыгнуть.

Может, сработает старый прием? Держась за бревна гати, Глеб ногой попытался промерить глубину жижи. До дна не достал, а вот ногу обрат-

но вытащил с большим усилием, уже слыша, как сзади пыхтит преследователь.

«Жертва и убийца — на одном острове. Впрочем, оба — жертвы», — мелькнула мысль. Да нет, жертва будет только одна. Второй начнет стрелять, рано или поздно в городке услышат, принесут слезы, веревки, и счастливо спасенный турист будет рассказывать в Москве про свои приключения.

Нет, так не годится. Надо что-то придумать.

Он лихорадочно осмотрелся по сторонам.

Что за черт! На первом островке довольно отчетливый волчий след. И на втором! И на третьем! Как они туда попали? Без разбега такой прыжок и для волка невозможен!

«Значит...» — осенила догадка.

Глеб подошел к боковому краю гати и после пяти секунд поисков нашел старые бревна. Они вели к первому островку. Замазав веткой следы, так же, прямо по хляби — точнее, по скрываемым ею бревнам, — на второй. Потом — на третий. Оттуда, уже не рискуя, прыгнул на берег, уцепившись за ветви густо растущего ивняка.

Все. Спасен!

Старая гать шла по островкам. Когда делали новую — срезали угол. Это и стоило Вовке жизни.

А вот и юрист.

Добрался до конца гати, растерянно завертел головой и крикнул:

— Эй, ты!

— Тут я, — открылся Глеб, в любой момент готовый отскочить за толстый ствол.

— Как ты прошел?

— Сам догадайся, — рассмеялся Железнов.

— Сволочь! — выругался юрист. Но тут же сменил тон: — Послушай. Мы — квиты. Покажи, как мне отсюда выйти, я тебе денег заплачу.

— А Анька? — спросил Глеб.

— Что Анька? Какое тебе дело до Аньки? Она даже с тобой не поехала.

— Нет, Анька тоже в деле, — упрямо качнул головой Глеб.

— Хорошо, заплачу и за Аньку.

— Сколько заплатишь?

— Двадцать тысяч.

— А за Аньку? — не отставал Железнов.

— Десяткой обойдется.

«Итого — тридцать, — задумался Глеб. — Неплохой бизнес».

— Ты не ломайся особо, — крикнул юрист. — Здесь до города близко, буду стрелять, орать — обязательно кто-нибудь услышит.

— Вполне может быть, — согласился Глеб. — Утром помогут. А как тебе ночка на болоте? Да еще если дружок твой вылезет?

Юрист задумался. Действительно начинало темнеть.

— Ладно, я согласен. Тридцать кусков, — пробурчал он.

— Американских, — уточнил Железнов.

— Понятно, что не монгольских. И мы — квиты.

— Хорошо, тогда ствол — в воду.

Толстяк размахнулся и безропотно кинул помповик в жижу, та алчно чавкнула, неторопливо приняв оружие в свои мягкие объятия.

Вот здесь юрист ошибся. Не надо было так размахиваться. Или, если уж выбросил ружье, выбросил бы и пистолет, мелькнувший под курткой в наплечной кобуре.

Теперь его идея ясна. Выйдет на сушу, убьет Глеба, затащит в болото — и вот тогда действительно квиты. Нет, этот юрист определенно был мужик, хоть и со знаком «минус». Вот почему его нельзя оставлять живым.

— Короче, здесь все просто, — усмехнулся Глеб. — Ты бы и сам догадался. Все, как на первом прогале. Можешь просто спокойно идти вперед. Прямо до берега. — И тут же громко рассмеялся: — За тридцать-то тысяч долларов можно и по воде аки посуху!

Юрист побледнел от ярости, выхватил пистолет и, не разбирая дороги, рванул к берегу. Тонуть начал сразу. А поскольку шаг сделал широкий, то шансов у него не было. Никаких.

Он плакал. Ругался. Умолял. Стрелял по кустам, в которых прятался Глеб, снова плакал и умолял.

Потом смолк.

А Глеб, пошатываясь, пошел в сторону городка. У окраины встретил участкового с карабином.

— Вы ничего не слышали, Глеб Павлович?

— Стрельба была на болоте, — честно ответил Железнов. — Не иначе, приезжие охотники заблудились. Я пытался пролезть, — показал он на выпачканную одежду, — да сами знаете, что такое Большая Болотина.

— Да уж, — вздохнул участковый, — местные сюда ни за какие деньги не сунутся. Надо бы огородить здесь все.

— Надо бы, — кивнул Глеб. — Если помощь понадобится — скажите, всегда помогу.

— Спасибо, Глеб Павлович, — поблагодарил старлей.

Глеб зашел в круглосуточно работающий магазинчик, купил водки и консервов, после чего усталой походкой направил стопы в Синдеевку.

16

В Синдеевке декабрьские вечера длинные, тягучие и, не будь рядом Майки, — тоскливые. Грибы кончились только в начале октября, и то самые трудолюбивые сборщики пытались сдать добычу, изъятую чуть ли не изпод снега. Клюква шла до холодов. Когда морозы подцементировали болота, стало даже удобнее.

Примерно в это же время Глеб запустил колбасный заводик. Еще один запускал сам Еремеичев, но упаковкой и рекламой занимался все равно Железнов. Именно он уговорил Ивана потратить серьезные деньги на закупку флексоустановки, и теперь они печатали оболочку и наклейки не только для себя, но и для двух Ванькиных друзей-конкурентов. А это так приятно — получать живые деньги с конкурентов!

Впрочем, рынок пока был явно не насыщен, места хватало всем.

Но речь не об этом. А о том, что Глеб оказался в положении профессионального бегуна, который бежал, бежал, а потом, добежав до конца дистанции, вдруг замер в растерянности. Ощущение оказалось не из приятных: отними у белки колесо — и она вполне может помереть.

В Москве, конечно, тоже были моменты малой жизненной активности, но то — Москва. Там всегда можно найти себе развлечение.

Глеб вдруг понял, что настало его первое испытание на синдеевскую прочность. Ведь одно дело — убежать откуда-то, и совсем другое — куда-то. Будет ли ему хорошо здесь?

Да еще Майка как будто решила дополнительно его проверить. Он ведь думал, они чуть ли не завтра поженятся. Особенно после событий на Большой Болотине. Ан нет, Майка вдруг передумала насчет быстрых решений. В гости навевалась почти ежедневно, либо Глеб в детдом заходил. Однако на попытку любого физического сближения реагировала вежливо, но твердо. В смысле — пока не надо.

В принципе, Железнов угадал верно. Она не хотела облегчать ему проблему выбора, чтобы не жалел потом о скоропалительном решении. Пусть увидит жизнь в Синдеевке именно такой, какова она на самом деле. Без Большого театра и ночных клубов, без джакузи и множества телеканалов.

Правда, кое-чего Железнов не знал. Например, того, что Томка нашла его адрес, но писала и звонила не ему, а, быстро выяснив ситуацию, прямо Майе. Тамара как могла — а она умела быть убедительной — объяс-

няла, что Глеб принадлежит ей, что он — ее, до кончиков ногтей, и что она его все равно заберет. А потому не следует затевать с ним ничего серьезного, так как все равно — ненадолго.

Майка не боялась соперничества с Тamarой, она боялась соперничества с Москвой. Если Глеб вдруг ощутит, что настоящая жизнь — не здесь, то все равно не сможет быть счастливым.

Глеб не знал всех этих деликатных подробностей, но процесс некой ломки все-таки пережил. Правда, вовсе не так тяжело, как опасался. Во-первых, даже в зимнем застое дела все-таки были. Они с Еремеичевым не собирались останавливаться на достигнутом, да и достигнутое требовало постоянного пригляда. Во-вторых, он встал на подаренные ему Еремеичевым охотничьи лыжи и впервые после того дня, когда к нему приехали московские «гости», отправился в лес. Ружья не брал. Пошел просто так, подышать. Вернулся только к вечеру. Уставший, замерзший, но — счастливый. Теперь он точно знал, что никакой тоски больше не будет.

Сейчас Железнов был занят важным делом: укреплял лично срубленную пушистую елку на прочное основание-крестовину. Ему активно помогали человек десять воспитанников, и самое сложное было организовать эту помощь так, чтобы он все-таки мог заниматься делом. Елку Глеб принес с запозданием, очень долго выбирал. А еще ее надо было украсить игрушками, потому что Новый год — это такой замечательный праздник, особенно для детей.

Нет, дело, конечно, не в проблеме выбора елки. Он бы привез ее давно, а не тянул до последнего. Просто ему не хотелось вдыхать этот мощный еловый запах, заполнивший сейчас маленький актовый зал детского дома.

Глеб, взрослый и сильный мужчина, очень тяжело перенес октябрьскую встряску. Тогда здесь пахло так же. Еловые ветки были разбросаны и на полу, и на всем пути от дверей до автобуса с черной каймой на борту.

Железнов стоял рядом с маленьким гробом, не в силах отвести глаз от Ленкиного личика. Бледное и очень красивое, оно сейчас было лицом совершенно нормального ребенка. Только мертвого.

Ленку отпел священник, привезенный Еремеичевым из города. Дети, пришедшие попрощаться, вели себя по-разному: троица симулянтов казалась напуганной, некоторые были равнодушны. А Маринка так вообще активно радовалась происходящему, потому что все было красиво, и запахи были необычные, торжественные — пахло хвоей и ладаном. И конфеты давали шоколадные.

Священник строго взглянул на хихикающую девочку, она испугалась, заплакала — ее настроение могло изменяться мгновенно, как у маленько-

го детеныша, кем она, собственно, и являлась. Майка ее обняла, утешила, и уже через минуту Маринка осторожно, как зверек, выглядывала из-под ее руки. Это было и смешно и трагично одновременно: спрятавшаяся «детка» ростом была не меньше Майи Александровны. А уж комплекцией точно превосходила свою защитницу.

Так что беды в Синдеевке тоже случались. Вообще, беда — это норма жизни. Главное, чтобы она не подменяла жизнь.

Ну вот, елка укреплена. Глеб призвал на помощь «близнецов», и те начали украшать деревце, следя за справедливостью процесса: каждому должна была достаться часть приятного дела.

— Глеб, есть разговор, — сказала появившаяся, наконец, Майя.

Он напрягся, даже внизу живота заныло. Так же она начала, когда пришла сообщить о смерти Леночки.

— Что случилось?

— Нет-нет, ничего страшного. Просто... к тебе приехали.

— Кто?

— Иди домой, — уклонилась она от ответа.

— Ружье брать? — спросил Глеб, намекая на прошлых гостей.

— Не надо. Думаю, ты и так справишься.

«Что за секреты?» — недоумевал Железнов, преодолевая четыреста метров до своего дома. Казалось, между ним и Майей уже и секретов не осталось. Он рассказал ей все. И в ответ тоже узнал много необычного. Например, то, что скрюченная Баба-яга Мария — старшая сестра Майки. Она родилась, когда ее родители были еще студентами. Родилась вот такой. По настойчивым советам медиков ее отдали в соответствующее учреждение. Потом родился мальчик, Сергей, совершенно здоровый ребенок. Сейчас торгует дорогими автомобилями. Стал, как и папа, крутым бизнесменом, не только с деньгами, но и с большими связями — всем нужны «мерседесы». И при этом оставался любящим братом — он уже приезжал: посмотреть на всякий случай на Глеба.

А еще через десять лет родилась Майка, любимица семьи, росшая в нежности и уже в роскоши.

Но, как водится, не в коня корм. С детства таскала домой покалеченных кошек и птичек. Искренне страдала, когда вылеченная кошка сжирала вылеченную птичку. Мучилась несовершенством мира, но вовсе не собиралась пускать его развитие на самотек.

И вот такой человек — добрый, чистый — вдруг узнает страшную семейную тайну.

Она перевернула Майкину жизнь, в итоге приведя ее сюда, в Синдеевку. Здесь деньги и связи ее семьи помогли ей построить тот мир, который Майе казался правильным...

Дальше рассуждения Глеба не пошли, он уже подходил к повороту в проулок, ведущий к его новому дому.

А вот и сюрприз: прямо перед домом стоял голубой «лендкрузер» Тамарки.

Ни в машине, ни рядом никого не было. Значит, Томка в доме. И значит, встретила ее Майя — кто-то же должен был открыть дверь, а у Майки ключ есть. И последнее «значит»: значит, две его женщины друг с другом уже общались. Вот ведь забавно!

Он поднялся по ступенькам и зашел в дом. Снял дубленку, ботинки, развернулся, и... на шее повисло теплое, родное существо! Томка целовала его в губы, в щеки, в глаза. И плакала при этом.

— Ну, хватит, Томчик! — ласково успокаивал он жену. Злости уже не осталось, осталась только жалость. Ведь наверняка готовилась Томка к встрече, а на макушке — седая прядка.

— И это все? — подняв голову, улыбнулась Тамара.

Нет, жалеть ее еще рано! Кошка! Точно кошка! Одним длинным движением скинула с себя и блузку, и юбку, прижалась к Глебу всем телом, и... мир поплыл!

Остановился он только минут через пять. Они лежали в расстеленной постели, застланной нежным, шелковым, привезенным Томкой бельем («Все предусмотрела!» — мелькнула мысль), курили одну на двоих сигарету.

— Ты мой милый, — шептала Томка. — Ты — мой, никому не отдам!

— А где водитель? — вдруг спросил Глеб.

— Нет водителя. Я сама за рулем.

— Как — сама? — поразился он. — Ты же никогда на дальние расстояния не ездила?

— Значит, когда-то надо начинать, — улыбнулась жена.

— Ну, ты даешь, — покачал головой Глеб. — Полторы тысячи километров!

— Ничего страшного, — озорно махнула головой Томка. — Вчера днем выехала, машина — автомат, дави себе на педали.

— А если б сломалась в дороге?

— Новые «лендкрузеры» не ломаются, — даже слегка обиделась она.

— У тебя новая машина?

— Ага. Просто того же цвета. Я ведь теперь богатая.

— С чего бы это? — недоверчиво хмыкнул Глеб, и Томка сразу поняла, о чем он подумал.

— Слушай, Глебка, — серьезно сказала она, сев на кровати. — Ты прости меня. Я ведь больше никого не люблю. Только тебя. Я с ним больше ни разу не виделась, как ты ушел. — Имя не называлось, но и так все было понятно. — Мне больше никто не нужен, только ты. А деньги — по новым заказам. Это только моя работа. Никто не помогал. Ты не веришь?

— Верю, — ответил Глеб.

Томка попыталась еще раз приласкать мужа, но, не почувствовав встречного влечения, начала, как ни в чем не бывало, приводить себя в порядок.

— Сейчас мы чайку попьем, — сказала она, смешно выговаривая звуки — в зубах держала две длинных шпильки, — и поедем.

— Чайку попьем, — согласно кивнул Железнов.

Они сели за деревянный стол, красиво сколоченный лично Еремеичевым, и приготовили себе чай. Чайник, правда, в домостроевский стиль не вписывался — обычная бытовая электроника из магазина «колониальных» товаров. Зато варенье было Майкино, сваренное на домашней плите из вручную собранных ягод. Правда, Глеб благоразумно воздержался от манифестации этого факта. Про стол — сказал, а про варенье — нет.

— Вкусно, — невольно похвалила Томка соперницу.

— Ага, — подтвердил Глеб, чувствуя себя немного неловко, причем — перед Майкой. Хотя, с другой стороны, половая близость с собственной женой преступлением не является. А Томка ему жена, даже в паспорте зафиксировано.

— Здорово тут, — сказала Тамара. — Дышится легко.

— Бревна сам выбирал, — похвастал Глеб.

— Да, у тебя оказалось много скрытых талантов, — согласилась жена. И вдруг, посмотрев ему прямо в глаза, произнесла: — Поехали домой, а?

— Как? — опешил Глеб.

— Встаем — и сразу едем. Паспорт только с собой возьми, если ночью останавливаться придется.

— Ну, ты даешь! — качнул головой Глеб. — Я не могу вот так взять и уехать.

— Почему?

— Ну, во-первых, потому что здесь моя работа... — начал он перечислять.

— Она и останется твоей! — перебив его, горячо заговорила Томка. — Я действительно заработала кучу денег. Выкупим у твоего партнера равную долю, найдем менеджеров.

— Во-вторых, здесь мой дом, — словно не слыша ее, продолжал Глеб.

— Будем приезжать сюда на лето. — Заметив недовольство на его лице, Тамара торопливо добавила: — И зимой можно, на лыжах кататься. Дом очень хороший. А хочешь, — вдруг загорелась она, — его можно разобрать и перевезти в Подмоскovie. Участок купим, какой сам выберешь.

— Ты как ребенку игрушки сулишь, — беззлобно улыбнулся Глеб. — Но я уже не ребенок, Томка. У меня у самого тут дети.

— Какие дети? — насторожилась жена.

— Настоящие. Двадцать семь человек. А было двадцать восемь, — горько вздохнул он.

— А-а, ты про этих, — отмахнулась Томка, но тут же поправилась: — Я не против помогать этим детям.

— Им не деньги нужны, — заметил Глеб.

— Да, жизнь им посвятить я не готова, — честно созналась Тамара. — Но ведь и ты не готов! А зима только начинается, и она здесь длинная!

Они сидели, разговаривали, пили чай. И хотя после третьей чашки уже не хотелось, Томка боялась услышать окончательное «нет», а Глеб боялся его выговорить: он не забывал, что у нее большое сердце. А может быть, дело вовсе не в Томкином сердце? — мелькнула мысль. Может, он тоже хочет оттянуть миг окончательного решения? Не такой уж и явный выбор между Москвой и Синдеевкой. А между Томкой и Майкой?

Решив дать себе маленькую передышку, они вышли на крыльцо. Еще было светло, но солнце стояло низко, подкрашивая розовым облака на западе. Воздух был свежий, но не холодный, обычно в это время куда холоднее. Приятно попахивало дымком из труб.

— Придется тебе оставаться на ночь. Хочешь — здесь, хочешь — в гостиницу поселковую отвезу, — предложил Глеб.

— Нет, — тихо произнесла Томка. — Уеду я сегодня. Сейчас. С тобой или без тебя. Но хочу с тобой.

— Я тебя провожу, — сказал он.

Это и было ответом. Лицо Томки огорченно скривилось и как-то сразу состарилось. На глазах появились слезы. Но не такова Томка, чтобы даже в такой ситуации сдаваться.

— Ты, конечно, сам решишь, как тебе жить, — проговорила она. — Тем более я так обидела тебя. Но сделай для меня маленькое одолжение.

— Какое?

— Сядем в машину вместе. Выедем вон туда, — показала Томка рукой за деревню, — и ты сам у себя спросишь. И сам себе ответишь. Остальное — дело техники.

— Я думаю, не стоит, — покачал головой Глеб. — И ехать, на ночь глядя, тебе тоже не стоит.

— Это уже мне решать, — мягко ответила Тамара. — Ты решаешь за себя, я — за себя. Сделай, как я прошу. Притворись, что уезжаешь со мной. И возьми с собой паспорт, это ведь не сложно.

Они вернулись в дом, и Томка быстро собрала вещи.

Через минуту огромный джип уже плавно пробирался по узким деревенским улочкам.

Железнов не стал смотреть в зеркало заднего вида. Он и так знал, что из детдома на темную в опускавшихся сумерках машину пристально смотрит как минимум один человек.

«Лендкрузер» остановился прямо на пустынной дороге. Томка выключила мотор. От деревни — километр. От леса — десять метров: над дорогой нависал поросший сосняком и ельником высокий холм.

— Ну вот, милый, — сказала Томка. — Решай. Неужели ты сможешь жить тут всю жизнь?

Глеб обернулся. В избах зажглись желтые электрические светлячки. В дальнем конце деревни ярко светились окна детского дома.

Ему вдруг и в самом деле захотелось пройтись по запруженной народом, ярко освещенной Тверской, спуститься в феерические катакомбы Охотного ряда, оказаться в строгой роскоши Большого театра...

— Поехали, Глебка! — взмолилась она. — Все плохое забудется. Мы снова будем вместе. Хочешь, я попробую тебе родить мальчика или девочку?

— Тебе опасно рожать, — машинально ответил Глеб. Конечно, дело не в опасности. Жить тоже опасно, но живут же.

— Придумаем что-нибудь! — воодушевилась Тамара. — Троиخ тебе рожу. Вот! Ну что, поехали, Глеб? — и, не дожидаясь ответа, включила мощный двигатель.

— Нет, Томка. Я остаюсь, — решительно проговорил Глеб, открыл дверцу и легко спрыгнул на снег. — Пассажир сошел, Томка.

Тамара тоже вышла из машины и, приблизившись, обняла мужа. Он тоже обнял ее.

— А если я здесь останусь? — посмотрела она на него полными слез глазами.

— На ночь? — спросил Глеб. — Конечно! Не в темноту же ехать.

— Ты все понял, Глебка, не придуривайся, — всхлипнула Тамара. — Если я навсегда здесь останусь?

— Нет, — после паузы ответил он, — этого делать не стоит.

— Ну, значит, так тому и быть, — улыбнулась сквозь слезы Томка. Эта женщина умела держать удар. — Я поехала, Глебка.

Она закрыла глаза, прижалась губами к его губам. И сама же первая отшатнулась. Села за руль, помахала ему рукой в перчатке. Слоноподобный джип, фыркнув мощнейшим дизелем, на удивление мягко тронулся по скрипучему снегу, разрывая перед собой тьму двумя ксеноновыми снопами света.

Железнов остался один. Постоял немного, подождал, пока не исчез шум удалявшейся машины, затем резко повернулся и зашагал в сторону дома. Его шаги гулко отдавались в темноте.

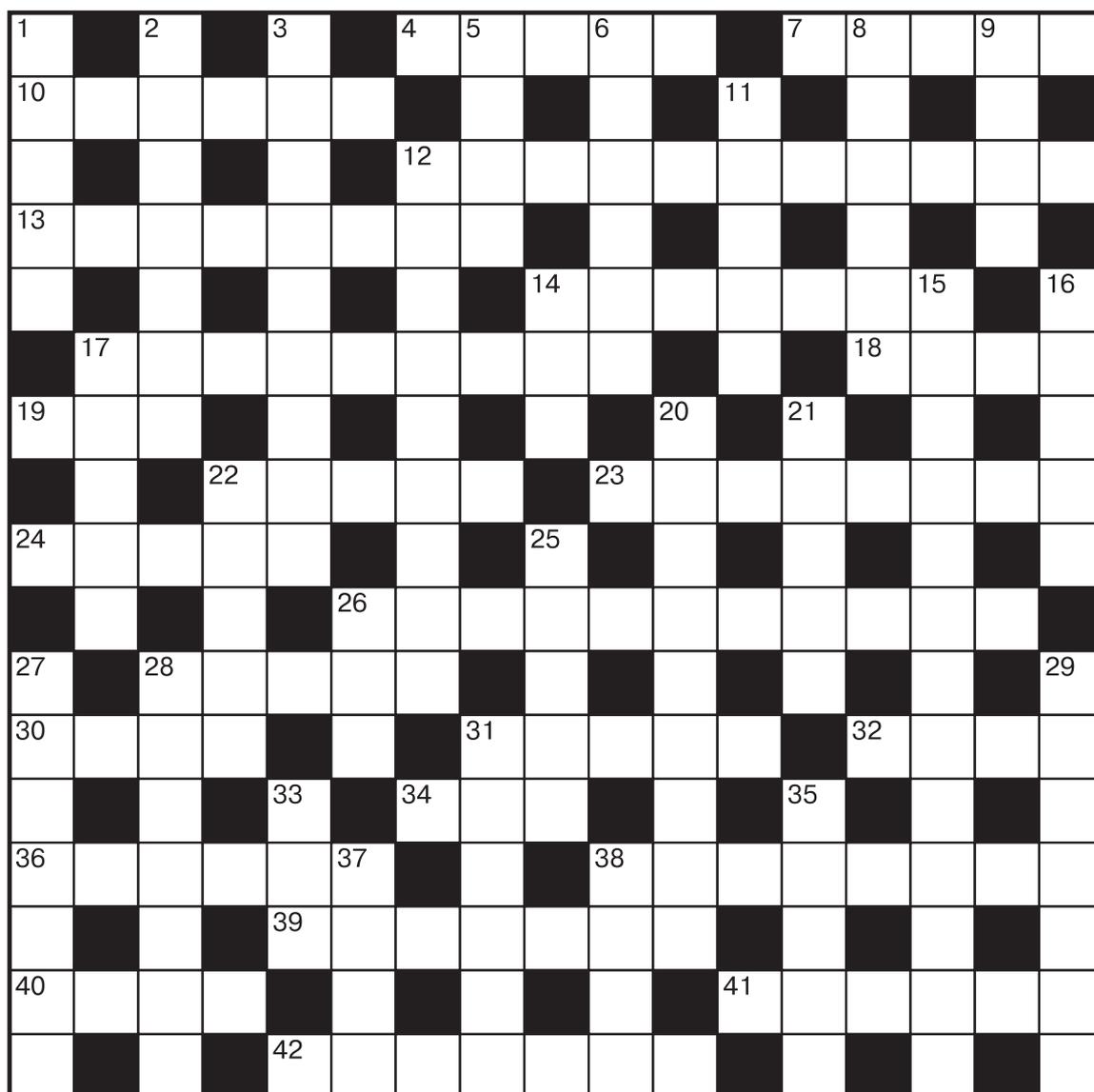
Сверху на него смотрели густо высыпавшие звезды и еще не набравший силу серпик луны.

А с заросшего лесом пригорка — внимательные желтые глаза, одинаково хорошо видевшие и днем, и ночью.

Волк дождался, пока Глеб дошел до околицы, после чего неуловимым и абсолютно бесшумным движением исчез, растворился в ночи.

А может, его и не было вовсе... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Последний приют Максима Горького. **7.** «У судьбы, стучащейся в дверь, всегда есть в кармане ордер на ...» **10.** «Отчаянные домохозяйки». **12.** Какое растение точно знает «секрет долголетия»? **13.** Бал неожиданностей. **14.** Американский черный воробей. **17.** «Золотые годы» средневековой культуры. **18.** Любимый головной

убор Марлен Дитрих. **19.** «Лучше помалкивать и казаться дураком, чем открыть ... и окончательно развеять сомнения». **22.** Какой английский классик пять лет срисовывал памятники и надгробия в Вестминстерском аббатстве? **23.** Что судья зачитывает? **24.** «Трагично в смерти лишь то, что она превращает жизнь в судьбу» (французский писатель). **26.** Что

выдвигают на выборах? **28.** Муза «с комедийным уклоном». **30.** Что выводит селекционер? **31.** Легенда мирового кино, так ни разу и не побывавшая замужем. **32.** Заведение для малюток. **34.** Брак в работе вратаря. **36.** Аттестат вуза. **38.** Оправдание хорошо видимых пороков едва различимым сочетанием молекул. **39.** Знак Зодиака под покровительством Урана. **40.** Где хранят тайну вклада? **41.** Что придумали абхазские чабаны для усиления иммунитета? **42.** Материал, которым покрывают шоссе и тротуары перед тем, как начать земляные работы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой недуг постоянно держал за горло Марсея Пруста? **2.** Ювелирный наручник. **3.** Парусник Христофора Колумба. **5.** Дневной повод утолить голод. **6.** Сальвадор Дали недоумевал, зачем человечеству ..., если ему не дано вечности. **8.** Кого кулак нанимал на себя ищачить? **9.** Какой секс-символ Голливуда свято верит в телесные наказания, сделавшие из него солдата? **11.** Свой фильм «Последний ...»

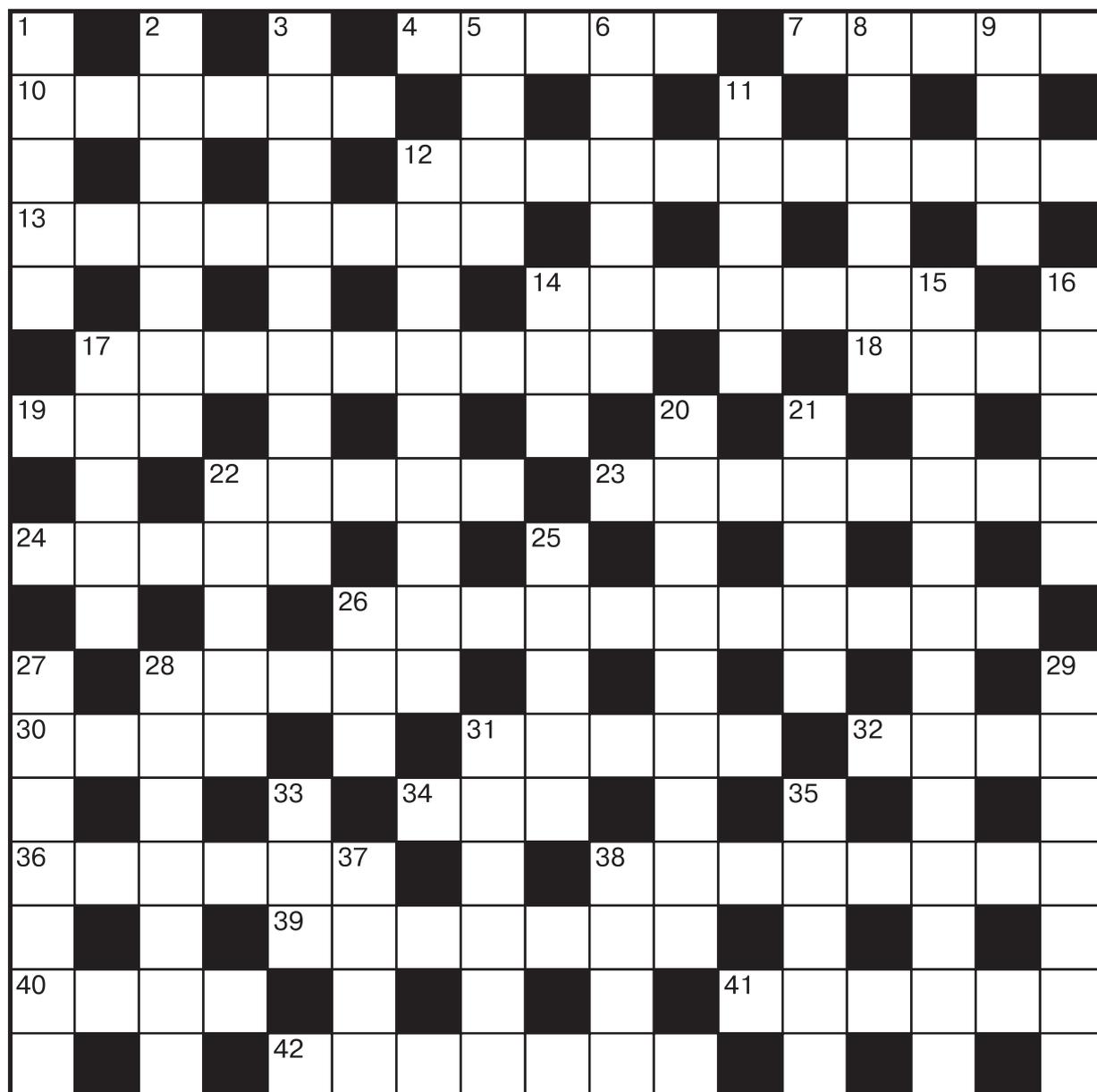
режиссер Алексей Учитель посвятил памяти Виктора Цоя. **12.** Улица, где жил «человек рассеянный». **14.** Голубая антилопа из африканской саванны. **15.** Частушка по числу строк. **16.** С каким природным явлением иногда сравнивают стремительность вальса? **17.** На каком острове можно посмотреть на единственный сохранившийся до наших дней древнегреческий стадион? **20.** Парикмахер «во времена оны». **21.** Горбатый заяц, умеющий отменно плавать. **22.** «Дамасская нержавейка». **25.** Абсолютный эталон. **26.** Какого артиста цирка тренер Константин Бесков считал своим лучшим учеником? **27.** Где помещик жил «вдали от шума городского»? **28.** В каком морском обитателе содержатся сорок элементов из таблицы Менделеева? **29.** Горы с полотен Николая Рериха. **31.** «Верхушка» шеи. **33.** Канава у стен крепости. **35.** Какой киноактер в начале своей карьеры отказался от фамилии Коппола? **37.** Порода собак, которая практически не поддается дрессировке. **38.** «Студень» у косметолога.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Курбе. **7.** Волк. **10.** «Спартак». **12.** Панкратион. **13.** Портсигар. **15.** Дайкон. **16.** Запах. **18.** Вестерн. **19.** Роу. **24.** Андрейченко. **25.** Обойма. **26.** Волга. **27.** Бекас. **30.** Снос. **34.** Луна. **35.** Сноубордист. **37.** Поле. **39.** Выигрыш. **41.** Тимуровец. **42.** Сачок. **43.** Клерк. **44.** Гасконь. **44.** Веста.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шпионаж. **2.** Тротуар. **3.** Батик. **5.** Удар. **6.** Баку. **8.** Ошибка. **9.** Кониная. **11.** Банан. **12.** Палеонтолог. **14.** Второгодник. **15.** Дрейф. **17.** Холмс. **20.** Пепел. **21.** Экран. **22.** Поиск. **23.** Голос. **28.** Кузов. **29.** Самец. **31.** Снегирь. **32.** Кумыс. **33.** Эскулап. **36.** Быдло. **37.** Почка. **38.** Леоне. **40.** Шале. **41.** Тост.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Наиболее посвященный» в античных мистериях. **7.** «Эхо одного события на другое» в японской классической литературе. **10.** Самая нейтральная из венецианских масок. **12.** «Юриспруденция» в рамках истории. **13.** Берестяная погремушка на Руси. **14.** Какой олень может целый час лаять?

17. Винный кубок древних греков. **18.** Какой плод окрестили «великой тайной» острова Таити? **19.** Кто создал журналы «Time» и «Life»? **22.** Австралийский «коричневый король» в рейтинге «Десяти самых ядовитых змей». **23.** Рождественский пряник у немцев. **24.** Создатель мира Нарнии, друживший с биографом хоббитов.

26. В честь какого уругвайского футболиста назвал своего первенца Зинедин Зидан? **28.** Великая английская актриса, чей сын стал «нареченным близнецом» для Айседоры Дункан. **30.** Премьер с купюры в 10 шекелей. **31.** Какой конь имеет прямое отношение к названию компьютерной компании ASUS? **32.** Что ищет Крот из мультфильма «Клад»? **34.** Парадный плащ европейских монархов в средние века. **36.** Плавающая планета из вселенной Warcraft. **38.** Где родилась Сафо? **39.** Ликер на основе пальмового меда. **40.** Заместитель босса в странах Ближнего Востока. **41.** Французский зонтик от солнца. **42.** Гениальный супруг балерины Ольги Хохловой.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Вселение в тело духовного существа у буддистов. **2.** Пятнистый сом из аквариума. **3.** Бывший английский министр, имитировавший в 1974 году собственную смерть, чтобы спрятаться в Австралии от долгов и налогов. **5.** Сплошная «дырка от бублика». **6.** «Самый скрытный» среди игроков в пейнтбол. **8.** Прародина ацтеков. **9.** «Ключ жизни»

из мифов древних египтян. **11.** Какого итальянца считают создателем классической виолончели? **12.** Самый известный исторический меч Японии. **14.** Плед шотландских пастухов. **15.** Охотник за пурпуром в Византии. **16.** Глава Коза Ностра по прозвищу Бестия. **17.** Французский натуралист, слывущий основоположником палеонтологии и сравнительной анатомии. **20.** Русский баталист, погибший вместе с адмиралом Степаном Макаровым при взрыве броненосца «Петропавловск». **21.** Кокосовая слива. **22.** Заявка в преферансе. **25.** Какому художнику посвящено большинство стихов из сборника Анны Ахматовой «Белая стая»? **26.** Обращение к итальянскому монаху. **27.** Английский «обезьяний костюм» для нас. **28.** Подавитель аппетита. **29.** Рыцарь «круглого стола» короля Артура. **31.** Европейские жители в Новой Зеландии. **33.** С кем из пророчеств Иезекииля обычно отождествляют Антиоха Эпифана? **35.** «Не силой бери, а убеждением» (античный мудрец). **37.** Индийская шапочка. **38.** «Самый невезучий» пилот «Формулы-1».

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Парфе. **7.** Ажур. **10.** Гриллер. **12.** Самоанализ. **13.** Святослав. **15.** Шуанбо. **16.** Вртак. **18.** Агридий. **19.** Нин. **24.** Циркумпункт. **25.** Ашютто. **26.** Байга. **27.** Кокус. **30.** Маза. **34.** Куду. **35.** Антиципация. **37.** Каго. **39.** Меджнис. **41.** Вигиларий. **42.** София. **43.** Марли. **44.** Леониды. **45.** Мереу.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Броварь. **2.** Альтман. **3.** Гессо. **5.** Агав. **6.** Фрош. **8.** Желине. **9.** Развод. **11.** Андуй. **12.** Сангвинария. **14.** Дискография. **15.** Шимми. **17.** Кинта. **20.** Лучок. **21.** Оквуд. **22.** Хармс. **23.** Гюрза. **28.** Кузар. **29.** Сувой. **31.** Анджела. **32.** Бивис. **33.** Мититей. **36.** Хекау. **37.** Карно. **38.** Гижда. **40.** Соте. **41.** Вийе.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

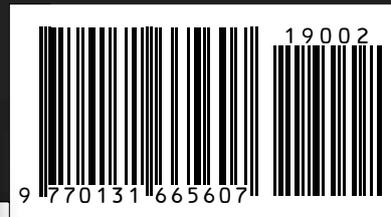

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

